

KING COUNTY LIBRARY SYSTEM



30000004285098

РУССКОЕ
ВАЖЕНЬЕ
И
ДРУГОЕ

ЛЮДИ И
УЛИЦА



320TH

...ста... чит...
...столика, на котором лежала
...некра...
...был хоро...
...от друго...
...в незапамятны...
...воспомин...
...она...
...подумала

горьм и
оставила его

Author: Ulitskaia, Liudmila.

Title: Russkoe varen'e i drugoe : [p'esy]

с крупными
начала козу Он з
"что т... смеяться"

**РУССКОЕ
ВАРЕНЬЕ
И
ДРУГОЕ**

Наташенька, - ласко
стареккие руки лиц

людишка
без в
Песч

голубой
МОСКВА
ЭКСНО
2008

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
У 48

Оформление А. Красулина

У 48 **Улицкая Л.**
Русское варенье и другое / Людмила Улицкая. — М.: Эксмо, 2008. — 256 с.

ISBN 978-5-699-25803-1

В сборнике впервые публикуются пьесы, написанные Людмилой Улицкой в период с 1988 по 2003 год.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-25803-1

© Л. Улицкая, 2008
© Оформление. А. Красулин, 2008
© ООО «Издательство «Эксмо», 2008

Семеро святых
из деревни Брюхо

пьеса

Действующие лица

ДУСЯ, средних лет, блаженная
МАНЯ ГОРЕЛАЯ, средних лет, юродивая
АНТОНИНА, без возраста, хожалка Дуси
НАСТЯ, молодая, хожалка Дуси
МАРЬЯ, без возраста, хожалка Дуси
ОТЕЦ ВАСИЛИЙ, старый священник
ТИМОША РОГОВ, совсем молодой
АРСЕНИЙ РОГОВ, около тридцати
ГОЛОВАНОВ, средних лет
НАДЯ, молодая
СУЧКОВА, старуха
ВЕРА, совсем молодая
ДЕВЧОНКА
ХУДАЯ ЖЕНЩИНА с ребенком
СЕМЕНОВ, СИДОРЕНКО, ХВАЛЫНСКИЙ, МУ-
ХАМЕДЖИН, красноармейцы, они же омоновцы
ЛЮБА

Пьеса была поставлена во Фрайбурге, Москве и Тюмени. Она игралась без пролога и эпилога, которые были написаны позже и являются в некотором роде уступкой публике, и не представляются автору необходимыми. На усмотрение режиссера.

Людмила Улицкая

Пролог

ГОЛОВАНОВ. Здешний я. И отец, и дед, и прадед. Нас в этих местах все знают. И мы, Головановы, тоже всех знаем. Место наше особенное по своей неопределенности: ни то ни се. Лет двести тому назад была обыкновенная деревня с некрасивым названием Брюхо. Глухие места. Проезжал по здешней дороге тамбовский, говорят, купец Никитин, и напали на него грабители. Связали Никитина и возчика его, а лошадок с товаром угнали. Дело было зимнее. Лежит купец и чувствует, что замерзает. Он взмолился к Божьей Матери и видит, что вдали огонек загорел и все сильнее светит. И вышел тут старичок весь сияющий, сами знаете кто. А в руках икона небольшая, вот такая. Он, старичок, эту иконку на дерево повесил и исчез. А от нее такое тепло пошло, что привиделись Никитину травка да цветы. Наутро нашли добрые люди купца и возчика его живыми и невредимыми, развязали и обогрели. И икону увидели — висит на дереве.

8 А в пяти верстах нашли и лошадок с товаром. Испугались чего-то разбойники. Всё побросали и сбежали... В тот же год поставил Никитин здесь часовню для спасительной иконы. И многие сюда приходили, получали исцеление и всяческое облегчение... А потом на этом месте построили церковь. Деревня в село преобразилась. И была ничего себе. Однако лет через сто на полпути к Городку открыли валяльную фабрику, и народ деревенский разбаловался, хлеб сеять перестал. Сначала ушли на фабрику мужики поплотше, а через несколько лет, соблазнившись безответственной работой, оторвались от земли и хорошие. Говорили так: «Ихняя работа меряная, начал и кончил, а наша, на земле, немеряная, как лег в землю, так и конец».

И осталось крестьянствующих несколько дворов, другие стали жить пролетариями, и даже бабы потянулись в работницы.

Вообще же места наши славятся святостью: с давних времен поселился в глухих окрестных лесах святой человек, тот самый старичок, о котором я... Долго жил он в уединении, а потом стали к нему собираться и другие, подвизавшиеся в духовном подвиге. С годами обстроились церквами и монастырями, обзавелись монашествовавшей братией. Со всей России сходились и съезжались сюда богомольцы и страждущие. После того, первого старца, святые уже не переводились в наших местах. Революция, конечно, все поменяла, но не сразу и не окончательно. Новая власть в то время, хотя и показала уже свою кровавую свирепость, но не совсем еще утвердилась. Однако во мнении людей обыкно-

венных, не завлеченных идеей полной переделки мира по фасону новой справедливости, была эта власть неправильная, слишком кровавая, да притом и ветродуйная. Начальничали теперь люди либо пришлые, часто даже и чужекровные, либо из местных самые никчемные и с дурной славой. Да что там говорить... В наших местах к Божьему чуду привыкли как к дождю или к снегу, и потому больше уповали на непостижимую справедливость Божьего суда, чем на справедливость — тоже, впрочем, непостижимую — начальника местной советской власти Сеньки Рогова, человека, между прочим, из наших мест.

Была в нашей деревне и своя блаженная Дуся. Неходячая. Провидица, много чудесных дел делала. Раньше ее зимой на санках, летом на колясках по всей России возили, а году, что ли, в десятом она одной богатой барыне сына исцелила. И та хотела ей чуть не все состояние отписать, а Дуся попросила дом ей в родной деревне, здесь, в Брюхе, купить... Барыня ей дом и купила. Ходили за Дусей три женщины, хозяйки, при ней и кормились. А еще была в Брюхе примечательная особа Маня Горелая. Тоже знаменитая, но в другом роде. Прозвище свое получила за следы ожогов на щеках. Была она беспримерной ругательницей и как будто ясновидящей: все знала про всех, и прошлое, и будущее. Ее побаивались, однако за честь считали, если она к кому в особо сильные морозы приходила в дом заночевать. А так на улице жила. Ни дома, ни двора. И была между двумя нашими блаженными вражда.

Картина первая

Двор возле Дусинога дома. Во дворе худая женщина с больной девочкой, завернутой в одеяло, согнутая пополам старуха Сучкова, Надька — молодая баба, красивая, но с подбитым глазом, беременная Вера, совсем юная, почти девочка. Поодаль, привалившись спиной к забору, дремлет одетый в городскую изношенную одежду

Голованов.

Из дома слышится стройное пение. Поют акафист Божьей Матери. Пение, то затихая, то усиливаясь, то переходя в ритмическое чтение псалмов, будет звучать все время.

Антонина, в монашеском одеянии, в апостольнике подходит к крыльцу с полными ведрами. Увидев посетителей, выплескивает воду на землю и уходит откуда пришла.

В Е Р А. Уж который раз за водой идет. Чего ж она ее все выливает?

Х У Д А Я. Видать, не в воде дело. Смотри, колодец-то рядом, а она вон куда ходит...

СУЧКОВА. В колодце вода низовая, мутная да кислая. А там ключ святой.

ВЕРА. А чего ж она ее выливает? А в тот раз прям с крыльца выплеснула.

СУЧКОВА. Это по Дусину слову: если зверь нечистый или человек сренется, или колокол грянет, или еще чего, не знаю, то вода и портится. Уж ни на мытье, ни на питье Дуся нипочем ее не примет.

ХУДАЯ. А правду говорят, что она не ото всех берет?

СУЧКОВА. Не, брать берет. Еду только не ото всех есть станет. Другой раз возьмет, да и раздаст. А подарки-то она брать любит. Платки как еще берет, и простые, и хорошие. И шали у нее есть, даже и золотого шитья. Она любит. А сама носит только платок белый, простой, вроде как фатой его повяжет и постирать не дает. А тут было годов десять или поболее платки у ней в сундуке сами собой погорели. Запахло вдруг тлелым у нее в келье, и уж по всей деревне понесло. Обыскались, где тлеет. А на другой день сделался у ней в келье воздух черен и дух смрадный, открыли сундук, а там одни уголья от платков.

ВЕРА. Ну и что она, Дуся-то?

СУЧКОВА. Дуся — в слезы. Как же, говорит, я теперь моих доченок одену, без платочков-то... Это, говорит, все Маня Горелая, она навела. Но тут-то она ошиблась, Маня в ту пору в Дивеево ходила, ее тут и не было.

Вера подбирается к окну, заглядывает внутрь.

ВЕРА. Батюшки-светы! А хлебов-то, хлебов! И несут, и несут. И считают. На что им столько?

12 НАДЯ. Отберут, если прознают. Нас с Пасхи два раза обкладывали. Сперва хлебом обложили, а потом медом. Знают, что мой Петр Фомич пчелок водит. Дай-ка гляну...

СУЧКОВА. Молчала бы лучше.

Надя оттесняет Веру от окна, заглядывает.

Хватается за макушку.

НАДЯ. Ой!

ВЕРА. Ты чего?

НАДЯ. Вроде камушком кто лупанул... Смотри-ка!

Появляется Маня Горелая. Зипун на голове.

Подол задран, в подоле камушки. Достает камень, бросает в Надьку.

НАДЯ. Ой!

- СУЧКОВА. Мань, ты чего обижаешь-то ее? Она, может, за помощью пришла, цельный день ждет, ты за что ее...

МАНЯ. Шуба волчья сукном крытая да ложек дюжина из барского дома... Ой, придавили тебя, придавили...

СУЧКОВА. Какая шуба, Маня, какая шуба? Ты чего на меня наговариваешь? Не брала я никакой шубы.

МАНЯ. Брала, брала. На спине и лежит. О, придавила-то как. И ложечки серебряные... Все воры, все... Кроме Дуси. Она дура. Иди, иди к Дусе, она тебя выпрямит. А ты потом будешь серебряными ложечками по огненной сковороде шкрябать...

Сучкова крестится, пятится.

СУЧКОВА. Окстись, Маня. Не говори напрасно. 13

Антонина с полными ведрами проходит мимо Мани.

МАНЯ. Иди, иди. Исцелит тебя святая колода во имя пера, пуха и глухого уха! Исцелит.. *(Пляшет вприсядку.)*

Антонина выплескивает воду из ведер, ставит ведра наземь. Машет рукой и снова уходит.

ХУДАЯ. Опять ей воду испортили...

СУЧКОВА *(Мане)*. Что говоришь-то, сатана!

Сучкова прячется за угол дома. Маня достает камень и бросает в Надю.

НАДЯ. Ты за что меня бьешь, Манечка?

МАНЯ. Небось, меду принесла?

НАДЯ. Принесла.

МАНЯ. А на что принесла?

НАДЯ. А гостинца Дусе, Манечка. В другой раз и тебе принесу.

МАНЯ. Нужен мне твой мед. Намажь им дырку-то свою, кошель лохматый. Хочешь быть етой, а будешь битой.

Маня, почесываясь, отходит. Садится наземь, очищает босые пальцы ног от грязи.

Сучкова высовывается из-за угла.

СУЧКОВА. Вот ведь злодырка, всех оговорит... И всюду суется, всюду лезет. Все ей надо... Надь, а ктой-то тебя так? Петр Фомич, что ли?

14 НАДЯ. Петр Фомич ни в жисть меня не тронет. Это я малек загуляла в Степанищеве, и прибила меня мужикова баба. А Петр Фомич меня жалеет. Поди, говорит, к Дусе, попроси, чтобы отстать тебе от этого дела.

СУЧКОВА. Это ей ничто, ничто... Она тебе сухарика даст молёного, и отойдет. У ней молитва крепкая: и больных исцеляет, и бесов изгоняет. Лет, что ли, пять тому или семь в Латырино мальчонка утоп, так отец его бездыханного взял да верхами прямо к Дусе. Она мальчонку и подняла. Из мертвых восставила. Совсем здоров стал. Только через год обратно утоп.

ГОЛОВАНОВ (*зашевелился, привстал*). Милостивый государь Иван Густавович! Ужели вы не можете принять в соображение... Фу, какая гадость!

ВЕРА. А этот тоже за молитвой?

НАДЯ. Николай Николаич? Нет, он так упал. Шел мимо да упал. Тяжелое вино — вишь, как оно к земле клонит. (*Подходит к нему.*) Чего тебе, Николай Николаич? Может, попить принести?

ГОЛОВАНОВ. Ох...

Надя черпает воду в кадке, мочит ему лоб, Голованов хватает ее за руку, пытается поцеловать.

НАДЯ. Ты что, Николай Николаич? Ты отдыхай, отдохнай, милоч.

ГОЛОВАНОВ. Чем больше хочешь отдохнуть,
Тем жизнь страшней, тем жизнь страшней,
Сырой туман ползет с полей...

Нет, другое...

Мы дети страшных лет России...

Чем жизнь страшней, чем жизнь страшней...

ВЕРА. Стихи знает.

НАДЯ. Он культурный очень.

ВЕРА. Оно и видно.

НАДЯ. Пойдем. Домой тебя сведу.

ГОЛОВАНОВ (*ловит Надину руку, целует*). Ангел, прости меня. (*Надя его поднимает.*)

НАДЯ (*Сучковой*). Сведу его.

ГОЛОВАНОВ. Густав Иванович! Иван Густавович! Мой ангел! Честь имею и... никогда не потерплю, чтобы в моем присутствии...

СУЧКОВА (*Наде*). Ждать-то боле не будешь? Ты ж хотела молитовку получить... али нет?

НАДЯ. Другой раз. (*Уводит Голованова.*)

СУЧКОВА. А в тот год в эту пору дожди были.

Маня кончает свой педикюр и подходит
к худой женщине с ребенком.

МАНЯ. Чего сидишь дура душой? Чего пришла?

ХУДАЯ. Дочка вот больная.

МАНЯ. А чего это она у тебя больная?

ХУДАЯ. Господь попустил.

МАНЯ. Ага, Господь попустил, а ты к Дусе, значит...

А по святым местам ходишь?

ХУДАЯ. Хожу.

МАНЯ. И в Киев ходила?

ХУДАЯ. Ходила.

МАНЯ. В Оптину ходила?

ХУДАЯ. Ходила, мамочка моя.

МАНЯ. В Дивеево ходила?

ХУДАЯ. Всюду, всюду ходила. К самому Иоанну Кронштадтскому ходила. Она еще махонькая была, как я ходила.

16 МАНЯ. И что, не помог тебе Иоанн Кронштадтский?

ХУДАЯ. Не помог. Царствие ему Небесное, ни чуточки не помог.

МАНЯ. А сама-то Богу молишься?

ХУДАЯ. Молюсь, матушка.

МАНЯ. Божью Матерь призываешь?

ХУДАЯ. Призываю.

МАНЯ. Не помогает?

ХУДАЯ. Не помогает.

МАНЯ. А доченька твоя, как ее святое имя?

ХУДАЯ. Елена. Еленочка.

МАНЯ. Твоя Елена, говорит она что?

ХУДАЯ. Какое говорит... бессловесная она. Смотрит только глазками.

МАНЯ. Не говорит, значит... А что, много ли грешит она?

ХУДАЯ. Мамочка моя! Какое грешит? Как грешить-то ей, ни ручкой, ни ножкой не шевелит, только-то и может, что плакать слезками бессловесными. Четырнадцатый годок уже.

МАНЯ (*становится на колени, смотрит на девочку*). Ангел небесный, ни словом, ни делом не согрешает... Что ты таскаешь-то ее, дура пешеходная, по белу свету, как котенка? Иди домой, дура, иди... Будет тебе и радость, и утешение, погоди чуток, недолго уже ждать.

Женщина укладывает девочку на землю,
встает перед Маней на колени.

ХУДАЯ. Исцелится?

МАНЯ. Домой иди, тебе говорят. Не нужна тебе колода святая, Дуська-то. Бери своего ангела и проваливай. Утетишься скоро.

СУЧКОВА. Иди, иди... У ней слово верное. Как ска- 17
зала, так и будет.

Женщина вынимает из-за пазухи платочек,
развязывает, хочет дать Мане денежку.

МАНЯ. Иди, тебе самой скоро пригодится.
ХУДАЯ. Ох, разрешила ты меня, всю жизнь буду Бо-
га о тебе молить...

Женщина взваливает девочку на плечо. Уходит. Маня раз-
махивает рукой, как будто кадит, и поет дурным голосом
«Со святыми упокой...». Потом садится на землю и, бросая
мелкие камешки Дусе в окно, выкликает...

МАНЯ. Святая колода, моли бога о мне!
Святая колода, моли бога о мне!
Святая колода, моли бога о мне!

На крыльцо выходит хожалка Марья, выплескивает на
Маню горшок. Маня валится на спину, сучит ногами.

МАНЯ. Ой, святая колода святой водой поссали! Ис-
полать! Исполать! Исцелили! Освятили! Только
мирром не помазали!

МАРЬЯ (*говорит по-русски с мордовским акцентом,
еле вяжет слова, но понимает все отлично*). Иди
отсюда. Половина сатаны. День на крыша си-
дит, ночь на крыша сидит. Иди жопа.

Сучкова и Вера смеются.

МАНЯ. Чего смеетесь, дуры? Плакать будете. Ждите,
ждите, дуры. Примет вас Дуся, напустит на вас
святого духа, не продохнешь.

18 МАРЬЯ. И ты пошел вон!

ВЕРА. Я?

МАРЬЯ. Два пошел вон! Дуся бога молица. Все бо-
га молица!

Маня, приплясывая и раскидывая камешки, уходит.

Картина вторая

Дусино жилище. Большая комната, разделенная надвое выгородкой или занавеской. Меньшую часть, с кроватью, Дуся называет «кельей». Дуся в постели, на горе подушек, перебирает четки. Платок повязан странно, два конца на лбу завязаны узлом, в который воткнуты бумажные цветы, а два других угла платка разложены по плечам наподобие фаты. Антонина тихо поет псалмы. Марья по приставной лестнице лазает вверх-вниз, стаскивает с чердака каравай.

- Настя, молодая прислужница, принимает на руки последний каравай, крестит, складывает на лавку.

МАРЬЯ. Все. Пусто там.

НАСТЯ. Семьдесят шесть, семьдесят семь, семьдесят восемь... Матушка, семьдесят восемь. Все сухие, чистые, мышами не трачены. Слава Богу.

ДУСЯ. Слава Богу.

НАСТЯ. Что, теперь обратно наверх прибрать?

ДУСЯ. Не прибирай. Платочком прикрой, пусть здесь лежат. Они предназначенные.

МАРЬЯ. Голова есть? Красноармеец придет, все возьмет. Голова твоя возьмет. Прячь хорошо.

ДУСЯ (*плаксиво*). Она мне перечит, она мне все перечит. Видит, я больная, и перечит. Не слушает

меня. *(Достает из постели лоскутных кукол.)* Только детки мои меня слушают, хорошие мои деточки, в рай пойдут с Дусенькой. Ниночка-первиночка, Иванушка в синей рубашечке вот... Егорушка где... Слушают. И Царица Небесная слушает... А больше никто меня не слушает... *(Плачет.)*

НАСТЯ. Матушка, голубушка, скажи, все хлеба здесь оставлять?

ДУСЯ. Пресвятая Богородица, они нисколько меня не слушают, послушания не любят, обижают бедную Дусю.

НАСТЯ. Прости Христа ради, матушка. *(Становится на колени.)* Каким платочком велишь прикрыть?

ДУСЯ. Вдовым, Настенька, вдовым. Возьми в сундучке зеленом черенькие платочки, их там наготовлено, и покрой мой хлебушек. А ты, Марья, встань перед божничкой и клади поклоны. Сто поклонов.

МАРЬЯ. Марья пять знает, десять знает. Сто не знает!

ДУСЯ. У, какая противная, строптивая... Куда пошла?

МАРЬЯ. Я к Николай Угодничек.

ДУСЯ. Ишь, чего захотела. К Божьей Матери ходи. А Николай Угодничек погодит пока...

Марья подходит к другой иконе и кладет поклоны. Настя достает из сундука черные платки и покрывает ими хлеба на лавках.

Настя, нет. Эка ты бестолкова! Восемь хлебов не покрывай, их убрать надоть. Они не предназначенные. Деток кормить надо. А семьдесят — по-

крывай, семьдесят — предназначенные. Антонина, самовар ставь, гость при дверях.

АНТОНИНА. Воды нету, матушка. Прости меня, грешную.

ДУСЯ. А чего же ее нету, воды-то?

АНТОНИНА. Не донесла. Уж на крыльце была, а собака залаяла.

ДУСЯ. Молитву не читала.

АНТОНИНА. Читала, матушка.

ДУСЯ. Значит, безо внимания.

АНТОНИНА. Прости, матушка.

ДУСЯ. И чаю испить не дадут, злыдни какие. День на исходе, они всё самовар не ставят, за водой не ходят. Все ленятся, чаю больной не дадут испить. Накажут тебя, Антонина. Вот мне сон-то снился! *(Смеется ехидно.)* Кто у меня живет, и Вера покойная тоже, все стоят с букетами, и у всех розы, у кого белые, у кого розовые иль голубые, а кто ко мне приходил да приносил милостыню, у того ветки-вайи и можжевеловые, в синих ягодах. А ты, Антонина, и ты, Марья, стоите коло меня с прутьями сухими, потому что не имеете послушания и молитесь плохо.

АНТОНИНА. Матушка, Дусенька, прости меня.

ДУСЯ. Я-то простая, я простю. А вот простит ли Господь, как вы за бедной Дусей плохо ходите, обижаете. *(Плачет.)* И так расстроят, так расстроят, разобидят, и молиться бедной Дусе на дадут. Конфетку принеси, Настасья.

Настя шарит в буфете. Шебуршит бумагой,
приносит Дусе конфетку.

Замучила? Совсем тебя замучила? Сама Дуся конфетки ест, а за ложку меду шумит?

НАСТЯ (*встает на колени*). Прости, матушка, Христа ради. Не сама думала, — враг вложил.

ДУСЯ. Враг, враг вложил. Я твои мысли знаю. (*Расправляет «фату», поправляет бумажные цветы на голове.*) Этого захотела? Вот и я тоже хотела. Ой, как хотела-то! Сам кудрявый, глаз синий-синий был у Проклушки, аж черный. И пояс серебряный, ни у кого такого не было, заморский пояс был. Гуляли мы. Сговорились. Собрали меня к венцу, на свадьбу всего заготовили. Я дочка одна у родителей, а родители мои были не бедные, ой, не бедные. Время-то после Петровок, самое сладкое время. Все зелено, аж слезу вышибает. К венцу идти, а его все нет. Нету жениха, вот что я говорю... Жду. Вдруг вижу, Татьяна, сестра Проклова бежит ко мне через двор, а платок на ней черный. Я и пала наземь, забилась. Меня ну водой отливать. Отливали, отливали. Вишь, живая осталась, только ноженьки мои — все, с тех пор и не вставала я на мои ноженьки. А Прокл что? Сбежал, сгинул, по сю пору в бегах. (*Поет.*) Нина Прокловна ждет, Иван Проклович ждет, Катерина, Евдокия да Егорушка, где наш батенька, где наш папенька, со гостинцы, со картинцы, со приветами... А отпущу я тебя, Настя, добра тебе в том не будет.

НАСТЯ. Видно, мне добра ни в чем не будет.

ДУСЯ. А ты думала? При последних временах живем, на страдание рожденные.

НАСТЯ. Порадоваться хотела, матушка.

ДУСЯ. Здесь потрудишься, там порадуешься. Там есть еще кто? Пусть взойдет, кто там во дворе.

НАСТЯ. Были странники, да разошлись все.

22 ДУСЯ. А я тебе говорю, пусть взойдет девка.

Настя выходит, приводит с собой Веру.

НАСТЯ. Вот она, за поленницей притулилась, ее и не видно.

ДУСЯ. Антонина! Ты того, ложечку меду дай ей. Послади, послади ей... Чего такую маленькую ложечку берешь? У, жадина... Или побольше ложечки нет? *(Вера открывает рот, Антонина сует туда ложку с медом.)* Иди, за самоваром смотри. Нечего без дела стоять. *(Вере.)* Ну чего, нагуляла?

ВЕРА. Нет, не нагуляла нисколючки. Он страшный, силком меня взял. Маманя у них уборщицей, я ходила помогать. А маманя заболела, я вместо нее одна пошла. А он навалился. Страшенный, противный. А потом мамка говорит — иди, он тебя зовет. Я и пряталась, и убегала. А мамка говорит — иди, а то совсем убьет. Я и хожу. А тут он мял меня. Говорит, сына родишь — женюсь. А люди говорят, есть у него жена в Тамбове или где. Я думала, он меня сам бросит, я бы потерпела. И что ребеночек, это ничего. А что же теперь, так и жить с ним. Я боюсь его, он страшный.

ДУСЯ. Не первая, не последняя. *(Теребит своих кукол.)* Вот он Ванечка, вот Танечка... деточки мои.

ВЕРА. Сон я видела. *(Закрывает глаза руками.)* Будто дитя у меня закричало в животе. И крик вроде как бы железный, и так дергает, дергает, вроде у меня не дитя, а машина. Страшна...

ДУСЯ. Марья! Антонина! Настя! Где вы все подевались?

Входит Антонина.

Послади ей, бедолаге. *(Антонина берет большую ложку.)* Какую ложку брешь? Еще уполовник бы взяла. Малую ложечку бери, какой мед черпают. *(Антонина сует Вере в рот ложку меду.)* Иди с Богом, иди.

В Е РА. Матушка, так что ж мне делать-то? Мамка послала, иди к Дусе, как Дуся скажет, так и делай. А страшно.

ДУСЯ. Бог вразумит. Дуся больная, Дуся темная, Дуся грешная... Что Дуся? Ничто. Иди с Богом. *(Хожалки выпроваживают Веру.)* Господи, когда же приберешь нас? Поди, Настя, дверь отвори. Гость к нам.

Входит отец Василий.

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Здравствуйте. Мир всем.

Хожалки подходят под благословение.

ДУСЯ. И духови твоему. Ты, Антонина, иди за водой, но с молитовкой, с молитовкой... А ты, Марья, встань да иди отсюда. И ты, Настя... Прочь пошли.

Хожалки выходят, отец Василий прикрывает дверь.

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Ходил я, матушка, в совет нечестивых. По повестке. В Городок вызывали.

ДУСЯ. Господи помилуй.

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Егда бе юн, поясашеся сам и хождаше аможе хотяше, егда же состарешесе, ин тя пояшет и веде аможе не хочещи...

ДУСЯ. Ох, препояшут, препояшут... Время-то тесно, но есть еще маленько...

24 ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Как жить будем, Дуся?

ДУСЯ (*причитает*). Ох, плохо, батюшка, плохо...

Обижают хожалки Дусю, чаю не дают, не слушают... Маня Горелая опять приходила, камнями в окно бросала. Очень обижала Дусю.

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Оставь Маню в покое. У каждого свое поприще. Я за советом к тебе. Меня, Дуся, опять хлебом обложили.

ДУСЯ. Меж пальцев не много мяса-то.

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Я им говорю: поп хлеба не сеет, не жнет, попа народ кормит. А мы, говорят, не дураки, мы тебя печеным обложили. У тебя, говорят, в селе триста дворов, тебе народ носит, вот ты нам семьдесят караваев и доставь. Три дня дали. Они меня уже и льном обкладывали, и медом. Такая контрибуция.

ДУСЯ. Господи Иисусе Христе, помилуй нас грешных.

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Отказался я, Дуся. Нет, говорю, у меня хлеба. Приходите и ищите. Что обрящете, то ваше. А начальник их, Рогов Арсений, нашей Ирины Федоровны сынок старший, говорит мне: ты меня, батюшка, не учи, у кого чего нам искать, мы сами ученые. А ведь он, Дуся, крестничек мой. Ирина Федоровна, она теперь у меня в церкви вместо старосты, а тогда совсем молодая была, пела на клиросе, голос и по сию пору ангельский... она меня просила в приемники к своему первенцу... Ох, взыщется с нас...

ДУСЯ. Пресвятая Богородица, моли Бога о нас.

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Придут за мной, Дуся, не сегодня-завтра. Со всего уезда уже собрали иереев в Городковскую тюрьму. Пора и мне собираться, думаю.

ДУСЯ. Не будет тебе тюрьмы.

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Я не об этом забочусь: будет так будет. Церковное имущество всюду конфискуют. В Степанищево храм подчистую обобрали, и сосуды священные. В Тальниках тоже. Имущество — что... А у нас чудотворная. Или спрятать где? А то ведь унесут, осквернят, как храм иудейский.

ДУСЯ. Вперед не забегай, отче. Тут тебе семьдесят хлебов отсчитаны, в зальце под платками лежат. Ты брось собаке кость, ну как отвяжется.

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Семьдесят хлебов, говоришь?

ДУСЯ. Семьдесят, батюшка. Настя счет вела.

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Как же ты прознала?

ДУСЯ. Не знаю, может, шепнул кто...

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Да откуда же у тебя столько хлеба-то, Дуся?

ДУСЯ. Народ несет. Собралось. У него, у Кормильца, всего много. А вот где лошадку взять, того не знаю. Ужели Он нам на бедность лошадку не приберет? Надо бы хлеба поскорее им отправить, пока не прискочил враг...

Священник встает, крестится на образа.

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Слава Тебе, Господи, Слава Тебе.

ДУСЯ (*поет довольно-таки дурным голосом*). Благослови, Душе моя, Господа, и вся внутренняя моя, Имя Святое Твое... Не пришел еще час, не пришел.

МАРЬЯ (*всовывает голову в окно — видно, под окном подслушивала, — кричит*). Петр Фомич с лошадака едет, мед торговать в Городок везет!

ДУСЯ. Ишь, орать взяла моду. Марья, сбегай, Тимошу призови, поможет хлеба оттащить.

26 ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Бог с тобой, Дуся. Надо у Петра Фомича узнать, возьмется ли еще везти?

ДУСЯ. А вы, отче, идите на дорогу-то, а то мимо проедет.

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Не чудо ли? И хлеба эти... И лошадка... Кто знал, что так сладится... Однако, Дуся, что с образом... Не забрать ли? Может, к тебе перенесем? Уж к тебе-то не придут искать.

ДУСЯ. Почему знать... *(Возится с куклами.)* Ох, бедные мои доченьки, бедные сиротки, кто вас оденет-обует, кто вас напоит-накормит... без маменьки, без папеньки... *(Вынимает из постели сухарь, дает священнику.)* Вот, дорогой мимо церкви поедете, сухарик отдай матушке Евгении, скажи, Дуся прислала со своей честной постели... Бедные мои деточки, бедные мои деточки... А иконка... Владычица наша сама о себе позаботится...

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Прости меня, Дуся.

ДУСЯ. Прости меня, батюшка.

Входят Тимоша, Марья, Антонина
с полными ведрами.

ТИМОША. А Петр Фомич велел по-быстрому, говорит, туча идет.

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Ну, с Богом, с Богом.

Выносят хлеба из избы.

ДУСЯ. Воду принесла! Радость-то какая! Мы с водой теперь!

АНТОНИНА. Самовар уже стоит. Скоро готов будет.

ДУСЯ. Господи, когда же приберешь Ты нас? (*Сгребает в кучку своих кукол.*) Чего уставились? Собирайте трапезу.

НАСТЯ. Благослови, матушка.

Дуся благословляет Настю. Та начинает накрывать на стол — совершенно ритуальное действие. Настя подносит Дусе скатерть, та крестит ее в четыре угла, потом ложки, чашки — каждый предмет.

ДУСЯ. Антонина! Помолимся.

Хожалки зажигают свечи перед иконами. Поют начальную молитву от «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради...» до «Отче наш». Одновременно идет ритуал умывания. Прежде чем Дусю начинают умывать, она крестит полотенце и все сосуды. В кувшин с обычной водой вливают немного святой воды из бутылки. После умывания открывают шкатулку, вынимают кусок большой просфоры. Дуся кладет этот кусок на блюдо, наливает святой воды из бутылки, чтобы размочить.

ДУСЯ. Христос посреди нас!

Раздается троекратный стук в дверь. Все замирают.

ДУСЯ. Пусть войдет. Отворите.

Антонина отворяет. Входит Тимоша.

Он кланяется, крестится на иконы.

ДУСЯ. Отправил батюшку? (*Тимоша кивает, Дуся поет.*) Достойно...

ТИМОША (*подхватывает*). Достойно есть...

Дуся берет кусок просфоры, ест, берут по кусочку
и хожалки.

ДУСЯ (*Тимоше*). Ешь и ты. (*Тимоша берет с блюда кусок просфоры. Дуся начинает плакать.*) Из моего, из моего блюда... Обмакнул! Обмакнул со мной в блюдо! (*Антонина подбирает с блюда крошки, вытирает его и убирает.*) Самовар!

Антонина вносит самовар, ставит на стол. Все сопровождается поклонами, крестными знаменьями. Наливают чашку, подносят Дусе.

ДУСЯ. Горяч... А чего это на столе ни сахара, ни варенья... Даже меду нету. А то люди говорят, я своих хожалок голодом морю, сахару не даю. (*Настя достает из буфета варенье и сахар, щипцы для сахара, ставит на стол и протягивает руку за сахаром.*) Куда? (*Настя отдергивает руку.*) Мне положи. Поболе. И еще. И ты, Тимоша, возьми кусок сахару. Говори, что пришел?

ТИМОША. Маманя прислали. Повестка призывная пришла из Городка. В Красную Армию мне служить. А я в лес хочу уйти.

ДУСЯ. Ой? А в лесу что делать станешь?

ТИМОША. Жить. Живут же по лесам.

ДУСЯ. Кто живет? Святые старцы живут. Не живут, спасаются. Ишь, чего захотел. В лес? Лес лесом, а бес бесом! В лесу — страшно, темно... (*Марья тянет руку за сахаром.*) Куда? Воровская твоя повадка! Чуть на глаза попало, сразу тянет и тянет.

МАРЬЯ. Грешна, матушка.

Дуся снова поворачивается к Тимоше, Марья тихонько берет кусок сахара.

ТИМОША. Так у комиссаров-то еще страшней.

ДУСЯ. От меня чего надо?

ТИМОША. Маманя говорит, если Дуся благословит, иди.

ДУСЯ. Куда это?

ТИМОША. В леса.

ДУСЯ. О! В леса! Да кто я такая — архиерей, что ли? Благословлять вас... Я больная, я простая, я неученая... Настя, почто мне чай холодный налили? Дай горячего. Ишь, бестолковые какие... Ты в храм Божий ходишь?

ТИМОША. Хожу.

ДУСЯ. В хоре поешь?

ТИМОША. Пою.

ДУСЯ. Отца Василия знаешь?

ТИМОША. А как же.

ДУСЯ. Вот к нему и ходи за благословением. Чего ко мне ходить? *(Трогает чашку.)* Холодный, сказываю тебе, чай. Вылей в лохань.

НАСТЯ. Так с сахаром!

ДУСЯ. А хоть бы с золотом. Выливай, выливай. А мне воды налей. Не надо мне вашего чаю. Собирай со стола. *(Мария запускает руку в сахарницу.)* Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешную. Благодарим Тя, Христе Боже наш, яко насытил еси нас земных Твоих благ: не лиши нас и Небесного Твоего Царствия.

Раздаются удары колокола. Марья отдергивает руку от сахарницы. Антонина подходит к окну. Несколько неровных ударов сменяются набатом.

АНТОНИНА. Пожар, что ли? Оборони Господь... Дыму вроде ниоткуда не видать.

30 МАРЬЯ. Малой, иди узнай, кой сатана там?

Дуся прячет голову в тряпки, сгребает своих кукол
под себя.

НАСТЯ. Сходи. И правда, узнай, что там стряслось.

ДУСЯ. Соберите меня в Божий Храм.

МАРЬЯ. Чего сказал? Боже-Храм?

НАСТЯ. В церковь чтоб ее собирали.

АНТОНИНА. Дусенька, матушка, сегодня не Пасха,
не Рождество, с чего бы это тебя туда нести?

ДУСЯ (*открывает лицо*). Тебя старец благословил
мне служить, и служи, не перечь. Одевайте.

Хожалки начинают собирать Дусю. Поют молитвы, она крестит каждую из вещей, которые на нее надевают. Наконец, ее снимают с кровати. Дуся крестит кресло, в которое ее сажают, её привязывают к креслу большим платком.

ДУСЯ. Ой, больно!

АНТОНИНА. Прости Христа ради.

ДУСЯ (*вцепившись от страха в подлокотники*). Не уроните, не уроните меня. А то вывалите, нарочно меня вывалите!

МАРЬЯ. Какой собака тебя подберет...

ДУСЯ. Ну, с Богом, с Богом!

Вбегает Тимоша.

ТИМОША (*частит*). Матушка велела сказать, что страшное дело творится. Только отец Василий уехал, красноармейцы пришли, велели храм открыть, матушка им ключей не дала, говорит, отец Василий увез. А они замок сшибли, а ма-

мочка тогда на колокольню и ну бить. Народ прибежал, а двое уж в алтаре, с папиросками. Отец диакон прибег, говорит, что вам угодно здесь будет. А один ему говорит, чтоб ты сдох. А другой — чтобы опись церковного имущества сделать, потому что оно народное, а попы его присвоили, а теперь народ будет его обратно забирать. А церковных судом судить, что они воры. Они по храму ходят, все переписывают, и святые чаши брать хотят. А один говорит, где у вас чудотворная. Подошли к кивоту, а там один оклад. Иконы-то нету. Народ стоит, плачет. А страшно, они с ружьями и ругаются очень.

ДУСЯ. Несите.

Дусю поднимают в кресле над головами
и с пением выносят на крыльцо.

Картина третья

Двор Дуси. Крыльцо. Видна дорога. С крыльца спускается процессия с Дусей. На крыше сидит Маня Горелая. В руках у нее лопух, свернутый кулем. Она свешивается с крыши, стряхивает содержимое лопуха на Дусю и ее хожалок.

МАНЯ. Помазуется раба Божия Авдотья!

ДУСЯ. Ах, грех какой! Грех тебе! Не тронь меня, Настя. Слышь, не чисти! Нам говно нипочем. Мы в говне родились, в говне помрем. А враг пусть ото зла треснет! Пусть треснет!

МАНЯ. У, гордая какая! Какая гордая! А все равно в одной яме лежать будем!

32 ДУСЯ. Несите! Что стали-то! Хвалите Господа с небес, хвалите его в вышних!

Хожалки подхватывают молитву и с пением идут по дороге к церкви. Процессия исчезает из виду. Маня кривляется на крыше. Потом спрыгивает, начинает плясать.

МАНЯ. Мироносицы пошли, в жопе миро понесли! Подходите, бабоньки, подходите, мужики! Маня всех миропомазует! У Мани на всех хватит!

Слышно удаляющееся пение хожалок. Пение прерывается двумя воплями. Возгласы толпы. С той стороны, куда только что ушли хожалки с Дусей, появляются два красноармейца, один с погасшей папироской во рту. Они как будто ослепли, идут шатко, ощупывая землю ногами, шаря в воздухе и спотыкаясь. Маня подходит к ним, дергает одного сзади, тот отводит руку, но Маню явно не видит.

ПЕРВЫЙ КРАСНОАРМЕЕЦ. Филипп, руку дай... Ты сам-то где? Вроде земля? Дорога? Чтой-то было?

ВТОРОЙ КРАСНОАРМЕЕЦ. Ваня, ты-то где? Что темно так сделалось?

ПЕРВЫЙ. Никак шарахнуло?

ВТОРОЙ. Вань, ни видать ни хрена... Ты видишь что?

ПЕРВЫЙ. Хер я вижу, Филипп. Дай, подержусь за тебя. Где ты, а?

Хожалки с Дусей, гордо восседающей в кресле, возвращаются, продолжая пение.

МАНЯ *(поражена не меньше красноармейцев. Забирается на крышу и звонко поет).* 33

Ой, Дусенька,
святая новая,
хорошо бы поплясать,
да нога хромая!

(Спрыгивает с крыши и вприсядку проходится между красноармейцев. Кривляясь, подходит к Дусе, отвешивает ей земной поклон. Отпрыгивает в сторону, отбивает чечетку босыми пятками и голосит частушку.)

А наш поп лежит
Ай! — на девушке,
чтой-то нету никого
Ай! — на небушке!

Картина четвертая

В доме у Дуси, две недели спустя. Ночь. Горят лампы. Дуся в постели. Хожалки поют последнюю молитву из акафиста Божьей Матери. Раздается троекратный стук в дверь. Хожалки продолжают петь.

НАСТЯ. Стучат.

МАРЬЯ. Ночь. Кто идут? Не открывай.

ДУСЯ. Огради, Господи, Силою Честного и Животворящего Креста. *(Крестит все углы.)* Открывай, Антонина.

Антонина открывает дверь. Перед ней красноармеец в форме, он кланяется.

АНТОНИНА. Господи помилуй, никак Тимоша.

34 ДУСЯ. Сымайте с него одежду с печатями, пусть входит.

Марья плюет на пол.

ДУСЯ (*плачет*). За что мне такое страдание? Послал Господь хожалку, хуже татарина. В дому плюет, воровка. (*Марье.*) Сыми с него одежду пропечатанную и неси в сарай, а сама сиди там в сарае и в дом не заходи. Чтоб глаза мои тебя не видели. И спи там теперь. Всегда там спи. А ты, Тимоша, ты ко мне не подступай. Стои там, где стоишь, и хорошо. (*Марья начинает его раздевать.*)

МАРЬЯ. Сама сарай сиди...

НАСТЯ. Тимоша...

ДУСЯ. Говори, чего пришел.

ТИМОША. Матушка Дуся, убеж я. Нет мочи. И еще одно дело вышло. Только быстро не скажешь.

ДУСЯ. Говори как можешь.

ТИМОША. Два дня прошло, как церковь закрыли, пришли ночью, забрали меня и повезли в Городок, прямо к главному, то есть к Рогову. Пять лет мы не виделись, больше. Он как на германскую ушел, так вот и не виделись. Я совсем еще малой был. Видом он совсем другой, я б его не узнал, даром что брат. Даже волос черен, раньше не такой был. Он ведь партийный теперь стал, и как вернулся, домой-то и не показался. Когда матушка узнала, что он в Городке объявился, мы туда пошли. А он ее на глаза не пустил. Служку своего выслал, секлетаря, что примет ее, когда она из церковных старост уйдет. Все знает... И как черт лютый.

ДУСЯ. Не к ночи...

ТИМОША. Меня к нему привели, он сразу меня признал. Братка, говорит, хватит тебе в темноте жить, я тебе новую жизнь покажу. А сам живет в господском доме, в Баскаковском, в полдome у него совет, а в полдome чека тюрьму устроила. Решетки на окнах и стража при дверях. И сам там живет.

ДУСЯ (*достает кукол и начинает ими играть*). Катерина Прокловна, ты Егорушку не забижай, не забижай...

ТИМОША. Он говорит, мамаша у нас отсталая, боговерующая, и вся темнота от нее, что она церковная. А ты, говорит, новой жизни достойный и прекрасного будущего. Смотри, какой елдак отрастил, а небось баб еще не мял. Повел он меня в баню, с ним двое товарищей его, а прислуживают бабы голые все, и пошла между ними игра, и меня зовут. И я с ними тоже играл. А потом повел он меня к себе в комнату, ему ужинать принесла девка молодая, на сносях. Красивая. Но не жена ему, так. Тут он говорит, скажи, что там Дуся Брюхинская натворила. Допрос с меня берет: ты, говорит, там был? Я говорю, был. Видел сам? Видел. Чего видел? Я и говорю, что один у отца диакона чашу взял, а второй в нее цыгаркой тычет, а тут Дусю Брюхинскую вносят, а она с молитвою... И вроде как будто свет засиял... Сильный, как от молоньи, но грома нет никакого...

ДУСЯ (*глуповато смеется*). Верно, верно, так и было...

ТИМОША. Я же не вру. Говорю, они как завопили и за глаза схватились, а отец диакон за руки их из церкви вывел, а они и ружья свои побросали... А

брат послушал и говорит: надо мне самому разобрататься, что это там ваша Дуся народ мутит. Нет никакого чуда, болезнь у них глазная.

ДУСЯ (*хихикает*). Болезнь... Верно, болезнь. Кто же и противуречит, она и есть болезнь.

ТИМОША. Он меня у себя дома не оставил, послал в казарму. Стал я там жить. Ох, забыл сказать. Те двое-то... Один в уме повредился, сидит в исподнем и плачет, в больнице он, хотя развиднелось у него. А другой, он тоже не совсем слепой оказался, как пришел, запил, а ночью у него, что ли, живот схватило, он в отхожее место пошел и оступился в яму-то, там в казармах ямища большая, только поутру его и выгудили. А жизнь там, Дусенька, матушка, очень плохая, такая плохая, что описать невозможно. Меня при тюрьме стеречь поставили. Уж каково мне плохо, а про них и сказать не могу, каково тем-то. И отец Василий там. Хлебушек твой они взяли, а его уж не отпустили. Я видел его несколько разов. Я, Дуся, сразу решил, что убегу, да страшно было. Они, кого ловят дезертиров, расстреливают. Но и там не вмоготу.

ДУСЯ. Боишься смерти?

ТИМОША. Кто же не убоится? Все боятся. А вчера, Дусенька-матушка, он меня призвал и говорит: обманул нас ваш поп Василий. Икону-то припрятал где-то, один оклад остался. Запирается и не признается, где схоронил. А я осмелел и спрашиваю: на что она вам сдалась, Чудотворная наша. Маменька-то нас с малолетства все к ней таскала... А он смеется: дров у нас мало. И места наши очень зловредные через близость Святой Пустошки. Дай, говорит, время, все раз-

валим, все запашем, а потом плясать пойдем. Такая меня тоска взяла, Дусенька, не могу боле. Дусенька, душенька, Христа ради, спровадь меня в леса, какому старцу служить, да хоть самому одному жить... Я бы и Чудотворную на себе унес, стерег бы ее там.

Дуся раскладывает на одеяле кукол, долго молчит.

ДУСЯ. Чудотворную... Где я те ее возьму.. Тебя видел кто, как ты сюда шел?

ТИМОША. Нет, я тайно ушел.

ДУСЯ. Антонина, яйцо печеное есть?

АНТОНИНА. Должно, есть.

ДУСЯ. Дай ему яйцо. Два дай. И хлеба, и грибов дай. И сахару дай кусок, отчепи ему. Пусть все ест.

Антонина подносит еду к Дусе, та крестит все.

ДУСЯ. Ешь теперь. А вы пойте.

ТИМОША (*крестится*). Спасибо.

ДУСЯ. Поешь, Тимоша. А к матушке своей не ходи.

Мы тебя здесь схороним пока. А там видно будет. Антонина, на чердаке, где хлебы лежали, сундук щелявый стоит. Постели в нем малому. Будешь там лежать да Богу молиться. Да не высовывайся. Антонина есть тебе будет носить.

ТИМОША. А долго ли мне лежать, Дусенька?

ДУСЯ. А сколько надо, столько и полежишь. Я вона сорок лет все лежу. А тебе не век лежать. (*В сторону Марьи.*) Эта вон бегаёт, а проку что? (*Марья плюет.*) А ты, Марья, что стоишь столбом, неси в сарай одежду поганую. И сама там сиди. Идите все куда сказано.

38 Антонина с Тимошей поднимаются на чердак. Тимоша на ходу стягивает с себя нижнюю солдатскую рубаху. Марья уносит с собой шинель, гимнастерку. Остается одна Настя.

ДУСЯ. Настя, хлеба возьми цельный каравай. И себе четверть от другого караваея отрежь. И луку возьми. И ступай к старцу. Дорогу не забыла?

НАСТЯ. Как можно, матушка?

ДУСЯ. Дорогой «Богородицу» читай, а как речку перейдешь, читай «Царю Небесный». И скажи ему про малого-то. Если сразу тебе ничего не скажет, ответа не жди. Иди обратно скорей. Времени-то у нас мало, а он любит помусолить, потомить. Нету времени совсем. Но знаки все его примечай. Может, не скажет словом, а знак какой подаст.

НАСТЯ. Буду примечать. Жалко Тимошу-то.

ДУСЯ. Чего жалеть? Нас есть кому пожалеть. Скажешь: Дуся кланяется и молится. Масла вот возьми. *(Роется в постели, достает из нее пузырьки.)* И сухари тоже. Беги прямо сейчас, пока не рассвело. Не мешкай. Деревни обходи стороной. Тайно иди, тайно. К ночи и будешь на месте. С Богом, с Богом, голову преклони, доченька. Иди. *(Настя уходит.)* Антонина! Антонина! *(Спускается с чердака Антонина.)* Устроила малого?

АНТОНИНА. Как лег, сразу и уснул.

ДУСЯ. Что Марья там?

АНТОНИНА. Ругается. Говорит, холодно в сарае.

ДУСЯ. В аду будет гореть, этот холод вспоминать. Зипун ей отнеси. *(Антонина снимает зипун с крюка.)* И в дом пусть не заходит. Нечего в доме плевать. Грех какой! Не носи зипун. Пусть по-

морозится. И крюк на сарай наложи. А зипун у кладбища на березу повесь.

АНТОНИНА. Чего повесить? Зипун?

ДУСЯ. Говорят тебе, повесь зипун на дерево, на березу повесь возле кладбища, за церковью. Бес-толковые какие! *(Антонина уходит.)*

ДУСЯ. Настя! Антонина! Марья! Воды испить никто не подаст... *(Плачет, вынимает из постели кукол, раскладывает.)* Бедная Дусенька, больная, и никто не пожалеет. Только одни вы, мои деточки, мои доченьки, да Царица Небесная пожалеет! Чего ни попрошу, она все для меня делает. Говорю ей: попроси Сына своего, пусть накажет нечестивцев и наказует. А хожалки меня не слушают. Нет... Сиротами без меня будете. А и нет, а и вас с собой заберу... Антонина! Как провалились все.

Картина пятая

За оградой кладбища свежий холм, на котором лежит Маня Горелая. Она в кофте, в юбке, грудь обвязана платком.

МАНЯ *(начинает заплачку)*. На кого ты меня покинул, родненький, на кого оставил? Кто теперя меня обогреет, кто приголубит? Уж как жили мы с тобой душа в душу, голубчик мой! Словом не с кем без тебя перемолвиться... *(Деловито встает, ломает два молодых деревца, связывает их крестом, ставит этот крест на могилу, опускается перед ним на колени. Входит Антонина, выбирает маленькую березку, вешает на нее зипун и уходит.)*

Ох, всему срок подходит, и тебе подошел, и мне подойдет. Вышел весь, помер, горемычный... Сколько годов мы с тобой прожили, сколько дорог оттоптали. Ото всего оборонял меня, сердечный... Вперед ты, и я за тобою... *(Встряхивается, встает, отирает слезы.)* И ладно. И будет. *(Отходит от могилы, приплясывает и присвистывает.)* На могиле нищий дрищет... *(Делает круг, замечает зипун на березе.)* Е-бе-на мать... А вот и новый зипун мне Бог послал! Хорошенький ты мой! Новенький. Да красивый! Да петли красные! А пуговики, пуговики-то! *(Снимает с дерева, вертит, гладит, накидывает на голову, расправляет.)* Старый схоронила, и новый явился! *(Надевает, крутится, бьет босыми ногами оземь, пускается в пляс.)*

На могиле нищий дрищет,
в брюхе ветер, в жопе пар,
приходи ко мне, миленок,
вместе вздуем самовар!

Картина шестая

У Дуси. Антонина возле нее поет псалмы.

ДУСЯ. Помолчи-ка. Чтой-то мне слышится, идут на нас.

АНТОНИНА. Кто идет, матушка?

ДУСЯ. Кто, кто... С рогом кто... По нашу душу. А где мои деточки? *(Роется в постели, достает кукол.)* Ты читай, читай! Свое дело знай... *(Стук в дверь.)* Не отворяй. Погоди. *(Снова роется в одеялах, достает из тряпья бутылку с водой, крестится, кро-*

пит вокруг себя и куда может достать. Стук сильнее.) Погоди, дочка, погоди, головку преклони. *(Крестит Антонину.)* С нами Крестная Сила! Отворяй. *(Дверь сотрясается от стука. Антонина открывает. В дверях — Рогов. Высокий, ладный, в военной форме. С порога бросается перед Дусей на колени.)*

РОГОВ. Матушка, Дусенька, здравствуй! Пришел тебе поклониться, угоднице и чудотворице. Ай не признала?

Дуся приободряется, поправляет цветочек в фате, раздумывает.

ДУСЯ *(скорее всего, польщена)*. Ирины Федоровны сын старшой. А-а.. пришел, значит.

РОГОВ. Чтой-то набздено очень. Дух зело крепок. Узнала меня... А может, ожидала? Нас по деревне пацанов много гоняло, а Дуся-то у нас одна, мы-то все Дусю знали, повсеместно известная Дуся... Мне люди говорили, ты на меня серчаешь? Погоди. Я с угощением... *(Встает с колен, шарит по карманам шинели.)*

Со двора раздается вопль: «Пусти! Пусти меня!»

ДУСЯ. Пусть Марья войдет.

РОГОВ. А зачем ей? Подождет твоя Марья. Мы земляки, столько годов не виделись. Нам потолковать надо. Пусть во дворе побудет. Я там при дверях солдатака поставил, чтоб не мешали поговорить-то. Народ, сама знаешь, какой: и лезут, и лезут. Ни днем, ни ночью покою не дадут. *(Вынимает бутылку самогону, еду в тряпице. Ставит все возле Дуси.)*

- 42 ДУСЯ (*машет рукой*). Убери, убери!
РОГОВ. Да зачем убирать? Мы сядем рядком, выпьем по рюмочке, закусим. Ты чего надулась-то? Может, пост какой?
АНТОНИНА. Да она от юности своей мяса не ест, а зелья твоего и сроду в рот не брала.
РОГОВ. Надо будет — возьмет. Не то еще возьмет. Стаканы-то принеси. А скажи мне, матушка Дуся, что это такое ты на моих ребят навела? А?
ДУСЯ. Про чтой-то ты говоришь?
РОГОВ. А ты забыла? Запомнятовала, значит...
ДУСЯ. Это что... когда было...
РОГОВ. Давно, недавно... Что натворила над ними?
ДУСЯ. Что — Дуся? Дуся — ничто. А их Господь Бог покарал.
РОГОВ. Нет никакого бога. Да если б он был, он бы разве меня потерпел?
ДУСЯ. Антони́на! Ниночка потерялась. Где Ниночка моя? (*Антонина поднимает с полу упавшую куклу, Дуся раскладывает кукол рядком на одеяле.*) Ниночка, Иванушка, Катенька, Егорушка... вот он...
РОГОВ (*наливает в два стакана*). А это Дусе. Смотри, бабушка, а все в куклы играешь.
ДУСЯ. Доченьки мои...
РОГОВ. Какие доченьки? От тебя жених сбежал или нет?
ДУСЯ. Сбежал, сбежал. Прибежит обратно, куда ему деваться?

Входит Сидоренко.

СИДОРЕНКО. Товарищ Рогов, там в сарае старуха сидит. А под кормушкой шинель красноармей-

скую и гимнастерку нашли, вот что обнаружилось. И эт-та... меду два бочонка малых, и в сундуке холст штуками старого деланья, а в другом крупа, все малыми мерами, в мешочках, и пшено, и гречка, и горох есть.

РОГОВ *(выпивает)*. Шинель... интересное дело... Что же это, Дуся, у тебя за хожалки, в шинелях ходят... Чудеса... Вы там во дворе хорошо поищите, а мы здесь посидим, поговорим пока. *(Подходит к киоту, рассматривает.)* Смотри, какое у тебя имущество. Ризка-то серебряная?

ДУСЯ. Руками не тронь.

РОГОВ. Не буду, не буду! Как можно? Все понял — святое. *(Роется за пазухой, вынимает маленького щенка.)* Ну, чего скулишь, дурачок?

ДУСЯ. Ой, сколько же терпеть-то, Господи? В дом ко мне собаку поганую принес, басурманское отродье! Неси ее отседова!

РОГОВ. Да ты посмотри, маленький какой. Жрать хочет. Я вчера иду, чуть не раздавил его. Вишь, прибился. Пропадет. *(Ставит щенка на стол. Дает ему кусочек мяса.)* Еще не научился мяса есть. Научим. Иначе пропадет.

ДУСЯ *(закрывает лицо руками)*. Весь дом мой опоганили. Как же я теперя тут жить буду?

РОГОВ. А ты еще долго жить собираешься?

ДУСЯ *(выпрямляется, ставит палец себе на середину лба)*. Вот тут! Вот тут у тебя дыра будет. Трех лет не пройдет. Все. Антонина! *(Снимает с себя фату, распускает жидкую косицу.)* Poiщи-ка вот. Да с гребешком, с гребешком ищи. *(Антонина начинает искать вшей, продолжая читать псалмы.)*

РОГОВ. Вишь, Жучка, они вшивые, нас с тобой не любят. Говорят, мы им дом опоганили.

44 СЕМЕНОВ (*входя*). Товарищ Рогов, старуха прям как сумасшедшая, рвется сюда, в дом просится. Говорит, я тут живу.
РОГОВ. Ну, веди ее сюда, коли ей так хочется.

Врывается Марья с криком.

МАРЬЯ. Полный сатана! Красноармейц твой дурак, сам дурак, сатана! (*Слов у нее не хватает, она размахивает кулаками, кидается на Рогова.*)

ДУСЯ. Марья! (*Та замолкает.*)

РОГОВ (*Антонине*). Хватит тебе каноношить. Давайте разбираться. Чей дом?

ДУСЯ. Дом мой, Авдотьи Ивановны Кисловой. И все. Больше слова тебе не скажу.

РОГОВ. Беда какая, не хочет она с нами, Жучка, знаться. Ну и не надо. А ты, говоришь, с ней живешь? •

АНТОНИНА. Семь годов живу с Авдотьей Ивановной, хожу за ней.

РОГОВ. Звать как?

АНТОНИНА. Мещанка города Езельска Сытина
Антонина Митрофановна.

РОГОВ. Монашка?

АНТОНИНА. Рясофорная.

РОГОВ. Толковая мамаша. (*Марье*) А ты кто?

Марья молчит. Антонина обирает вшей
с Дусиной головы.

Дуся, эта бабка тоже за тобой ходит? (*Дуся молчит, Марья тоже.*) Ты живешь здесь? Чего ты в сарае делала?

МАРЬЯ. Срала делала!

РОГОВ. Смелая какая. Татарка, что ли?

МАРЬЯ. Сам татарка. Я христиан православный.

РОГОВ. Теперь вижу, мордва настоящая. (*Марья плюет.*)

ДУСЯ. Плюет! Опять плюет!

МАРЬЯ. Прости мене, Дуся Божья.

РОГОВ. Паспорт есть?

Марья показывает ему два кукиша.

РОГОВ. Нет паспорта, надо понимать. Будет Мария Мордвина, и хватит с тебя. Семенов, ты пиши, пиши. Стало быть, три. А где четвертая?

АНТОНИНА. К родне ушла.

РОГОВ. К родне... А звать ее как?

АНТОНИНА. Анастасия.

РОГОВ. А фамилия?

АНТОНИНА. Не знаю.

РОГОВ. Не знаешь, значит. (*Тянется папироской к лампаде. Марья кидается на него.*)

МАРЬЯ. Сам татарин! Мать твоя татарин! Место святое не знаешь!

Рогов сильным ударом отшвыривает ее к двери. В этот момент дверь отворяется, вводят Тимошу. Он в солдатском исподнем, босой.

СЕМЕНОВ. Лестницу на чердак приставили, а там нашли вот... в сундуке.

РОГОВ. Братан! Какая встреча! Бабка! Еще стакан неси! Ай, Дуся! Спасибо тебе, брата моего привечаешь, в сундуке укрываешь. Выпьем со свиданьем, Тимофей!

ТИМОША. Я не пью, Сеня.

46 РОГОВ. Сеня! Сеня я тебе! А раз я тебе Сеня, то уж пей! (*Тимоша пьет.*) Так чего ты в сундуке делал?

Богу молился или бабкины сорочицы считал?

ДУСЯ. Пресвятая Троица, помилуй нас!

РОГОВ. Врешь, Дуся! Здесь судить и миловать не Троица будет, а тройка. В первую голову будет тройка судить дезертира Тимофея Рогова, а уж потом за укрывательство Авдотью Кислову с ее сожительницами, как их там. А что двое красноармейцев через тебя, чудотворицу, ослепли, так я в это не верю, и потому за это тебе, Дуся, ничегошеньки не будет. А получишь по справедливому народному закону.

МАРЬЯ. Народный, да? Где народ? Зови народ!

РОГОВ. Мало получила. Народ — это я. Я — народ. А ты — навоз. Сидите и молитесь. (*Заталкивает в смежную Дусину комнатку, и впервые закрывается дверь в выгородке или занавеска.*) Семенов, ступай на улицу, приведи двух местных, первых, кто под руку попадет.

Семенов уходит.

А ты Тимофей, сядь, отдохни, дух переведи. В сундуке-то не вольный воздух. Мы не изверги какие. Все по-хорошему. Ведь сколько плохого про нас говорят. И все напрасно. А для нас первое дело — справедливость. Революционная справедливость. Чтоб по правде. (*Стучит в дверь к Дусе.*) Дусь, скажи, хочешь, чтоб по правде все было? (*Пение из-за выгородки.*) Деревня ваша, между прочим, на плохом счету. Сельсовет не выбрали, мужики — никакой активности. (*Тимоше*) Или вроде тебя, недомерки.

Входит Семенов, приводит Надю и Голованова. Голованов в глубоком похмелье, руки трясутся, свет не мил. Надя хочет перекреститься на икону, но останавливается, машет рукой.

СЕМЕНОВ. Товарищ Рогов, а баба годится?

РОГОВ. Отчего же не годится. Очень даже годится.

Местная?

НАДЯ. Из Салослова я. Здесь замужем.

РОГОВ. Чья?

НАДЯ. Петра Фомича Козелкова.

РОГОВ. А, Петька Хромый. А я Рогов.

НАДЯ. Ой? Самый Рогов?

РОГОВ. Самый и есть. На какую ж такую работу вы направляетесь?

НАДЯ. Да тут бабка одна живет, у нее взять можно...

РОГОВ. А, тебе, значит неважко стало?

Голованов мычит, трясется.

НАДЯ. Похмелиться просит.

РОГОВ. Я чтой-то его не знаю. Он-то местный? И вроде знакомый, и вроде нет. А? Учитель! Учитель Голованов! Николай Николаич! Ну и хорош сделался! *(Голованов устремляется к бутылке на столе, но Рогов ему не дает.)* Ну, Голованов, что ли? *(Голованов кивает, мычит, морщится. Рогов наливает стакан и ставит на середину стола, подалее от Голованова.)* Хорош, хорош... Сколько лет не виделись! Десять? Восемь?

НАДЯ. Да не мучь человека, дай ты ему.

РОГОВ. А ты добрая.

НАДЯ. Да, я добрая. Попроси — чего хошь дам.

48 РОГОВ. А чего мне просить, мне все сами несут. На блюде. Как голову Иоанна Крестителя. А не принесут, сам возьму. Мы не просим.

НАДЯ. Ишь, вы какие... *(Берет стакан со стола, передает Голованову, тот заглатывает и садится, закрыв глаза.)*

РОГОВ. А ты ж говорила, Козелкова жена?

НАДЯ. Захочу — жена, не захочу — не жена. Это как мне угодно будет.

РОГОВ. Значит, себе хозяйка? Самостоятельная?

НАДЯ. Именно что.

РОГОВ. Это хорошо. А как тебя, Надежда, по отчету?

НАДЯ. Григорьевна.

РОГОВ. Хорошо. Сделаем мы тебя, Надежда Григорьевна, большим человеком, будет тебя народ слушать. •

НАДЯ. Да кто меня послушает, смех один будет.

РОГОВ. Все послушают, и смеху никакого не будет. *(Зевает.)* Страх будет.

ГОЛОВАНОВ *(открывает глаза, как будто отошел от обморока)*. Еще вот столько, и я... все... Аллес вирд ин орднунг. *(Показывает, сколько.)*

РОГОВ. Сколько? *(Наливает. Голованов выпивает, трясет головой.)*

ГОЛОВАНОВ. Все. Хорош. Арсений Рогов, помню тебя. Местный фабрикант Талашкин Афанасий Силыч, из Городка, держался передовых взглядов и послал меня в Цюрих, а там два года учили, как преподавать разного рода рукоделие, включая и железное, крестьянским ребятишкам. Ферштеен зи? Вере ихь юнгер... Ентшульдиген битте... Но, вернувшись, стал я заниматься не педагогической деятельностью, а революционной. Ты тогда

под стол пешком... А я — организовывал стачку на мануфактурах и арестован был в начале девятьсот шестого года за это самое дело. (*Протягивает пустой стакан Рогову.*) Еще чуток.

РОГОВ. Так ты меньшевик, что ли?

ГОЛОВАНОВ. Большевик, большевик... Какая разница? Об этом и разговору не было. Я — профессиональный революционер. В прошлом. В настоящем — профессиональный пьяница. Никаких теоретических вопросов не обсуждаю. (*Рогов наливает ему чуть-чуть, Голованов выпивает, расслабляется.*) Так вот, дорогие мои, по ходатайству Талашкина, того же самого местного капиталиста и буржуя, как вы говорите, уездный педагогический совет дал мне разрешение преподавать в ремесленной школе. До того мне преподавать запрещали — ссыльный был! И в первый же год моей педагогической деятельности учился в моем классе вот такой мальчишечка, Арсений Рогов. А? Какая память! (*Подставляет стакан.*) Чуть-чуть.

РОГОВ. Понял. И ты годишься.

ГОЛОВАНОВ. Честно говоря, я не особенно гожусь. Впрочем, Надюша, как? (*Она кокетливо фыркает.*) Но здесь, в деревне Брюхо, я кое на что гожусь. Могу за бутылку самогона крышу починить, печь переложить или гроб сбить. Учили хорошо в Цюрихе.

РОГОВ. Ладно, хватит. Вижу, что годишься. Найди, Николай Николаич, баньку у кого получше, истопи. Мы попаримся. Семенов, попаримся? А ты спинку потрешь? (*Надя хихикает.*)

ГОЛОВАНОВ. Она потрет, всем потрет. Она баба хорошая.

50 РОГОВ. А потом, стало быть, и закусим. А ровно это... *(смотрит на часы)* в восемь часов по новому по советскому времени вот тут, на этом самом месте, мы собираемся. Ты, Голованов, получишь за свои труды бутылку самогону, а ты, Надька, как будешь стараться... *(Тимоше)* А ты что здесь сидишь, таращишься? Иди к своим! *(Заталкивает Тимошу к Дусе и закрывает за ним дверь.)* Семенов! *(Входит Семенов.)* Со стороны окон поставь Мухамеджина, а у этой двери — Сидоренку. *(Стучит в дверь.)* Арестованные! Что тихо поете? А то вас там не услышат! Можно и погромче. Нам не мешает. *(Семенову)* Приказание выполняйте. *(Шлепает Надю по задку, сует щенка за пазуху.)* Пройтись, что ли, по деревне, навестить кое-кого. *(Декламирует.)* Вот моя деревня, вот мой дом родной*..

Уходит. У двери в Дусину келью садится красноармеец Сидоренко, у первой двери — Семенов. Сидоренко сворачивает самокрутку.

СИДОРЕНКО. Егор, як ты разумиешь, до вичору управимся?

СЕМЕНОВ. Не. На восемь назначено. Пока то, другое. Раньше утра никак.

СИДОРЕНКО. Подывись, Егор, яки гарны сундуки. Бабка богата як жид. Треба пошукать ее трошки, а?

СЕМЕНОВ. Пошукаешь еще, пошукаешь.

СИДОРЕНКО. Та ж не люблю без дила сидеть, я ж вроблять люблю.

СЕМЕНОВ. А ты посиди, перекури. Чего тебе нейметься старухины тряпки трясти...

СИДОРЕНКО. Дуже не люблю без дила...

51

Стук в дверь.

СЕМЕНОВ. Открой, Федор.

СИДОРЕНКО. Ты же ближе.

СЕМЕНОВ. Ты же вроблять любишь.

Опять стук.

СИДОРЕНКО. Та ж у мене дило — я курю. *(Молчат некоторое время. Больше не стучат.)* Поспешись, людей насмешишь.

Семенов открывает дверь. Там девчонка.

СЕМЕНОВ. Чего тебе?

ДЕВЧОНКА. Мне Рогова.

СЕМЕНОВ. Ишь, чего захотела. На что он тебе?
(Девчонка убегает.) Рогова ей подай...

Из кельи: «Да воскреснет Бог, да расточатся врази Его...»

Распахивается дверь, входит Рогов.

РОГОВ. Да, деревня, она деревня и есть... Отсталый класс. Глаза бы не глядели. Темнота. *(Закуривает от лампы.)*

СЕМЕНОВ. Девчонка вас спрашивала.

РОГОВ. М-м...

СИДОРЕНКО. Товарищ Рогов, а здесь не шукали.

РОГОВ. Да пошукаешь, пошукаешь. Никуда не убежит. Мы тут уже нашли, чего и не искали. Вот говнюк, думай теперь... *(Входит Голованов.)* Ну, как баня?

52 ГОЛОВАНОВ. Скоро будет. Воды натаскал. Сейчас прогорит, и все. Я насчет аванса. А то мне пора... подлечиться.

РОГОВ. Эх, Николай Николаич, культурный человек, хуже пролетария стал. Вон возьми, на столе стоит. Да скажи, у кого в деревне самогон хорош?

ГОЛОВАНОВ. У Кротихи. Второй дом над оврагом. Чисто варит.

РОГОВ. А Надька там что?

ГОЛОВАНОВ. А как же... Все лавки отмыла. Старается.

РОГОВ. Ну и мы постараемся. А, Сидоренко, постараемся?

СИДОРЕНКО. Га!

РОГОВ. Эка дубина... Скучно что-то... Вот моя деревня, вот мой дом родной... Флеровского привезли?

СЕМЕНОВ. Никак нет.

РОГОВ. Пойду посплю. Там в сарае сено-то есть?

СИДОРЕНКО. Нема.

РОГОВ (*берет с крюка рваный тулуп*). Плохое село. В хорошее село приезжаешь, председатель сельсовета все сам несет, советскую власть уважить. А здесь хоть по избам иди... После бани на стол соберете. Про Кротиху слышал? Вот там, Сидоренко, и пошукаешь. Второй дом над оврагом.

Картина седьмая

Там же. Вечер. Стол покрыт красным Дусиным платком. Заставлен едой. За столом в центре трое — Рогов, Го-

лованов, Надя. По бокам красноармейцы Сидоренко и Семенов. Пьют, закусывают. Из Дусиной кельи слышится пение.

РОГОВ. Деревня, я говорю, плохая. Чтоб мужик сам нес, вот что нужно.

НАДЯ. Принесет он, держи карман. Ему семью кормить надо, а тут так отдай.

РОГОВ. Что значит — так? А рабочий класс — как? Он кость всему. А крестьянин — он что? Так, требуха, сволочь.

НАДЯ. Да перемерет народ, если весь хлеб отбирать.

РОГОВ. Кто перемерет, туда и дорога. Ты, вон, новых народишь.

ГОЛОВАНОВ. Надюшка нам народит, это точно.

РОГОВ. От нас такой народ пойдет, какого еще не было. Новый народ. Все будет общее, все будет новое. Государство будет новое. И земля, и небо новое. А теперешний народ ни на что не годится. Пусть и перемерет.

ГОЛОВАНОВ. Сам ты перемерешь, а народ не перемерет.

РОГОВ. Который народишко дрянь, туда ему дорога. Вот эти, к примеру (*показывает на келью*), богомолки, попы, — на что они нужны?

НАДЯ. А кому они мешают? Пускай поют.

РОГОВ (*наливает всем, Голованову — полный стакан*). Тебе, Николай Николаич, полненький. Хорошо нас попарил. (*Голованов пьянеет на глазах, клюет носом. Рогов тоже пьянеет, но другим манером, он возбужден.*) Дура ты, Надька. Понимала бы что... Сидоренко, попа доставили? (*Роется в карманах, достает бумажку, читает.*) «И говорил на воскресной проповеди “облекитесь

54 во всеоружие божие”». Это ваш поп говорил. Сидоренко, веди попа.

Сидоренко вводит отца Василия.

СИДОРЕНКО. Вот он. Там, товарищ Рогов, вас все девчонка какая-то спрашивает.

РОГОВ (*машет рукой*). Давай его сюда. Вот, гражданин Флеровский Василий Тихонович.

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Я хочу сделать заявление.

РОГОВ. Валяй.

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Ваш следователь Шестопалов требовал от меня признания в том, что я украл храмовую икону и укрыл ее от изъятия. Заявление мое состоит в том, что я в жизни своей ничего не крал, тем паче иконы, не утаивал, а во время изъятия церковных ценностей, производившихся согласно вашему указу, я находился по дороге в Городок, куда вез назначенные мне к сдаче хлеба, и тому есть свидетель, крестьянин села Брюхо Козелков Петр Фомич, который и вез меня для сдачи хлебов.

НАДЯ. Было, было, и я тому свидетель.

РОГОВ. Молчи, дура. Тебя спросят, когда надо будет. И другой есть вопрос, гражданин Флеровский. Говорили ли вы за проповедью (*читает по бумажке*) «облекитесь во всеоружие божие»?

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Апостол Павел говорил.

РОГОВ. А что еще ваш апостол Павел говорил?

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. «Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, властей, против мироправителей тьмы».

НАДЯ (*плачет, подперев щеку*). Красиво говорит. 55

Непонятно, но до чего же красиво.

РОГОВ. Хватит. Подпишите, что говорили. (*Рогов подставляет бумагу, отец Василий ставит подпись.*)

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Пожалуйте.

РОГОВ. Так, батюшка, а вы ведь приговор себе подписали. Вот он, приговор-то. Поняли?

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Понял.

РОГОВ. А выход-то есть. Отрекайтесь. Снимайте с себя сан. Вы старый человек, жена больная. Никто вас не тронет. Будете жить спокойненько.

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Если бы я в Бога не веровал... Не подойдет мне это. Да у меня отец и дед были священниками, сын священник...

РОГОВ. А второй где?

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. О нем известий давно не имею.

РОГОВ. А мы имеем. Он в Добровольческой армии, второй ваш сынок. Или нет?

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Да.

РОГОВ. Уведите. К бабкам его.

Сидоренко уводит священника к Дусе в келью,
Рогов разливает по стаканам.

ГОЛОВАНОВ. А ты, Рогов, дурак, однако. Иносказания не понимаешь. Я про всеоружие-то...

РОГОВ. Это ты не понимаешь, Николай Николаич. Какое же тут иносказание, прямо говорится: против властей.

ГОЛОВАНОВ. Я и говорю — дурак. Каких властей? Апостол Павел жил две тыщи лет тому, о каких властях-то он говорил? Власть была тогда римская, императорская...

56 РОГОВ (*смеется*). Народный ты учитель, Николай Николаич, одно слово... Здесь другое важно: кто признает над собой власть божью, для того всякая другая власть — тьфу! И советская им — тьфу! И потому нам церковники — первые враги. Головой надо думать, Голованов. Мне человек нужен целиком, с потрохами.

НАДЯ (*елозит, напевает*). Ух-тю! Ух-тю! У тебя в дегтю!

ГОЛОВАНОВ. Ишь, чего захотел! У моих потрохов своя забота.

РОГОВ. Удовлетворю. Из моих рук. (*Наливает.*) Из моих рук — пожалуйста.

НАДЯ (*встает, проходится, приплясывая*). Ух-тю! Ух-тю! У тебя в дегтю, у меня в тесте, слепимся вместе!

РОГОВ. И тебя — удовлетворю. Мало, что ли?

ГОЛОВАНОВ. А она такая: сколько ни дай, все мало.

РОГОВ. Ладно, ладно. Мало не покажется. Сядь, не мельтеши.

ГОЛОВАНОВ. У-да-вле-тва-ре-ни-е... (*Засыпает.*)

НАДЯ (*вскидывается, поет*). Я див-чон-ка ма-ладая...

РОГОВ. Да сядь ты. (*Ковыряет еду.*) А что у нас все так варят... Мясо разварят до соплей, вкуса никакого...

НАДЯ. А грибка соленого возьми.

РОГОВ (*берет гриб, закусывает*). Точно как у нашей матушки, у Ирины Федоровны... Семенов, достань гармонь. (*Семенов приносит гармонь, Рогов растягивает меха, Надя опять вскидывается, как боевой конь.*) Да сядь ты, посиди смирно. Шило у тебя в жопе... (*Поет.*) Славное море — священный Байкал...

ГОЛОВАНОВ (*встрепенулся*). Именно... Густав Густавович... Я не участвовал... Я не состоял... Я не хотел... Иван Густавович... (*Тянется к стакану, роняет голову на стол. Рогов трясет его за плечо, Голованов спит крепким сном.*)

РОГОВ. Семенов! (*Семенов подходит, Рогов ему что-то тихо говорит.*) Недолго, понял? (*Семенов кивает.*) Славный корабль — омулевая бочка...

СЕМЕНОВ. Надь, пойдем выйдем.

НАДЯ. Че?

СЕМЕНОВ. Идем-ка, дело есть.

Надя выходит вслед за Семеновым, за ними выходит и Сидоренко. Рогов выводит из кельи Тимошу.

РОГОВ. Ну что, Тимофей Рогов, знаешь, что тебе за дезертирство полагается?

ТИМОША. Знаю что.

РОГОВ. А зачем сбежал?

ТИМОША. Невмоготу стало.

РОГОВ. О! Месяца не служил, и невоготу! А я как три года по окопам гнил? Всем воготу, а тебе невоготу? А жить-то хочется?

ТИМОША. Хочется.

РОГОВ. А ведь помирать придется.

ТИМОША (*падает на колени*). Сеня! Христом Богом прошу, не погуби! Ради матушки нашей не погуби!

РОГОВ. Ишь, хитрый, как запел. Куда метишь, в матушку, значит.

ТИМОША. Прости меня, прости, Сеня.

РОГОВ. А прощенье заслужить надо.

ТИМОША. Я заслужу, Арсеня.

РОГОВ. Ладно. А как служить будешь?

- 58 ТИМОША. Начальства слушать.
РОГОВ. Эх ты, мочало. Этих твоих старух к расстрелу приговорили. За укрывательство дезертира.
ТИМОША. Как приговорили? Когда?
РОГОВ. Тогда. Мочало и есть мочало. Так вот, ты, дезертир, сегодня по утрянке их и расстреляешь.
ТИМОША. Это я не могу.
РОГОВ. Ах, не можешь? Я могу, а ты не можешь? Тебя солдатским хлебом кормили? Стрелять учили? Вот и пойдешь в команде.
ТИМОША. Это я не могу.
РОГОВ. Тогда пойдешь с бабками. Под расстрел.
ТИМОША. Как скажете.
РОГОВ. А как же мамаша, Ирина Федоровна? Про нее подумай.
ТИМОША. Я и думаю. Только стрелять не могу.
РОГОВ (*открывает дверь к Дусе, впускает туда Тимошу, расталкивает Голованова*). Голованов, нука, пиши. Фамилию поставь. Ну...
ГОЛОВАНОВ. Не подпишу. Не участвовал.
РОГОВ. Вот пьянь. Но деньги-то крал?
ГОЛОВАНОВ. Крал. Но... не участвовал.
РОГОВ. Хорошо. Так и запишем. Не участвовал. А ты подпись ставь. (*Голованов, не глядя, царапает пером. Рогов, распахнув дверь, кричит.*) Семенов! Сидоренко!

Входят Семенов, Сидоренко и Надя.

- РОГОВ. Управились?
СИДОРЕНКО. Та мне не треба. Мне бы здесь пошукать, товарищ Рогов.
РОГОВ (*отмахивается*). Утром пошукаешь.
СИДОРЕНКО. Ну что, бабок вести?

РОГОВ. Пусть попоют, певицы. (*Наде*) Ну что, проветрила? 59

НАДЯ (*хихикает*). Только раззадорил без толку.

РОГОВ. Надь, а ты грамотная?

НАДЯ. Я-то? Четыре класса ходила.

РОГОВ. Небось и фамилии написать не можешь?

НАДЯ. Да я что хошь написать могу, я грамотная.

РОГОВ. Напиши-ка вот здесь, как зовешься?

НАДЯ. Ну, Козелкова же.

РОГОВ. Вот и пиши.

НАДЯ (*пишет*). Ну...

РОГОВ. Гну! Пошли в сарай! Семенов, не пойдешь?

НАДЯ. На что его, он лядаший. Одна ботва.

РОГОВ. Тебя не убудет.

НАДЯ. А ты мне боле нравишься. Дуся вон говорила, во мне семь бесов. Так что меня и на семерых хватит. А этого — не надо.

Затемнение, пение продолжается.

Картина восьмая

Раннее утро. Двор возле Дусинога дома. На середине двора кресло. В кресле — Дуся. Около Дуси Марья, Антонина, отец Василий и Тимоша. С крыши свешивается Маня Горелая в новом зипуне. Дуся раскладывает на коленях кукол.

ДУСЯ (*поет*). Ниночка-Первиночка... Нина Прокловна ждет, Иван Проклович ждет, Катерина, Евдокия и Егорушка, где наш батенька, где наш папенька... (*Плачет. Подходит отец Василий, гладит ее по голове.*) Самовар не поставили, Дусе

60 чаю не дали. Вот какие противные, их Бог накажет... Настя, поправь фату... Цветочки поправь, не видишь, что ли, на свадьбу идем! (*Фату поправляет Антонина.*) Я сказала, Настя!

АНТОНИНА. Нету Насти. Ушла Настя.

ДУСЯ. Здесь она, не обманывай меня.

АНТОНИНА. Не плачь, матушка, не плачь, Дусенька.

На крыльцо выходит Рогов. К нему робко подходит девчонка, хочет что-то сказать, он отмахивается.

РОГОВ. Семенов! Сидоренко! Хвалынский! Мухамеджин! (*Появляется Семенов.*)

СЕМЕНОВ. Мухамеджина с Сидоренкой еще когда вперед послали.

РОГОВ. А! (*Машет рукой.*) Тогда ведите их напрямки через болотце, а я верхами по глуховской дороге в объезд...

СЕМЕНОВ. Пошли, что ли?

Антонина, Марья, отец Василий и Тимоша поднимают кресло с Дусей.

ДУСЯ (*тычет пальцем в Тимошу*). Не тронь руками, отойди.

ТИМОША. Да я нести помочь..

ДУСЯ. Кто ты таков? Не тронь руками кресло. Слышь, что говорю?

Выстраивается процессия: один красноармеец впереди, другой позади, а между ними возвышается на кресле Дуся. «Да воскреснет Бог, да расточатся врази Его...». Из-за дома раздается крик. Появляется Настя.

НАСТЯ. Матушка Дуся! Матушка Дуся!

ДУСЯ. Помолчите. (*Величественным жестом останавливает пение.*) Все врешь, Антонина. Вот она, Настя, я же говорила, здесь.

Настя пытается встать на место отца Василия.

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Уходи отсюда, уходи, Настя.

СЕМЕНОВ. Стой, девка, ты куда? Куда лезешь? Кто такая?

НАСТЯ. Я Настя Витюнникова, я с ними вместе.

СЕМЕНОВ. Куда это ты с ними вместе?

НАСТЯ. Все равно куда. Куда они, туда и я.

СЕМЕНОВ. Дура-девка. Прочь поди. Мы их, может, расстреливать ведем.

НАСТЯ. Куда Дуся, туда и я.

СЕМЕНОВ. Ты что, хожалка ее, что ли?

НАСТЯ. Хожалка. Я при ней три года живу. Я Витюнникова Анастасия.

СЕМЕНОВ. Дура, иди отсюда.

Настя уже оттеснила отца Василия от Дусинога кресла.

В этот момент Маня Горелая спрыгивает с крыши.

МАНЯ. Венец! Девка мой венец украсть хочет! Ху-юшки тебе! Эй, солдатик! Я Витюнникова Настасия! Я! Слышь! Дуся, скажи им, что Настасия я! Отпусти девчонку, девчонку-то отпусти!

Маня Горелая сбрасывает зипун с головы, нечесанные лохмы вываливаются из-под него. Становится на колени перед Дусей.

МАНЯ. Дусенька, голубушка, прости меня ради Господа, мне с тобой рядом стоять.

- 62 ОТЕЦ ВАСИЛИЙ. Отпусти, Дуся, Настю.
СЕМЕНОВ. Разобрались, кто еще желающий?
МАРЬЯ. Стыд тебе, Дуся. Зачем молодая на себе несешь?
СЕМЕНОВ. С ума посходили все. Я такого еще не видел. Да подеритесь вы, кому идти.
ДУСЯ (*указывает на Маню*). Эта со мной пойдет. Эта. А ты иди, дочка, откуда пришла. Откуда пришла, туда и иди. И в дом не заглядывай. Иди.

Настя отходит, прислоняется к забору.
Маня Горелая берется за кресло.

- СЕМЕНОВ. Ну, пошли, что ли... Нам еще обратно тащиться.
ОТЕЦ ВАСИЛИЙ (*поет, все подхватывают*). Ныне отпускаеши Раба Твоего, Владыко...

Все уходят, пение удаляется. Тишина.
Подходит Сучкова.

- СУЧКОВА. Доброе утречко, доброе утречко. Есть кто? Мне бы это... одолжить... ведро большое... (*Она оглядывается, забегают в сени, выходит из сеней с ведром и со сковородкой.*) Одолжить... (*Пытается подхватить с земли грабли. От стены отделяется девчонка.*)
ДЕВЧОНКА. Здравствуйте, бабушка.
СУЧКОВА. А ты откудова? Чего тебе?
ДЕВЧОНКА. Да Рогова мне нужно.
СУЧКОВА. Он верхами по глуховской дороге только-только проехал.

Картина девятая 63

У кладбищенской ограды, где Маня Горелая хоронила
недавно свой старый зипун.

Возле бугорка мается Голованов в жестоком похмелье.
Подходит Надя.

НАДЯ. Не дают никто. У Кротихи нет. Говорит, вчера все выпили. Сучкова дала чуток. *(Голованов протягивает руку, глотает из почти пустой бутылки, ложится. Надя садится рядом.)* Ишь, как ты маешься, Николай Николаич.

ГОЛОВАНОВ. Помереть бы скорей. Устал я, Надя.

НАДЯ. Да ты ж не старый еще, Николай Николаич. И образованный. Бросил бы пить, тоже бы начальником стал.

ГОЛОВАНОВ. Ах, какая ты милая девочка, Надюша. Бросила бы гулять, а?

НАДЯ. Ты не смейся надо мной, Николай Николаич. Дуся говорит, во мне семь бесов. Не могу я без этого, огнем горит.

ГОЛОВАНОВ. А что ж ты тогда мне говоришь, бросил бы пить? *(Трясет бутылку, выливает в рот последние капли.)* Я бы тогда повесился. А в начальники? Еще бы скорее повесился... Ихнюю веру я уже прошел. А церковной отроду не имел.

НАДЯ. А ихняя-то какая?

ГОЛОВАНОВ *(смеется)*. Сейчас, Надюша, мне и сказать смешно... Фратерните, эгалите и особенно либерте... Да ну тебя!

НАДЯ. Вы, Николай Николаич, когда смеетесь, у вас лицо такое доброе. И вообще, если посмотреть, вы красивый.

64 ГОЛОВАНОВ. Надька, при всем моем хорошем к тебе отношении, сейчас, извини...

НАДЯ. Да я не к тому.

ГОЛОВАНОВ. А хоть бы и к тому... Извини. Разве что к вечеру... Я что-то вчера быстро нарезался. Слаб стал. Ничего не помню. (*Крутит пустую бутылку.*) Так вот лучше. Однако надо раздобывать.

НАДЯ. Может, в Глухово сходить.

ГОЛОВАНОВ. Нет, мне сейчас не дойти. А что, вчера долго гуляли?

НАДЯ. Я не знаю. Я по своему делу в сараюшке пристроилась, у Дуси во дворе. Утром проснулась, никого нет. Я водички попила и думаю, дай к мужу схожу. А ты тут лежишь, помираешь.

ГОЛОВАНОВ. Слушай, а у твоего-то нет?

НАДЯ. Выпить? Да ты что? Он и не держит никогда. Они ж из староверов. Он не пьет, не курит, не бранится. Он такой.

ГОЛОВАНОВ. А как же он на тебе женился?

НАДЯ (*обижается*). А что? Я же не всегда такая была. Я целой за него шла. Это уж потом на меня наехало. Детей от него нет, скучно. Сблудила один раз, и наехало. Это уж потом. А Петр Фомич очень хороший человек, он меня и пальцем не тронул, так и отпустил. Даже и не выгнал. Я вот сейчас приду к нему, поем чего там есть, в доме приберу, постираю... Он человек хороший, меня жалеет.

Подходит Тимоша в исподнем.

НАДЯ. Ой, Тимоша! Откуда взялся? Тебя ж вроде забирали?

ТИМОША. Я их расстрелял. Сам.

НАДЯ. Тимоша! Кого?

ТИМОША. Всех. Отца Василия, Дусю, Антонину, Марью и Маню Горелую. Она мужик.

НАДЯ. Тимоша, что с тобой? Голова не болит?

ТИМОША. Голова не болит.

НАДЯ. Может, маманю твою привести?

ТИМОША. Нет, не надо. Она не знает, кто я есть.

Что я здесь расстреливаю...

ГОЛОВАНОВ. За что же ты их расстрелял, Тимоша?

ТИМОША. А по приговору. Тройка приговорила.

ГОЛОВАНОВ. Какая тройка?

ТИМОША. Не знаете, что ли? Рогов председатель, и два представителя сельских, Козелкова и Голованов.

НАДЯ. Ну точно, из ума вышел. Надо Ирину Федоровну звать.

ГОЛОВАНОВ. Погоди... Тимоша, а когда же эта тройка заседала?

ТИМОША. Так вчера, дядя Коля, вы же там за тем столом и сидели, пока я в келье у Дуси был.

ГОЛОВАНОВ. Ой-ой-ой... Там что, подпись моя стоит?

ТИМОША. Того я не видел. Нас привели на Глухову пустошь. А там уже яма вырытая. Нас поставили, и он прочитал приговор от тройки постановленный, меня за дезертирство, а их за укрывательство. А отцу Василию контрреволюцию записали. А от ямы холод идет, не могу сказать какой.

ГОЛОВАНОВ. Тимоша, погоди. Надь, ты подписывала вчера что-нибудь?

НАДЯ. Подписывала. Только, Николай Николаич, я не знала ничего про суд, ей-Богу, не знала. Так, сидели, выпивали.

66 ГОЛОВАНОВ. Ладно, Тимоша, дальше рассказывай, дальше что...

ТИМОША. А Рогов говорит: видишь, Тимофей, яму? Зароем, ни креста, ни могилки не будет. Мать и не узнает, где косточки твои лежат. Я и заплакал. А он дает мне ружье и ставит вместо себя. Я встал. А отец Василий, всю дорогу, как шли, панихиду пел, а тут говорит: «Господи, прими душу раба твоего протоиерея Василия, раба Божьего Прокла...»

НАДЯ. Какого Прокла?

ТИМОША. «...раба Божьего Прокла, раб Божьих Авдотии, Антонины и Марии». Рогов говорит «Стреляй, не то сам в яму пойдешь». Я и выстрелил в Дусю. А ее, как из кресла вынули, Антонина с Маней Горелой держали. Тут Дуся упала. Я еще стрелял, и другие стреляли. Все упали. Тогда брат мой Арсений Рогов говорит: «Вот твое крещение, Тимофей, теперь ты наш. Спустись в яму и сыми с них одежду». Я спустился. Они уж были неживые. Снял с отца Василия рясочку, сапоги снял худые. На Дусе одежда такая ветхая, что под руками разлезлась, а на теле вериги, аж до мяса ввелись. Попал я ей в самое сердце. Снял с Марьи, с Антонины. А с Мани Горелой снял зипун, а под ним икона привязана. И юбку снял, а Маня-то мужик.

ГОЛОВАНОВ. Как — мужик?

НАДЯ. Двуснастная, что ли?

ТИМОША. Нет, мужик, обыкновенное дело, мужик. Вот кто Прокл-то был, Дусин жених. Я всю одежду наверх повыбрасывал. Потом икону к себе привязал. Вот, возьмите ее от меня. Я погибший уже. Я не могу. *(Поднимает рубашку, отвя-*

зывает от себя икону и держит перед собой.) А 67
Рогов говорит: яму закопай да приходи, в город поедем. Пройдись по ветерку, тебе полезно. Я закопал и пошел... по ветерку...

Издали слышен зов: «Тимофей! Тимофей!»

ТИМОША. Это меня зовут. Икону спрячьте. (*Протягивает ее Наде.*)

НАДЯ. Что ты, что ты? Я не могу.

ТИМОША. Ты не бойся, они сейчас уедут, не тронут тебя.

НАДЯ. Не могу я ее брать, я поганая.

ТИМОША. Дядя Коля!

Голованов снимает драный пиджак, привязывает к груди икону, снова надевает пиджак.

ГОЛОВАНОВ. А мы, Надька, все поганые. А некоторые еще и атеисты... Смешно, господа. Мы в него не веруем, а он в нас некоторым образом верует...

Входит Рогов. За ним в отдалении девчонка.

РОГОВ. Ну что, все прохлаждаетесь? Собирайся, Тимофей, едем.

Девчонка наконец осмелела, подошла к Рогову.

ДЕВЧОНКА. Дяденька Рогов, меня мамка к вам послала сказать... (*Взрывается плачем.*) Верка повесилась!

РОГОВ. Чего? Чего говоришь?

68 ДЕВЧОНКА. Убираться третьего дня пошла, а до-
мой не вернулась. А ее на чердаке Перлов на-
шел... висит Верка, неживая... с ребеночком...

Рогов сжимает девочку за плечи, она бьется,
потом затихает.

ТИМОША (*как будто не замечает брата*). Слыши-
те, «Херувимскую» поют? (*Задирает голову к не-
бу.*) Смотрите! Венец от земли подымается свет-
лый! Это Дусин венец. А вот второй, третий, все
светлые, и все в небо идут. И все наши Брюхин-
ские подымаются. Вон! Вот! А Дусин-то выше
всех идет! И как светел... А вона еще один, и еще,
и седьмой пошел. Маленький, ясеный, толь-
ко не знаю, чей. В яме их пятеро было.

Надя цепляется за Голованова, все задирают головы, смо-
трят, куда указывает Тимоша. И Рогов смотрит туда же.

НАДЯ. Заблажил, заблажил малый-то.

Тимоша становится на колени, будто что-то ищет, под-
нимает с земли довольно большой камень, держит его в
ладонях бережно.

ТИМОША. Хлебушка не хотите? Хлебушка? Всем
женщинам хлебушка, всем мужчинам хлебуш-
ка, всем деточкам хлебушка... Кушайте, пожа-
луйста.

РОГОВ (*кричит*). Тимофей!

ТИМОША. Покушайте хлебушка... Покушайте на-
шего хлебушка...

РОГОВ. Тимоша! Ты что? Ты что?

ТИМОША. Хлебушка покушайте... *(Поднимает камень над головой, обращаясь к небу.)* Всем хлебушка... 69

РОГОВ. Вы что, все с ума посходили? Нету же ничего! Нет никаких венцов! И хлеба нет! Ничего нету! Куда вы все смотрите?

Все стоят, задрав головы к небу. Затемнение.

ЭПИЛОГ

На том же самом месте много лет спустя. У могильного холма, почти исчезнувшего, понуро сидит Голованов. Он в потертом спортивном костюме. В вязаной спортивной шапке, натянутой на уши (или в бейсбольной кепке). Появляется персонаж, точно так же одетый — потрепанный спортивный костюм, та же неопределенного цвета вязаная шапка (или бейсбольная кепка) натянута на голову.

В руках два больших пакета. Озирается.

ГОЛОВАНОВ. Эй, мужик, давай сюда. Приземляйся.

ЛЮБА (*ходит с опаской поодаль*). Какой я тебе мужик?

ГОЛОВАНОВ. Ой, извините. Теперь точно вижу — дама. Сейчас не разберешь, все в одном ходят... Да вы присаживайтесь, не бойтесь. Здесь мое место.

ЛЮБА. Как это ваше? Что, могила эта, или вообще?

ГОЛОВАНОВ. Вообще. Я коренной здешний... житель. Прадед, дед и так далее... Все здешние. Голованов я. Нас здесь все знают. А вы, извиняюсь, откуда?

ЛЮБА. Ну вообще-то из Стерлитамака. То есть родилась там, в области. А так — из Воронежа.

ГОЛОВАНОВ. Понятно. А здесь — чего?

ЛЮБА. Так. Путешествую... Слышала, здесь места знаменитые. Святые и тому подобное... И праздник какой-то...

ГОЛОВАНОВ. Какой-то! Какой еще праздник! А, простите, как вас...

ЛЮБА. Любовь Михайловна. Люба.

ГОЛОВАНОВ. А меня Николай... Так праздник-то у нас исключительный. А вы правда ничего не знаете?

ЛЮБА. Ну, знаю, что праздник...

ГОЛОВАНОВ. Сейчас расскажу... Извините, деликатный вопрос... Эт-та... а у вас с собой нету?

ЛЮБА (*роется в пакете*). Немного есть. Случайно... Со вчера... (*Вынимает бутылку, разглядывает*). Правда, немного...

ГОЛОВАНОВ (*берет из ее рук бутылку*). Да мне глоточек только. А то как-то потряхивает, лихорадит, что ли... (*Прикладывается к бутылке, пьет*). Тут вот осталось еще... Есть еще...

ЛЮБА. Да не. По мне хоть бы совсем его не было, вина этого... С утра-то...

ГОЛОВАНОВ. Значит, так... Раньше тут была деревня, небольшая такая деревенька, Брюхо называлась. Теперь город Роговск, в честь героя Арсения Рогова. Не помню только, какой войны, той или этой... А раньше, стало быть, деревня Брюхо была.

ЛЮБА. Надо же, какое наименование... Брюхо... Прямо смех.

ГОЛОВАНОВ. Ничего смешного. Брюхо и брюхо. Места были глухие. Как-то зимой, это лет трис-

та, что ли, тому назад, напали на купца разбойники. Вот здесь. *(Тычет в землю.)*

ЛЮБА. Прямо вот на этом самом месте?

ГОЛОВАНОВ. Ну да. И явилась тут Божья Матерь, разбойников спалила к едрене фене, а купец, за спасение свое церковь поставил. Икона святая тоже здесь представлена, в новом храме. По телевизору по каналу культуры показывали. Смекаешь?

ЛЮБА *(благоговейно слушает)*. Ну, дальше.

ГОЛОВАНОВ. А ты правда не хочешь? *(Она мотает головой, Голованов прикладывается к бутылке.)* Вот. А здесь места — святые. Самые святые по всей России места. Здесь всегда этих святых, как... грязи. А у нас, в этой деревне, я имею в виду, вообще одни святые были. Но всякие, одни священного чина, другие попроще, чудотворцы, юродивые, блаженные, их тьма разных. Даже я всех не знаю. Между прочим, говорят, что Николай Чудотворец тоже из наших мест. У нас Николаев много. У меня вот все — прадед, дед, он учителем здесь был, отец и так далее — одни Николаи... Ну вот. Тут перед революцией просто гнездо у них было, у святых. Но некоторых, когда церкви позакрывали, некоторых, того, постреляли, а кого сослали...

ЛЮБА *(обрадовалась)*. Ну как же, мои бабки тоже из ссыльных, в Стерлитамак кто ж сам-то переселится...

ГОЛОВАНОВ. Ну, наших-то постреляли всех. Вот на этом самом месте. Церковь, само собой, порушили. Только запомнил, когда — при Ленине, или при Сталине, или при Хрущеве. Все. Аллес ин ордунг. И так далее. А потом времена

поменялись. Храм новый построили — видела, нет? Потом посмотришь. Богатейший... Говорят, миллион долларов стоит. Не, там одного золота только на миллион. И все такое. Не, я что-то заврался, — там не золота на миллион. Там, говорят, на миллион только наворовали. А золота вообще неизвестно на сколько. Но это все так, семечки. Главное дело что: постановление приняли, чтобы всех наших блаженных чохом повсеместно святыми объявить. И праздник сегодня будет, потому что сам патриарх приедет новым святым службу служить. Там шорох такой идет. Дорогу от Роговска новым асфальтом закатали и мылом сверху помыли.

ЛЮБА. Ну, это уж ты врешь, чтоб мылом.

ГОЛОВАНОВ. Ну, это, может, приврал чуток. Но асфальт новый положен, это точно.

С двух сторон выбегают два пары омовцев (бывших красноармейцев), подбегают к Голованову и Любе.

ОМОНОВЕЦ-1. А ну по-быстрому валите отсюда.

ГОЛОВАНОВ. Да я живу здесь. Местный я. Вот, и паспорт у меня есть, с пропиской. Почему это мне валить?

ОМОНОВЕЦ-1. Паспорт... И у тебя?

Люба шарит в сумке.

ГОЛОВАНОВ. А это баба моя. Какой там паспорт...

ОМОНОВЕЦ-2. Правда, баба...

ОМОНОВЕЦ-3. Дуйте отседова, сейчас начальство приедет. Сидите дома и не высовывайтесь.

ГОЛОВАНОВ. Дык я на службу пришел, в Божий храм, почему это мне дуть?

- 74 ОМОНОВЕЦ-2. Иди, иди. Там уже патруль стоит, все равно не пропускают без пропусков. (*Миролюбиво*) Начальство московское... Сам!
ГОЛОВАНОВ (*свистит*). Патриарх? (*Омоновец многозначительно качает головой.*) Президент?
ОМОНОВЕЦ-4. Выше бери!

Воют спецсирены, одновременно начинается колокольный звон. Омоновцы, топоча сапогами, убегают. Сирены громче, присоединяется церковное песнопение, радишум. Голованов что-то говорит Любе. Она его не слышит. Он кричит. Голосов не слышно. На лицах их написаны радость и энтузиазм. Люба шарит в пакете и достает еще одну бутылку. Они держат ее вдвоем. Обнимаются. Какофония достигает максимума.

ЗАНАВЕС

Москва
1993–2001

Русское варенье

пьеса в трех действиях без антрактов

Действующие лица

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ ЛЕПЕХИН (Дюдя), 67 лет,
пенсионер, профессор математики

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА, его сестра, 60 лет

РОСТИСЛАВ, 40 лет, старший сын Натальи Ивановны

ВАРВАРА (Вава), 32 года, старшая дочь Натальи Ивановны

ЕЛЕНА (Леля), 30 лет, средняя дочь Натальи Ивановны

ЛИЗА, 19 лет, младшая дочь Натальи Ивановны

АЛЛА, она же Евдокия Калугина, 39 лет, жена Ростислава

КОНСТАНТИН, 30 лет, муж Елены

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (Маканя), 60 лет, сестра покойного мужа Натальи Ивановны, домоправительница и приживалка

СЕМЕН ЗОЛОТЫЕ РУКИ, 40 лет, простой человек

Действие происходит в 2002 году, в дачном академическом поселке. Теперь здесь живут Андрей Иванович (дядя Дюдя), Наталья Ивановна и ее три дочери, а также муж средней дочери Константин. Дача получена в наследство от академика Ивана Лепехина, отца Натальи Ивановны и Андрея Ивановича. Ведет хозяйство Мария Яковлевна, сестра покойного мужа Натальи Ивановны. Наталья Ивановна исполняет большой заказ — перевод на английский язык многотомника современной русской писательницы Евдокии Калугиной, жены Ростислава.

У спектакля разнообразная и сложная звуковая партитура, которая в идеале доходит до симфонизма. Составляющие партитуры — треск пишущей машинки, на которой печатает Наталья Ивановна, компьютерная музыка, производимая Константином, а впоследствии, когда компьютер окончательно ломается, грохот ударной установки, подозрительный скрип раскладушки, временами доходящий до неприличия, мяуканье кошки, которая жаждет любви, вибрация отбойного молотка,

дребезг разбиваемой посуды и прочие шумы домашнего обихода — спускаемой воды в туалете, падения предметов, колокольный звон из близлежащего монастыря, звонки телефонов — главным образом, Лизиного мобильного и, наконец, визг тормозов и рев бульдозеров. Естественно, все эти шумы не заглушают речи.

Свет в спектакле разнообразен: от обычного электрического освещения до света свечей и фонариков. В последней сцене возможен цветовой удар, как в современной дискотеке.

Действие первое

Гостиная на старой запущенной даче. Несколько дверей, лестница в мезонин. Ночь. Детали не видны, но когда свет загорится, обнаружится запустение. От витражных окон террасы почти ничего не осталось — кое-где они забиты досками, кое-где заклеены пластиковой пленкой. Буфет. Стол. Книжный шкаф. Стол с компьютером. Пианино. Кресло-качалка. Швейная машинка — старинная. Время от времени раздается мяуканье неудовлетворенной кошки.

На стене — портрет Чехова. Пока ничего этого не видно. Долгая темнота, в которой возникает Андрей Иванович в халате со свечой. Андрей Иванович похож скорее на пожилого киноактера — может быть, на Марчелло Мastroяни, — чем на профессора. Подходит к буфету, открывает дверцу, наливает из графина в рюмку. Раздается журчание спускаемой воды в уборной. Андрей Иванович замирает.

Слышны чьи-то шаги.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ваше здоровье, Андрей Иваныч! *(Торопливо выпивает. Распахнутая дверца буфета отваливается, падает, разбивая графин.)* Черт подери!

Входит Наталья Ивановна, в халате, со свечой.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Дюдя! Что ты разбил?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да чертова эта дверка!

Опять отвалилась! Надо позвать в конце концов человека...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА (*поднимает большой осколок*). Ой! Папин графинчик! Дюдя! Это был последний папин графин! Разбился...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Наток, ну что же теперь делать? Ну, разбился... Прости... Опять почему-то нет электричества... Надо позвать электрика...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Не надо по ночам пить водку...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ну вот, уже и водка виновата... Ты пригласи этого вашего Семена Золотые Руки, пусть починит...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА (*садится, закрыв лицо руками*). Почему я? Почему обо всем должна я? Господи, если бы ты знал, как я устала. Всю жизнь я работаю, как ломовая лошадь. Не покладая рук. С семнадцати лет, без единого дня отдыха... Бедный графинчик...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Наток, ну не расстраивайся... Черт с ним, с этим графином...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Да причем тут графин! Жизнь пропала! Лучшие годы!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ну что ты так убиваешься... Давай лучше по рюмочке, а? Поищем... Где-нибудь есть... рюмочка...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА (*разглядывает осколок*). Нет, не папин, это еще дедушкин графинчик. Почему надо по ночам пить эти твои рюмочки? С утра до ночи не отхожу от пишущей машин-

80 ки... Пропускаю через себя, через свою душу это мочало...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Видишь, кому что... А моя душа просит рюмочки... Не стакана даже...

Андрей Иванович нагибается, чтобы поднять осколки графина.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Осторожно! Стекло! Не трогай, ради Бога! Ты порежешься. Завтра дадут электричество, и девочки все соберут.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ой! *(Облизывает палец.)*

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ну вот, порезался! Что я говорила! У меня бессонница. У меня давление... Господи, как я устала! Уже три часа ночи. Я не могу заснуть. Ночь пропала... Все пропало. Молодость пропала!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ *(сосет палец)*. Если ты так будешь ныть, то и старость пропадет...

Наталья Ивановна направляется к столу.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Осторожно! Доска!

Наталья Ивановна делает зигзаг, обходя опасное место.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Здесь же всегда стоял перевернутый стул. Кто его убрал?

Садится. Опускает лицо в ладони.

Андрей Иванович подходит к ней, гладит по плечу.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Наток! Не надо... Ты наша крепость. На тебе все держится. Возьми себя в руки.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Прости, Дюдя! Минута слабости... Но ты ведь старший... Старший брат. Кому еще я могу пожаловаться? Подумай, еще недавно мы были дети, бегали в саду. Качались на качелях. Помнишь, ты меня раскачал так, что качели «солнышко» сделали...

Раздается ритмичный скрип раскладушки и стоны.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Конечно, помню. На них потом еще твои дети качались.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Слева от дома стояли. Во время войны левую часть дома разрушило. Прямое попадание. А правая сохранилась. Все соседи говорили, что надо все снести и заново строить. А отец сказал твердо: «Нет — все, что сохранилось, будем и дальше сохранять. Этот дом моим отцом построен, и не мне его сносить».

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Неужели ты помнишь?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Мама рассказывала. Весь академический поселок тогда заново строился, даже те, у кого дома уцелели... Пленные немцы строили. А отец не захотел...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да-да, точно. Он все тогда восстановил — и оранжерею, и теплицу..

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Папа был святой человек. В своем роде... Графинчика жалко.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ну, опять... Пошло-поехало...

Скрип раскладушки затихает, раздаются шаги, потом рев воды в уборной. Снова шаги.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ладно, друг мой. Попробую заснуть. Ты осколки не собирай. Поставь там

82 стул, чтобы никто в темноте не наступил. А то Лизик постоянно босиком...

Наталья Ивановна целует брата, уходит. Он осторожно шарит в глубине буфета, находит, раздается бульканье. Андрей Иванович тихонько выпивает. Потом переворачивает стул и ставит его вверх ножками около буфета. Неожиданно включается электричество. Дом ярко освещается.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Здрасьте! Среди ночи свет дали. Меня как будто покачивает...

Из уборной выходит Мария Яковлевна в шали
поверх халата.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Доброе утро, Андрей Иванович. Кажется, опять засор... Что-то вода плохо сходит. Хорошо хоть электричество дали...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Доброе утро, Мария Яковлевна... Хотя я еще не ложился. Так что у меня скорее вечер. Я здесь графинчик раскокал. Скажите, пожалуйста, девочкам, чтобы они осколки с полу подобрали.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Лизочка обещала привезти сотню яиц. И представьте, ни Лизочки, ни яиц.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Зачем вам сотня?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Как зачем? Пасха! Куличи печь...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ *(вздыхает)*. Недавно Рождество было, а уже Пасха...

Мария Яковлевна берет веник, собирает осколки и метет. Слышно, как подъехала машина. Андрей Иванович смотрит в темное окно.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А мелкие без очков не собирать. Где мои очки?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Лизкина «Ока»! Приехала!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Какой-то кошмар! Девочке девятнадцать лет, разъезжает на машине, одна, среди ночи. Какая-то безумная жизнь... Был бы жив брат Николай, ни за что не допустил бы...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да, и самое плохое то, что одна...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Этого я не понимаю — купить машину ребенку!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ростислав купил. Он щедрый, широкий человек. И Лизка у него любимая сестра...

Открывается дверь, входит толстая некрасивая девушка, выкрашенная в сине-зеленый цвет (а, может, пострижена наголо), одета в стиле «панк». Прижимает к груди четыре картонки с яйцами.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Лизик! Ну что же ты так поздно!

ЛИЗА. Машина сломалась на дороге. Маканя, почему ты меня не хвалишь? Я привезла тебе сотню яиц!

Лиза идет по опасному месту.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ, МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА
(хором): Осторожно! Доска!

Доска проваливается, Лиза спотыкается и роняет яйца.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Кто убрал стул? Здесь все-

84 гда стоял стул! Андрей Ивановч, это, конечно, вы переставили!

ЛИЗА. Oh shit! Все переколотила...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ой, какая досада! А ты-то — не ушиблась, деточка?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Лизочка, по-моему, ты немножечко... а?

ЛИЗА. Дюдя! Как ты мог подумать? *(Хихикает.)*

Мария Яковлевна встает на колени, разбирает картонки с битыми яйцами.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ничего страшного. Мы сейчас все соберем! И не все побились! Целые покрасим. А на кулич и на пасху совершенно неважно, что битые... Лизочка, принеси мне с кухни мисочку! Очки... я куда-то очки задевала...

Лиза идет на кухню зигзагами.

ЛИЗА. Выбить четыре дюжины яиц, добавить четыре стакана самого мелкого сахарного песка, растереть деревянной ложкой добела. Вылить смесь в опару и добавить пять фунтов самого лучшего чухонского масла...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ай, племянница! Прелесть моя! Давай в головку поцелую...

Лиза возвращается с миской, дает ее Марии Яковлевне. Мария Яковлевна руками собирает с полу яичный бой. Берет стул, переворачивает ножками вверх и ставит туда, где поблескивают остатки битых яиц.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Осторожно, здесь скользко. Я пока стул сюда поставлю, чтоб не наступали.

Лиза вынимает из сумки плитку шоколада, ест.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Лизочка! Воздержись!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Маканя! А вам не кажется, что это как-то негигиенично... с полу...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Да что же я, сотню яиц собакам отдам? Причем тут гигиена? Тепловая обработка, во-первых... Во-вторых, куличи Вава все равно в церкви освящает... Так что будет все очень диетическое...

ЛИЗА. ...и месить, и месить, и месить до... пока у Елены Молоховец яйца не посинеют... Shit!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Лиза!

Звонит Лизин мобильный телефон, она вытаскивает его из сумки и поднимается по лестнице в мезонин. Новый приступ кошачьего мяуканья.

ЛИЗА (*в телефон*). Как хорошо, что ты позвонил! Я одна, совершенно одна... У тебя такой голос... возбуждающий...

Мария Яковлевна провожает взглядом Лизу.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Мое сердце подсказывает, что у Лизика завязался роман...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Гм... возможно...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Женщины в нашей семье всегда выходят замуж очень рано. В восемнадцать лет, по первой любви. Наша бабушка, и мама, и Лелечка...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. ...Которые выходят...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Что вы имеете в виду?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ничего особенного... просто некоторые вообще не выходят...

86 МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Я, собственно, имею в виду нашу семью, Дворянкиных. Лепехиных больше нет.. Фамилия закончилась на вас, Андрей Иванович. И Граевских больше нет. А ваш единственный наследник Ростислав — ваш племянник, между прочим, — носит фамилию моего покойного брата Николая Дворянкина!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ *(зевает)*. Пойду-ка я, пожалуйста, спать. Слишком поздно для геральдических изысканий... Слишком поздно. А почему кошка все время орет?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ой, Мурка с вечера влезла на дерево и орет. Видимо, женихов призывает.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А-а... понятно...

Раздается отдаленный благовест, в гостиную входит Варвара в черном головном платке. В руках у нее цепочка от унитазы с фарфоровой грушей на конце.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Доброе утро, Вавочка. Осторожнее, там осколки. Я потом подберу...

ВАРВАРА. Ты посмотри! Опять цепочка оторвалась! Он же на прошлой неделе чинил! Что за свинство, в конце концов! Дом разваливается, всем наплевать...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Спокойной ночи! *(Уходит.)*

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ну что можно поделывать? Я дала Семену десять долларов на прошлой неделе. Чайник поставить?

ВАРВАРА *(бросает цепочку на стол, поправляет платок)*. Какой чай? Я в церковь. Ты позови этого Семена, пускай сделает по-человечески.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. По-человечески нельзя. Он мне объяснял. Там надо что-то менять, муф-

ту, кажется, и какую-то особую, теперь таких не производят... И трубы... Он сказал, что засор капитальный, это не только у нас, это по всему поселку канализация выходит из строя, так что надо пользоваться уборной во дворе...

ВАРВАРА. Какой еще уборной во дворе?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Позади оранжереи маленький домик. Там была уборная для рабочих, когда дачу строили...

ВАРВАРА. А-а... Там же двери нет!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ну да...

ВАРВАРА. О Господи... *(Накидывает пальто.)* Я пошла... К обеду не ждите. Я в монастыре с сестрами пообедаю...

Хлопает дверью — электричество гаснет. Уже рассвело. Мария Яковлевна переворачивает стул и ставит его на опасное место ножками вверх. Теперь имеется три перевернутых стула, остальные девять вокруг большого стола. Раздается треск пишущей машинки, потом на этом фоне шаги, хлопанье дверями. Входит красавица Елена (Леля) в ночной рубашке. В руках у нее пульверизатор с духами, она прыскает себе на руки, нюхает.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Эту доску действительно пора заменить. Скоро будет дыра посреди комнаты.

ЕЛЕНА. Маканя! В уборной нет этой штуки. Куда она делась?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Доброе утро, деточка. Вот она, на столе лежит.

ЕЛЕНА. Зачем на столе?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Оторвалась. И там вообще, кажется, опять засор. Вода плохо сходит. Позвони, пожалуйста, Семену, пусть починит.

88 Мария Яковлевна берет кастрюлю, наливает воду, уходит. В уборной сливают воду. Мария Яковлевна возвращается. Елена звонит по телефону — аппарат послевоенных времен.

ЕЛЕНА. Контора? Семен на месте? Хорошо, зайду...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (*берет стул*). Я пока поставлю возле уборной, чтоб не пользовались.

Елена накидывает шубу на ночную рубашку,
сует ноги в валенки.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Леля! Ты сошла с ума? Куда ты?

ЕЛЕНА. В контору. Семена приведу...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ты что, в контору в таком виде пойдешь? Ты же простудишься. Ноль градусов!

ЕЛЕНА. Не зуди, Маканя. (*Уходит.*)

К треску пишущей машинки присоединяется кошачье мяуканье. Мария Яковлевна трет виски. Трясет головой.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Видимо, давление...

Открывает большой старый холодильник, что-то достает, что-то туда засовывает. Бормочет. Треск машинки обрывается. Входит Наталья Ивановна.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Доброе утро, Мария Яковлевна.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Доброе утро, Наталья Ивановна.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Вы еще не варили кофе?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Сейчас сварю...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА (*садится*). Спасибо. Опять почти не спала. Я иногда завидую простым людям, у которых простая физическая работа. Рабочие, должно быть, спят крепко...

Мария Яковлевна хватается за виски.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А вы не чувствуете, Наталья Ивановна, как будто немного трясет... Вибрация какая-то...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Нет, не чувствую... А сливки есть?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Определенно какая-то вибрация. Как это вы не чувствуете?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Так о чем я... Да, рабочие, должно быть, спят крепко.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Молочница вчера приходила. Мы ей уже сорок долларов должны.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Валентина Никитична? Так отдайте ей. И почему молочнице нужны доллары? Впрочем, она милая старушка. Отдайте ей ее доллары...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Наталья Ивановна! Валентина Никитична, милая старушка, восемь лет как умерла. Давно уже другая молочница ходит. Расходы были большие на этой неделе. И все деньги вышли.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Какие такие особенные расходы? Живем, как всегда жили...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вы мне не доверяете? Я говорю — большие расходы! Три тысячи рублей в контору отдала за общую охрану — раз! Закупки

для Пасхи делала — два! Я купила себе новые галоши. Да! Неужели я не заслужила за тридцать лет жизни в вашем доме новых галош?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Маканя, помилуйте! Что вы такое несете? Какие галоши? Просто пятьсот долларов в неделю на хозяйство — большая сумма. Мне кажется...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Когда-то и пятьдесят рублей была большая сумма! У меня в пятьдесят девятом году в профсоюзах зарплата была триста семьдесят пять рублей, а потом стала тридцать семь рублей пятьдесят копеек, и хватало!.. Большая сумма!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Конечно, это были другие деньги. Папа получил Сталинскую премию, и ему тогда дали сто тысяч! И это были о-го-го какие деньги!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА: А пятьсот долларов в неделю на нашу семью... поверьте, я на всем экономлю! Килограмм кофе в зернах стоит двести рублей, у нас выходит два килограмма в неделю одного только кофе... А я пью чай!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Да полноте! Меня вовсе это не интересует...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А меня интересует! Потому что я тридцать лет с вами живу ради моего брата! Уже пятнадцать лет, как он ушел от нас, а я все живу с вами... в память Николая... Потому что в доме никто, буквально ни один человек не знает, сколько стоит килограмм кофе! Я стала домработницей! Я потеряла профессию, я не выслужила пенсию... всю жизнь я служу вашей семье, и вы мне говорите, что сумма большая... У меня есть записи... Все расходы... *(Вскакивает.)* Ой,

кофе убежал! (*Ставит кофейник на стол.*) Пожалуйста! Кофе. Пожалуйста! Сливки! (*Плачет.*)

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Боже мой, Маканя! Умоляю вас! Какие записи? Как вы можете произносить такие ужасные слова? Причем тут домработница? Мы всегда держали домработницу, пока вас не было! Вы же сами так решили! Вы меня совершенно неправильно поняли. Простите меня, я вовсе не хотела... и в мыслях не держала вас обидеть.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Покойный брат Николай... пригласил меня... я дала ему слово, что...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Мария Яковлевна! Простите, если я вас обидела. Я устала смертельно. Я спала сегодня два часа, и я работаю... я единственная, кто в нашей семье работает.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вот, вот, вот именно! А я что, не работаю?

Далее женщины говорят одновременно.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Я перевожу как машина... Сотни книг, сотни! Я переводила с французского, с итальянского, даже с испанского, которого совершенно не знала! Спасибо, Дюдя помогал! Я переводила детективы, справочники, учебники, пособия, инструкции, приложения, положения... А теперь я вынуждена переводить на английский! Вы думаете, это просто? Я всегда содержала семью! И при покойном Николае содержала!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ростик первый год болел животом, а у Лели был диатез... То в очереди, то в ромашке... Бутылочки я всегда стерилизовала! И

92 пеленки с двух сторон... Хорошо еще, были продуктовые заказы у брата Николая в Институте марксизма-ленинизма...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Еще студенткой я давала уроки! всю жизнь частные уроки!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. В закрытом распределителе...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Я не успевала выучить язык и уже давала уроки! Три рубля в час! В будние дни по вечерам, а в воскресенье с утра до вечера!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. ...прекрасные были продукты... Сырокопченая колбаса, осетрина, шоколад «Красный Октябрь»... А какие ангины были у Вавочки! А Лизочкины запоры! Она же по пять дней не садилась на горшок! Какие деньги?

Пауза. Диалог продолжается.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Маканя! С вами невозможно разговаривать! Никакой логики. Я о деньгах вообще ни слова не говорила. Я говорю только о работе. В нашей семье никого никогда деньги не интересовали!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Брата Николая действительно деньги не интересовали! Он писал исследования о Марксе, об Энгельсе, о Лассале, о Каутском... И куда теперь все? Пропало! И ни наград, ни премий! Все ради блага страны!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Когда папа получил Сталинскую премию, он даже не знал, что за нее полагается сто тысяч рублей! Потому что Лепехины всегда были работники — отец, дед, прадед! Все трудились от зари до зари. А теперь... я

живу в семье, где никто не хочет трудиться. Один Ростислав трудится. А девочки... Одна молится, вторая принимает позы... А Лизочка совсем не занимается... Как она сессию сдаст?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ну и что, молится? Не пьет, не курит! Может, она верующая, чего ж ей не помолиться? Хотя я лично этого не понимаю. А вот брат Николай... не знаю, как бы он это пережил. А Леля ищет работу! Хорошая работа на дороге не валяется! Не на телеграф же ей идти с тремя языками?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Кофе остыл...

Мария Яковлевна снова ставит кофейник на огонь

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Я что скажу? Брат Николай преподавал диалектический материализм и всегда говорил, что диалектика — мать всех наук! А диалектика в том и заключается, что все в развитии... что вчера было хорошо, то сегодня плохо.... Что сегодня хорошо, завтра опять плохо... Все в развитии... Все хуже и хуже... Кофе убежал! Но не весь!

Мария Яковлевна наливает кофе и ставит чашку перед Натальей Ивановной. Обе устали — заряд кончился. Пауза.
Обе пьют кофе.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. А Лиза все-таки очень мало работает... Когда я училась в университете, буквально от стола не отходила.

Входит Константин. Кивает. Пьет воду из-под крана.
Зажигает свет. Открывает холодильник.

94 МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Осторожно с дверкой! Она плохо захлопывается!

Константин достает круг колбасы, отрезает от него кусок, потом с грохотом захлопывает холодильник. Жуя, подходит к компьютеру, садится, надевает наушники.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Не здороваешься.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Не обращайтесь внимания.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Не могу привыкнуть.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. За восемь лет могли бы и привыкнуть.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Чего Леля в нем нашла?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. И за восемь лет ни одного дня не работал. Музыкант!

Константин снимает наушники, звучит агрессивная барабанная атака. Наталья Ивановна и Мария Яковлевна продолжают говорить, их не слышно. Они как будто примиряются. Наталья Ивановна встает из-за стола, они обнимаются, целуются. В этот миг гаснет свет. Музыка обрывается.

КОНСТАНТИН. Гвоздец!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА, МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА
(*хором, укоризненно*). Константин!

Наталья Ивановна уходит. Открывается дверь — Елена и Семен с вантузом. Слышен благовест.

КОНСТАНТИН. Все пропало! Опять!

ЕЛЕНА. Не убивайся так, Костик! Еще не все... Вот Маканя, привела к тебе Семена. Там в конторе на него очередь стоит!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Спасибо, Семен. Мы вам очень благодарны. Не знаю, что бы мы без вас делали!

КОНСТАНТИН. Проклятое электричество...

СЕМЕН. Что всегда, то бы и делали... Восемь заявочек с утра, это точно. Но я говорю — Лепехины у меня в первую голову. Всем говорю. Ну, чего там? *(Подходит к уборной.)* Ой-ей-ей!

Бульканье, звяканье инструментов, пробивается стрекот пишущей машинки, трели мобильного телефона. Звонит и второй телефон — городской. Елена снимает трубку.

ЕЛЕНА. Да, привет, Сонечка! Нет, мы в городе давно не живем. Городская квартира сдана. Да, англичанин живет. Нет, совершенно не милый. Крыса старая. Чем-то торгует. Нет, нет. Этим Ростислав занимается. Это какой-то его знакомый, братец нам жилья нашел. Спасибо, Сонечка. Нет, испанского я не знаю. Нет, я бы с итальянским не хотела, ну, я забыла уже. С французским — пожалуйста. Можно английский. Сколько? Ты смеешься? Каждый день отсюда тащиться в город за такие деньги? Ну, спасибо, конечно, что вспомнила, но это просто никакое предложение. Совсем никакое... Пока. Спасибо, что позвонила. *(Марии Яковлевне)* Работу предложили. За пятьсот долларов сидеть в конторе пять дней в неделю с десяти до шести... Перекладывать бумажки и отвечать на телефонные звонки...

Елена вынимает пульверизатор с духами, брызгает на руки, нюхает. Константин принимает позу дерева и замирает.

96 МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ты отказалась?

ЕЛЕНА. Угу... Вообще-то им нужен итальянский и испанский...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Странно. Испанский — совсем уж лишний язык.

ЕЛЕНА. У нас только Дюдя знает испанский. И мама немного. Да хоть бы и знала — не за пятьсот же долларов...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Наверное, ты права... Когда я работала в профсоюзах, давали контрамарки в театр, бесплатные путевки...

ЕЛЕНА. Труд без поэзии, без мысли... Ужасно надоела эта проклятая дачная жизнь. Здесь на работу невозможно устроиться... Пора кончать.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ты хочешь, чтобы мы опять переехали в Москву?

ЕЛЕНА. Нет. В Москву не хочу. Я хочу в Париж...

КОНСТАНТИН *(не меняя позы)*. В Китай... Или в Индию...

По лестнице спускается Лиза с мобильным телефоном в одной руке и плиткой шоколада в другой.

ЛИЗА. Париж — грязный вонючий город! Весь в собачьем дерьме. Французы твои — надутые скупердяи... И Париж твой — дешевка и показуха... Самый фальшивый город на свете. *(Набирает номер.)* Вера? Новый оператор? Хорошо. Восемнадцать двадцать два. Ближайшие два часа не соединяйте. Нет, только кредитные карточки.

ЕЛЕНА. То ли дело твой Амстердам, да?

ЛИЗА. Да уж конечно, Амстердам повыше стоит... дерьмового твоего Парижа...

КОНСТАНТИН *(все еще в позе дерева)*. В Индию! Всем надо в Индию! В ашрам!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (*замечает шоколад*). Лизочка, воздержись! 97

Раздается грохот, появляется Семен с разбитым бачком. Мария Яковлевна отрывается от огромной миски, в которой что-то размешивает. Снова включается электричество. Константин надевает наушники, кивает в такт неслышимой музыке. Потом, не снимая наушников, идет к холодильнику, снова достает круг колбасы, отрезает большой кусок, жует. Садится за свой стол.

СЕМЕН. А по мне, Франкфурт всего лучше. Я там три года на заработках был... Вообще-то за границей давно уже все в полной комплектации... В Германии с питанием лучше всего мне понравилось. Да и климата нашего не могу одобрить... Конец апреля, а холод собачий... А у них там все цветет, пахнет... тьфу! (*Ставит на стол две половинки сломанного бачка.*) Все, Мария Яковлевна! Гвоздец!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА, ЛИЗА, ЕЛЕНА (*хором*). Семен!

Лиза принимает миску из теткиных рук и начинает месить. Пробует тесто.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. По часовой стрелке...

СЕМЕН. Конец пришел, говорю. Всему приходит конец. Все сгнило. Вентиль не работает, проржавел. Я заглушку поставил.

ЛИЗА. А если против часовой, тогда что? (*Месит против часовой стрелки.*)

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. И течь больше не будет?

СЕМЕН. Да чему ж течь? Вы прям как дитя. Я ж го-

98 ворю, воду перекрыл. Если в кране нет воды, воду выпили жида.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Семен! Что вы говорите?

При чем тут жида?

СЕМЕН. Десять долларов с вас, Мария Яковлевна.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. За что, Семен?

СЕМЕН. За демонтаж оборудования.

Лиза (*облизывает ложку*). Тесто вкусное... Мне вообще сырое тесто больше печеного нравится.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Но вы же на прошлой неделе взяли десять долларов за починку!

СЕМЕН. Так я ж вам говорил — чинить не имеет смысла.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А что же делать?

СЕМЕН. Что делать, что делать... Продавать эту дачу надо. Сгнила вся. Вон, Левинсоны продали.

И академик Тришкин.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Тришкин — это такой высокий, на том краю? (*Показывает.*)

СЕМЕН. Нет, маленький, на том краю (*показывает в противоположную сторону*). Это который свой гектар нарезал на участки по шесть соток, а только дорожку к своей двери оставил.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Куда же очки задевались?

Елена встает и направляется к себе.

СЕМЕН (*почти кричит*). Лель, ты говорила, там окно у тебя не закрывается... Могу посмотреть.

ЕЛЕНА. Какой ты резвый, Семен!

Поднимаются по лестнице. Слышны несколько ударов молотка. Новый яростный вопль кошки.

ЛИЗА. И чего она так убивается?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Надо ему сказать, чтобы он сделал дверь.

ЛИЗА. Какую дверь, Маканя?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Дверь в уборную. Во дворе.

ЛИЗА. А вы отсюда снимите и туда навесьте. Я говорю, чего Мурка так орет? А завтракать сегодня будем?

Вынимает плитку, но не успевает ее распечатать.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Лиза! Воздержись! Скоро будем завтракать. Все куда-то разбрелись...

ЛИЗА (*выглядывает в окно*). Бедная кошка! Сидит на дереве, одна-одинешенька. Мне кажется, она просто залезть залезла, а слезть сама не может.

Константин идет в неработающую уборную, забирает оттуда два рулона туалетной бумаги и выходит во двор, продолжая жевать колбасу. Лиза ест ложкой тесто из миски. Мария Яковлевна в задумчивости грызет яблоко. Лиза ставит чайник на плиту.

ЛИЗА (*вслед Константину*). Костя, сними Мурку с дерева, а?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Надо кому-то пойти за творогом...

Лиза молчит.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. На сырную пасху надо три килограмма творогу...

ЛИЗА. Я чайник кипячу.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. В такие дни обычно быстро разбирают...

100 ЛИЗА. Я привезла яйца. Я свой вклад яйцами вложила... *(Кудахчет, изображая курицу.)*

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Лизик, у тебя просто талант! Ты могла бы стать актрисой, ей-богу...

Продолжая квохтать, Лиза ковыряется рукой под юбкой и вытаскивает оттуда яйцо. В кухню входит Андрей Иванович. Треск пишущей машинки.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ну, ты как всегда валяешь дурака, племянница?

ЛИЗА. Нет. Я как раз не валяю дурака. Я на полном серьезе.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Н-да... Русский человек любит прикидываться дурачком...

ЛИЗА. Вон Варвара из церкви идет...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А как насчет завтрака?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Восемь фунтов — это три килограмма творогу, и два фунта сметаны — это восемьсот грамм, и два фунта сливочного масла...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Я пройдусь перед завтраком...

Снимает с вешалки старый плащ, шляпу, медленно одевается. В дверях сталкивается с Варварой.

ВАРВАРА. Добрые люди уже отобедали, а у нас еще завтрак не подавали...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вавочка, не сходишь ли в магазин за творогом...

ВАРВАРА. Нет, Маканя. Мне надо отдохнуть, я пять часов в церкви отстояла. Сегодня Страстной Четверг.

Треск пишущей машинки замирает. Одновременно появляются Наталья Ивановна и Семен.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Что, обед еще не готов?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Еще завтрак не готов.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. А-а... *(Уходит.)*

СЕМЕН *(Андрею Ивановичу)*. Хотел я вам сказать, Андрей Иванович... тут дела такие разворачиваются... Слыхали?

Вместе уходят. Варвара наливает кипяток из чайника в стакан.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вавочка, ты там ходи осторожно. Там на полу осколки...

Варвара присаживается к краю стола.

Ты такая бледная, Вавочка? Ты неважно себя чувствуешь?

ВАРВАРА. Ты единственный человек в нашей семье, с кем можно разговаривать.

ЛИЗА. А я? Очень многие люди, особенно мужского пола, обожают со мной разговаривать...

ВАРВАРА. Оставь свою клоунаду, Лиза.

Звонит мобильный телефон.

ЛИЗА. Вот видишь — особи мужского пола обожают со мной разговаривать. *(Включает телефон и прижимает к уху, мурлычет протяжно.)* Алле-е... Я рада, что ты мне позвонил... У тебя такой приятный голос... А мой голос тебе нравится, правда ведь? *(Поднимается по лестнице.)*

102 ВАРВАРА. Маканя, я больше не могу здесь жить.
 Все.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вавочка, ну что же делать?
 Московская квартира сдана, и если мы переедем
 в город, нам совершенно нечем будет жить...

ВАРВАРА. В Москве вообще невозможно жить...
 Ты помнишь, какая прелесть была наша Старая
 Басманная? Во дворе огромные липы... А теперь
 из одного окна стройка, из другого этот кош-
 марный дом с новыми русскими... Нет. Я бы по-
 ехала куда-нибудь в провинцию, в старый рус-
 ский город... Где люди неиспорченные... куда не
 добралась вся эта мерзость...

Гаснет свет. Константин вскакивает, срывает наушники.

КОНСТАНТИН. Гвоздец!

ВАРВАРА, МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (*хором*). Кон-
 стантин!

КОНСТАНТИН. Опять вырубил! Все пропало!
 Опять!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (*щелкает несколько раз вы-
 ключателем*). Действительно... Выключили...

КОНСТАНТИН. Все пропало! Три часа работы!
 (*Уходит.*)

ВАРВАРА. Сумасшедший дом. Хоть в монастырь
 уходи...

Вибрация отбойного молотка, на этот раз сильнее.

ВАРВАРА. Что это?

С улицы входит Андрей Иванович,
 медленно раздевается.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ты слышишь? Ты чувствуешь? Я Наталье Ивановне давно уже говорила про этот отвратительный звук! А она его не замечает... Ты помнишь, здесь раньше был военный завод. Мне кажется, они его опять открыли, но теперь под землей...

ВАРВАРА (*крестится*). Страна пропадает. Кто мог это предвидеть? Сто лет тому назад в наших местах была нетронутая природа, березовые леса и боры... А теперь ни одной сосны... А сады? Какие сады были! Когда прадед купил здешнюю усадьбу, здесь были сады, известные по всей России.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Значит, не я одна, ты тоже эту вибрацию чувствуешь, а?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Варя, ты бы Чехова почитала. Антон Павлович, конечно, многое насочинял, где-то очернил, где-то приукрасил, а кое-что, наоборот, возвысил до чрезвычайности, но уж что касается садов — извини... Когда Лепехин здешние земли покупал, сады уж окончательно выродились. Что же касается усадьбы, то усадьбу он как раз и не покупал. Он ее взял в приданое за своей женой, которая была этой усадьбы наследницей... Бабушка Аня... У мамы спроси, у нее все записано.

ВАРВАРА. Ой, эта старая песня...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А дед твой, мой батюшка, академик Лепехин, селекционер, все хотел здешнюю породу вишни восстановить, однако не удалось...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вот особенно когда здесь стоишь, просто трясет и трясет...

ВАРВАРА. Не говори мне про него. Это позор. Слава Богу, у нас фамилия другая... Впору было бы менять...

104 АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А вот это глупости... Родителей нельзя стыдиться. Это грех. Твой дед Иван Ермолаевич Лепехин всю жизнь трудился. Ну, с вишней у него не получилось, зато новый сорт киви вывел, и крыжовник «Заря коммунизма» очень хорош был.

ВАРВАРА. Это которого два куста за старой уборной?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. В свое время вся страна его сажала...

ВАРВАРА. Ну да, а сам он генетиков сажал! Соседи с ним не разговаривали!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Соседи! Что ты хочешь от соседей? В России соседи всегда сволочи! Кто усадьбы жег? Соседи! Кто доносы писал? Соседи! Кто полстраны посадил? Соседи!

ВАРВАРА. Неправда, дядя! Соседи — это общественное мнение! А деда — не любили, да.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да что ты так взъелась, Вава? Ты думаешь, твоего отца соседи любили? Он что, папаша твой, Николай Яковлевич Дворянкин, большой славой себя покрыл?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Андрей Иванович! Как это вы себе позволяете такое говорить?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Я только говорю, что дети должны родителей почитать. Грех родителей не почитать... Не правда ли?

ВАРВАРА. Дюдя, только ты мне про грех не говори, ладно? Что твое поколение про грех знает? Вы же поколение невинных людей: никто ни в чем не виноват! Такую страну разрушили!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Брат Николай был кристальной чистоты человек! Настоящий коммунист! В нашей семье...

ВАРВАРА. Маканя! Помолчи, ради Бога!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Мария Яковлевна, вы переходите границы... У нас в семье были крестьяне, купцы, дворяне были, но коммунистов — никак нет-с! Коммунисты — это с вашей стороны! А ты, Вавочка, напрасно так горячишься. Не надо идеализировать прошлое. И не надо идеализировать будущее.

Достает из кармана пальто бутылку водки,
Мария Яковлевна замечает.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вы ходили в магазин!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ну, ходил!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Так почему же вы не купили творогу для сырной пасхи?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Мария Яковлевна, голубушка! Я вышел погулять перед завтраком... Пройтись... Я и не собирался в сторону магазина. Но за мной увязался Семен... *(Раскупоривает бутылку, открывает дверцу буфета, она падает. Он ищет рюмку в буфете, достает, ставит дверцу на место.)* И он рассказал очень интересные вещи. Оказывается, в нашем поселке за эту зиму проданы двадцать четыре дачи. И цены на наши участки падают, потому что мы стоим на какой-то красной черте. Какая-то реконструкция, перестройка и ускорение... Кстати, куда делось ускорение? Перестройка осталась, а ускорение куда-то делось... *(Наливает рюмочку, выпивает.)* Тогда же еще и трезвость хотели ввести... а с этим в России шутить нельзя! Впрочем, это еще при позапрошлом царе было...

106 МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вавочка! Что он говорит? При каком царе? С царской властью было покончено в семнадцатом году... У него что-то с головой...

ВАРВАРА. Дюдя! Какой ты все-таки циничный человек...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ *(смеется)*. Вавочка, ласточка моя! Я не циничный человек. У меня нежная душа. Просто я... ты же знаешь, русский человек любит прикидываться дурачком... А? Так что там с завтраком? Хоть закусить-то дайте... *(Садится за пианино, играет. Из Бетховена. Нечто патетическое.)* Изумительная! Нечеловеческая музыка! Не правда ли — русскому человеку в высшей степени свойствен возвышенный образ мыслей! И трезвость!

На музыку из всех дверей сходится семья: Наталья Ивановна, Лиза, Елена с Константином. Константин отодвигает от стола один из стульев.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Осторожно! Не трогайте! Этот стул не трогайте! Вчера от него отломилась ножка. Я ее под буфет спрятала!

Константин молча переворачивает стул вверх ножками и обиженно садится к компьютеру. Остальные рассаживаются вокруг стола. Неожиданно загорается висящая над столом лампа. Константин надевает наушники. Потом снимает — раздается мощный бит.

ВАРВАРА. Я, пожалуй, есть не буду...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Посиди с нами, Вавочка. У меня прекрасная новость. Сегодня я закончила перевод четвертого тома!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. За это следует выпить!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Дюдя!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Нет, Наток, нет! Я чисто теоретически...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. ...четвертого тома собрания сочинений Евдокии Калугиной, нашей знаменитой соотечественницы...

ЛИЗА. «Любовь в аду», «Содом в раю», «Прах девственности», «Трах нравственности»...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Лиза, не будь злой...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Так выпьем за нашу знаменитую соотечественницу, за нашу родственницу, за твою невестку Евдокию Калугину! (*Наливает.*)

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ну к чему эта ирония? Евдокия Калугина, то есть наша Аллочка, — прекрасный человек. И замечательная писательница! В любом книжном магазине, во всех ларьках, на железнодорожных станциях, в аэропортах — всюду стоят тысячи ее книг! Ее любят миллионы... Она народный — да, именно народный писатель! И прекрасная жена Ростиславу! И прекрасная мать своих детей!

ЛИЗА. Пронесли... Белинского и Гоголя уже пронесли с базара... А теперь несут Евдокию Калугину... Большими миллионами тиражей. Со всех базаров нашей необъятной родины и ближнего зарубежья...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. К чему эта ирония, Лиза? Да, Евдокию Калугину теперь прочтут и в Америке, и я не стыжусь, что трачу на этот перевод силы...

ЕЛЕНА. Мама, а она заказала тебе перевод этих двенадцати томов, уже имея договор с каким-ни-

108 будь издательством, или за свой счет на английском языке издавать будет?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Леля, на книгах Калугиной ни одно издательство не прогадает... Их разбирают как горячие пирожки...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Надо, чтобы кто-нибудь сходил в магазин и купил творогу. Леля, может, попросишь Константина?

КОНСТАНТИН *(от компьютера)*. У меня программа загружается...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Я уверена, что книги Калугиной на Западе тоже будут иметь успех. Люди всюду одинаковы... А она такая человечная, добрая, и книги ее... ну, как бы это выразиться... не вредны. И даже полезны!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. О боже, каша подгорела!

Вскакивает, снимает кастрюлю с плиты.

ЕЛЕНА. Почему каша? Мы завтракаем или обедаем?

ЛИЗА. А который час?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Пятый...

ВАРВАРА. Мама, ну что ты говоришь! Какая польза? Обычная макулатура! Великая русская литература воспитывала в поколениях бодрость, веру в лучшее будущее, воспитывала идеалы добра и общественного самосознания...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. В шестом часу, конечно, уже можно поесть супу...

ВАРВАРА. А тебе, дядя, лучше бы помолчать...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Я с половины пятого на ногах! Я не варила суп, я ставила куличи!

ВАРВАРА. ...а книги Евдокии Калугиной — пошлость. Обыкновенная пошлость! Я не буду есть. Простите меня... *(Уходит.)*

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ (*тихо*). Охфелия, иди в монастырь.

ЛИЗА. А сыр есть?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. В холодильнике колбаса. Сыр съели.

Лиза достает из холодильника остаток колбасы.

ЛИЗА. И колбасу практически съели.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА (*вслед Варваре*). Вавочка! Но ты не права...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Совершенно нервы расстроены... Вава переутомлена... И потом, она же совершенно ничего не ест. Весь пост она совершенно ничего не ест! Ужас какой-то!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Я же говорю — русскому человеку в высшей степени свойствен возвышенный образ мыслей.

КОНСТАНТИН. Сосредоточь внимание между бровями, и пусть ум будет прежде мысли.

ЛИЗА. Кто это всю колбасу съел?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Да, да. И Николай Яковлевич тоже говорил, что русский человек стихийный материалист!

ЛИЗА. Маканя, не говори так, Вава очень расстроится, если услышит.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. У Вавы с отцом были близкие отношения, они были очень дружны...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Он был настоящий коммунист и свято в это верил...

ЛИЗА. Вава у нас тоже свято верит.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Каша-то пригорела.

Мария Яковлевна раскладывает кашу по тарелкам, пробует.

110 МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Нет, ничего... Не пригорела...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Наток, а сколько Варваре лет?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Тридцать два.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Н-да... То-то и оно...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ну и что? Я родила Лизу, когда мне было за сорок!

ЛИЗА. У вас было плохо с противозачаточными средствами...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (*с аппетитом ест кашу*).
Что она говорит? Лиза, что ты говоришь?

ЛИЗА (*ест бутерброд с колбасой*). Маканя, я имею в виду, что происходит вырождение. Обратите внимание: Андрей Иваныч, дядя, старший в семье, профессор математики, знаток музыки, любитель испанской литературы, ценитель балета, в сущности, даже красавец... дальше мамочка — высокая, красивая, талантливая, владеет пятью иностранными языками как не фига делать, очень добрая и чудесная мамочка родила первого сына Ростислава, высокого, красивого и исключительно делового, потом Варвару, у нее тоже хорошая фигура, вполне приятная внешность и к тому же она у нас самая духовная, но уже что-то не то... Дефицит жизненных сил. Живет и надрывается... Третья Елена — красавица, но средних способностей и полностью лишена духовного начала... Заботится исключительно о теле. Зато здоровье хорошее. Правда, Леля? Я же правду говорю?

ЕЛЕНА. Мели, мели...

ЛИЗА. И наконец, я! Дитя престарелых родителей. Рост один метр пятьдесят два сантиметра. Тол-

стая. Внешность — от-вра-ти-тельная! Зрение — минус шесть с половиной! Диабет и порок сердца...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Лизочка! Но ведь компенсированный! Порок компенсированный!

ЛИЗА. Подожди, Маканя, дай мне закончить выступление. И все, что мне досталось от богатства предков, — немного серого вещества! Надо сказать спасибо родителям, что они не родили еще и пятого... Он уж точно был бы ментальным инвалидом!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Какие глупости ты говоришь, Лизочка!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Лизочка, ты прелесть! Если б я был молодым человеком, я бы непременно в тебя влюбился.

ЛИЗА. Неправда, Дюдя! Когда ты был молодым человеком, ты влюбился в Железную Жизельку!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Лиза!

ЛИЗА (*встает на стул и делает ласточку. Стул под ней трещит и ломается. Лиза встает как ни в чем не бывало*). Конечно, она весила сорок килограммов, и стулья под ней не рассыпались...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Прекрати клоунаду!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ (*подходит к буфету, наливает рюмочку*). Я передумал, Лиза. Если я когда-нибудь опять буду молодым, я снова влюблюсь в балерину. Эти умницы все такие глупые...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Дюдя!

ЛИЗА. А балерины?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Балерины стервы, но очень женственны... В них есть что-то испанское...

Звонит мобильный телефон, Лиза отвечает.

112 ЛИЗА (*мурлычет*). Да... Я так рада, что ты позвонил... (*Идет к лестнице, поднимается.*) У тебя такой приятный голос. Возбуждающий голос... И такой мужественный...

Лиза поднимается по лестнице в мезонин.

ЕЛЕНА. Скучно. Может, съездим в город...
КОНСТАНТИН. Зачем ехать? Надо постоять в позе дерева.

Оба становятся в позу дерева.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (*Наталье Ивановне*). Я давно замечаю, что... Мне кажется, у нее роман...

Стук в дверь, входит Семен и втискивает в дверной проем снятую с петель дверь.

СЕМЕН. Вот.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Что — вот?

СЕМЕН. Дверь. Принес. Хорошая дверь. Никак, обедаете? Я попозже зайду.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Зачем попозже? Мы уже поели. Не хотите ли вот каши? (*Принюхивается.*) Чем это от вас пахнет?

СЕМЕН. Не, благодарствуйте. Мы там уже с ребятами...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Зачем нам дверь?

СЕМЕН. Дуб. Отменный материал. Сто лет простоит. (*Замечает Елену с Константином в позе дерева.*) Чего это с ними?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Китайские упражнения.

СЕМЕН. Ну Ленка дает!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (*догадывается первая*). А, 113
это дверь для уборной?

СЕМЕН. Так сами же заказывали.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Семен! У нас есть дверь в
уборной.

СЕМЕН. Так то в доме. А на улице в уборной — нет.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ (*осматривает дверь*). Дей-
ствительно, хорошая дверь.

СЕМЕН. Я и говорю. Сто долларов всего. А такая
новая двести стоит!

Елена и Константин давятся от смеха, зажимают друг
другу рты. Мария Яковлевна принохивается.

Я вам ее поставлю в той уборной, и будете туда
ходить. Недорого возьму за работу.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А что, уборную в доме нель-
зя починить?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Пахнет селедкой! Ну да, от
вас, Семен, пахнет селедкой!

СЕМЕН. Чего же плохого в селедке?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Все-таки в этом доме все-
гда была канализация...

СЕМЕН. Смысла нет. Дача вся сгнила, трубы — од-
на ржавчина. А я вам эту дверь на сортир наве-
шу, сто лет на дворе простоит!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А чего вы ее в дом приво-
локли?

СЕМЕН. Для показу.

КОНСТАНТИН. Чувствуй космос как прозрачное
вечноживое присутствие.

СЕМЕН. Чего ты сказал?

КОНСТАНТИН. Шива сказал.

СЕМЕН. Сам ты вшивый... Чего это он?

114 АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Слушайте, Семен, она не годится. Там дверка, я помню, маленькая была. А эта парадная, большая дверь.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Хорошая дверь! Очень хорошая дверь!

СЕМЕН. Большое дело! Велика — не мала. Проем дверной можно и побольше прорубить, под размер. Дверь-то больно хороша. Второй такой не будет. Ну пошли, по месту посмотрим...

Взваливает на спину дверь, долго вписывается с ней в дверной проем. Выходит.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ну, пошли, посмотрим...

Выходит следом.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Иногда мне кажется, что весь мир сошел с ума...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Кажется, дождь собирается...

ЛИЗА (*спускается с лестницы под зонтом*). Дождь уже не собирается. Льет со страшной силой. А крыша протекает как решето... Где таз?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Слышите? Где-то капает... Зачем тебе таз? Ты что, собралась голову мыть?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Это на мезонине капает.
ЛИЗА. Маканя! Ты посмотри, по стене течет...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Действительно! И около двери лужа! Сейчас я принесу тазы. У нас в чулане много старых тазов...

Мария Яковлевна выходит.

ЕЛЕНА. Пойдем погуляем, Костя. Я так люблю дождь. 115

КОНСТАНТИН. Не пойду. Мне работать надо...

ЕЛЕНА. Всем работать надо. Ну, выйдем ненадолго, а то ты все работаешь и работаешь. Ничего от тебя проку.

Мария Яковлевна возвращается с тазами и тряпкой, Лиза берет один из тазов и уходит наверх, Мария Яковлевна ставит стул возле двери, на него таз. Звонкая капель.
Новая рулада кошки.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Если поставить на пол, все будут его переворачивать у двери...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Бедное животное... Почему она так орет?

ЕЛЕНА. Она сидит на дереве и не хочет слезать.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Не понимаю. Почему она не слезает? Ведь дождь...

ЕЛЕНА. Может, ей там нравится...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Выше моего понимания...
(Уходит.)

ЕЛЕНА. Пошли, погуляем. Ты снимешь кошку с дерева...

КОНСТАНТИН. Не пойду. Может, ей там нравится...

ЕЛЕНА (*хрипло мяукает*). Мяу! Пошли! Ну, Котик!

Константин снимает с вешалки плащ, берет зонтик.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Леночка, посмотри, пожалуйста, мне кажется, тазик худой. Из него на пол течет.

ЕЛЕНА. Какая разница? И так течет, и так течет...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (*кричит в ужасе*). Ой, моя опара! Я совсем забыла! Она поднялась и осела! Что теперь делать? Все погребло! Наташа! Наташа!

Вбегает Наталья Ивановна.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Что случилось, Маканя?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Пропало! Все пропало!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Что?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Опара пропала! Теперь тесто не вы́ходится. Куличи пропали!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Что куличи? У меня сегодня весь день пропал!

Входит Андрей Иванович с Семеном,
уже без двери, натываются на стул с тазом.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Осторожно, там тазик!

СЕМЕН. Да у вас крыша течет.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Как же так? Вы же в прошлом году чинили...

СЕМЕН. А ее чини — не чини... Смысла нет. Менять надо. Я в том году только покрыл, где уж совсем сгнило. А по-хорошему, надо новую крышу... Или дом сносить. Может, оно и дешевле будет.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А дверь в самый раз пришла. Тютелька в тютельку...

СЕМЕН. На той неделе навешу...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Как это на той неделе? А как же мы будем жить — без уборной?

СЕМЕН. Не, после Пасхи... Я сегодня занят. С утра было восемь заявок, а я тут с вами провозился,

так что заявки не успел. С вас сто долларов за дверь... ну и за работу сколько не жалко...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Какое-то безумие.... Так жить нельзя... (*Уходит.*)

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А почему так дорого, Семен?

Андрей Иванович садится к пианино,
играет из Бетховена.

СЕМЕН. Да жизнь дорога стала, Мария Яковлевна!

С улицы раздается кошачий вопль и рев Константина, через минуту с улицы влетает Константин с окровавленной рукой, за ним Елена, опрокидывают стул с тазом.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Осторожно! Боже! Что случилось?

КОНСТАНТИН. Рука! Рука!

ЕЛЕНА. Эта кошка просто идиотка! Костя залез на дерево, чтобы ее снять, а она его посмотри, как цапнула! До кости! Где йод?

КОНСТАНТИН. Ой, рука! Черт меня дернул! Орала себе и орала бы... А я теперь работать не смогу! Больно, черт!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. В аптечке! В аптечке, Лелечка!

Елена бросается к аптечке, вытаскивает оттуда
какие-то пузырьки.

ЕЛЕНА. Здесь валокордин. Пять... восемь пузырьков валокордина! Никакого йода! И бинта нет! Дайте хоть носовой платок, Господи!

118 Андрей Иванович играет на пианино «Вы жертвою пали
в борьбе роковой...»

ЕЛЕНА (*кричит*). Лиза! Лиза! Отвези нас в мед-
пункт! Лиза! Быстренько!

СЕМЕН. Поссать на руку надо. Народное средство.
Ото всего помогает.

КОНСТАНТИН (*зло*). А посрать не надо?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Нет, что ни говорите, сто
долларов — очень дорого! Сто долларов!

Лиза спускается по лестнице.

ЛИЗА. Чего у вас там?

ЕЛЕНА. Мурка, эта идиотка, вцепилась в Констан-
тина...

ЛИЗА. Каждая идиотка рада вцепиться в нашего
Константина...

ЕЛЕНА. Отвезешь в медпункт, а? У нас дома ни
йода, ни бинта...

КОНСТАНТИН. Не поеду ни в какой медпункт!

ЛИЗА. А пусть нажмет на китайские точки! (*Паро-
дирует китайский массаж по точкам.*)

ЕЛЕНА. Ты что? Кровь течет! Какие точки!

ЛИЗА. Сто долларов...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Нет, сто долларов — это
все-таки слишком дорого...

ЕЛЕНА. Ты что, Костя, а если заражение крови?
Лиз, не валяй дурака, одевайся!

ЛИЗА. У меня бензина нет.

ЕЛЕНА. Я куплю. Поехали.

ЛИЗА. Полный бак?

КОНСТАНТИН. Я истекаю кровью... Смотрите, те-
чет и течет...

ЛИЗА. Полный бак и сто долларов!

ЕЛЕНА. Какая же ты жучка! Помнишь, ты маленькая была, я тебе свой плеер подарила!

ЛИЗА. Помню. Плеер был хороший. Так и быть. Отвезу. Очень хороший был плеер. Ладно, дам скидку. Двадцать долларов в час... *(Вынимает свой мобильный.)* Оператор! Отключите на два часа!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА *(Семену)*. Может, действительно, двадцать долларов в час?

СЕМЕН. Это вам тоже на тоже будет... Да ладно, после Пасхи разберемся... До свиданья пока... *(Андрею Ивановичу)* Так вы заходите завтра по утрянке, Андрей Иванович, поговорим... Дело у меня к вам... *(Уходит.)*

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Зайду, может, зайду...

Лиза, Елена и Константин выходят, слышно,
как отъезжает машина.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Дрожжи у меня не все вышли, опару можно заново поставить... Или прямо в эту добавить... Или эту выкинуть... Ума не приложу...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Не прикладывайте ума, Мария Яковлевна... Хорошего варианта у нас нет... Оба хуже... Се ля ви... *(Играет на пианино нечто меланхолическое.)*

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. У Натальи Ивановны была Молоховец... Надо посмотреть...

Уходит. Андрей Иванович продолжает играть.
Входит Наталья Ивановна.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Может, выпьем кофе? Пока Маканя там ищет Молоховец...

120 АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Можно... можно выпить кофе...

Наталья Ивановна замедленно движется в поисках кофейника, кофе, ложечки, спичек. Варит кофе.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Знаешь, Дюдя, я мечтаю, что, когда сброшу с плеч эту работу, приведу в порядок весь семейный архив. У нас уникальные семейные материалы... Такой срез истории... Наша прабабушка по материнской линии — боярского рода Мурзиковых, в летописях четырнадцатого века первые упоминания этой фамилии. Считается, что Мурзиковы происходят от потомков Кублай-хана! Граевские, мелкопоместные дворяне, род незначительный, но дал двух героев Отечественной войны 1812 года. Через сестру прабабушки Марфу Мурзикову, вышедшую замуж за француза, мы находимся в отдаленном родстве с Буонапартом...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Послушай, Наток! Ты помнишь, что бабушка жила во Франции с этим... французом, который ее обобрал... Так вот он, если мне память не изменяет, находился в родстве с парикмахером, который стриг и брил Наполеона... Вот что я помню...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Нет, ты что-то перепутал! Этого не может быть! Тот француз был композитор, очень известный человек... Не Берлиоз, но тоже знаменитый. *(Выключается электричество.)* Ой, опять! Дюдя, зажги, пожалуйста, свечи... *(Андрей Иванович зажигает свечи.)* И еще был декабрист Граевский, дедушкин брат, предводитель дворянства Орловской губернии. Через не-

го мы в родстве с Кутузовыми, Аракчеевыми и Тургеневыми...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А с Муму? С Муму мы не в родстве?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ах, перестань! Я совершенно серьезно... Следишь за моей мыслью? А если хорошенько поработать в Исторической библиотеке, я уверена, столько подробностей, столько интереснейших деталей выяснится... Например, Лавуазье, Эстергази, Рюриковичи...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А если потрясти нашего крепостного прадедушку, то и до варягов можно добраться...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ой, кофе убежал! Но не весь...

Андрей Иванович открывает дверцу буфета,
подхватывает ее на лету.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Дюдя! Опять?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да я хотел достать кофейные чашки...

Наливает в рюмку из бутылки, быстро заглывает,
вынимает кофейные чашки.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. А куда все подевались?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Лиза с Лелей повезли Константина в медпункт. Его Мурка покалечила.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Да что ты говоришь? Ну и Мурка! Вот я закончу перевод — напишу историю нашего рода. Масса, масса материалов. Чехов изобразил нашу семью несколько иронически. И надо восстановить справедливость...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вот. Нашла. Я все перепутала... Как это я забыла, опару — это на блины, а на куличи никакой опары. Так что эту опару мы просто выбросим, и все... А про куличи у Молоховец написано так... *(Листает книгу, читает.)* «Тесто должно подходить непременно три раза: первый раз, когда будет растворено, второй — когда будет замешано...» Это не то... Вот! «Если берутся дрожжи сухие, то на каждые четыре фунта муки надо брать приблизительно по три золотника сухих дрожжей, то есть на одну копейку». Вот что я не понимаю... на одну копейку — это по-теперешнему счету сколько?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Вы имеете в виду, сколько это в долларах?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Дюдя! Ты как маленький, ей-Богу! Это же копейка царская! Кто знает, как она соотносится с долларом?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Я этим вопросом интересовался в свое время. Монетарная политика России начала века была хорошо вписана в общеевропейскую того времени. Золотой запас обеспечивал...

Звонит городской телефон, Наталья Ивановна снимает трубку.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Да, я слушаю... Здравствуйте, Анна Павловна! Да, да, передаю трубку...

Передает трубку Андрею Ивановичу.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА (*шепотом, со значением*). 123

Анна Павловна!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да, Анна Павловна! (*Пауза.*) Сегодня? Ты хочешь, чтобы я приехал? Да, хорошо, Няся... Немедленно еду... (*Вешает трубку.*)

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Что случилось, Дюдя?

Андрей Иванович идет к буфету, совершенно не таясь наливает рюмку водки, выпивает.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Где мой черный костюм, Наташа?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Какой костюм, Дюдя?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Похоронный... Скончался академик Кручинский... Да... Анна Павловна просила, чтобы я немедленно приехал... Да...

Уходит к себе в комнату. Наталья Ивановна и Мария Яковлевна стоят в ошеломлении.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Вы поняли? Муж Анны Павловны умер.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Анна Павловна? А кто это?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ну это... ну... Железная Жизелька.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А! Железная Жизелька! Так ее мужу, должно быть, чуть не сто лет...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ах, вы ничего не поняли! Какое это имеет значение, сколько ему лет... Боюсь, что Дюдя на ней женится...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Наталья Ивановна! Андрею Ивановичу шестьдесят семь лет! Кто это женится в таком возрасте? Если он не женился раньше, зачем ему жениться теперь?

124 НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Вы не поняли! Дача записана на Андрея Ивановича, и мои дети — его единственные наследники...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Естественно, ведь они внуки своего деда!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Андрей Иванович — благороднейший человек, но Анна Павловна — настоящая хищница! Всю жизнь она держала его на поводке. Выходила замуж, разводилась, опять выходила... От нее можно всего ожидать...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Наталья Ивановна! Так Жизельке-то самой шестьдесят шесть лет!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Это не имеет значения. Она великая балерина! (*Загорается свет.*) Если она не найдет ничего лучше, возьмет его...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Найдет. Тоже мне, кусок золота! Я бы лично никогда за этого старого пьяницу не пошла, хоть я и не великая балерина.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Что происходит с электричеством? Лучше бы его совсем не было! Второй месяц каждые два часа отключают... Какая была глупость с моей стороны, что я не приняла тогда свою долю от дачи... Мне осталась квартира, а Дюдя всегда жил здесь... Это все Колины принципы!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Да. Брат Николай был человек с принципами. Этим можно гордиться!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Я и горжусь!

Подъезжает машина, в дом вваливаются Лиза, Елена и Константин с перевязанной рукой. Константин сразу же ложится на диван. Стонет.

ЕЛЕНА. Мамочка! Можешь себе представить — Ко-сте надо делать уколы от бешенства! Они сказа-

ли, что, возможно, кошка заразилась бешенством, потому что нормальные домашние кошки не сидят на деревьях. Представляешь, сорок укулов от бешенства!

КОНСТАНТИН. И прямо в живот! А игла — в палец толщиной! И прямо в живот!

ЛИЗА. А я говорю, нет у нас никакого бешенства, одно только тихое помешательство! (*Достает плитку шоколада, отламывает кусок.*)

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Лиза! Воздержись!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Пока вы ездили в медпункт, позвонила Анна Павловна и сообщила, что ее муж скончался...

ЕЛЕНА. Какая Анна Павловна?

ЛИЗА (*восторженно*). Железная Жизелька! Ура! Теперь они поженятся! Дюдя женится на живой легенде! Это почти как Уланова! Как Плисецкая!

Спускается Андрей Иванович в пальто и шляпе, в кашне и с тростью, подходит к буфету, выпивает рюмку.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Н-да... Наток, я не нашел черного костюма... Будь любезна, поищи, пожалуйста, он должен быть где-то в шкафах... Лизик, не будешь ли ты так любезна отвезти меня на станцию?

ЛИЗА. Дюдя, о чем речь? Конечно, отвезу. Да я тебя и в Москву отвезу. Мне все равно ехать надо.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Куда?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А обед?

ЛИЗА. В университет!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. На ночь глядя?

ЛИЗА (*примирительно*). Мамочка! У меня завтра первая пара в девять часов. Я же к девяти отсюда

126 не доеду. Пробки на дороге. Я переночую у подруги и вместе пойдем на лекцию... Сейчас, Дюдя, я только переоденусь. *(Идет наверх, все сидят в молчании.)*

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Дюдя... Может, тебе не стоит ехать... это так нервно... при твоём сердце...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. О чём ты говоришь, Наток? В этом году пятьдесят лет, как мы с Анной Павловной знакомы... Мы познакомились в год, когда она закончила хореографическое училище и получила первую партию...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Жизели?

Мощный кошачий вопль с улицы.

КОНСТАНТИН. Я её, заразу, убью.

По лестнице спускается Лиза — одежда её пародирует балетную пачку. Она берет Андрея Ивановича под руку.

ЛИЗА. Дюдя, а можно я буду твоим шафером?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. На похоронах?

ЛИЗА. На свадьбе!

Они выходят. Хлопает дверь, электричество отключается.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА *(вслед)*. Лизик! Осторожно на шоссе! Дорога мокрая! *(Садится.)* Бедный Николай! Какое счастье, что до этого не дожил! Эта жизнь, шалая-валяя! Никакой дисциплины, никакого порядка! Он бы этого просто не пережил!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Да! Он и того-то не пережил!

Интермедия 127

Вставка в темноте, означающая протекание времени. Вспыхивают свечи, фонарики, движутся по сцене фигуры в разных направлениях, среди них медсестра в белом халате, Семен и некто в кепке. Мелькает даже Микки Маус. Музыка, построенная из партии ударных, фортепианной игры Андрея Ивановича, стрекота пишущей машинки, трелей телефонных звонков, мяуканья кошки. На этом фоне звучат реплики.

— Осторожно! Уборная не работает!

— Где эти битые яйца?

— Это медсестра пришла делать Константину укол.

— Надо вызвать мастера по ремонту пишущих машинок! Это катастрофа! Я не могу работать!

— Он не работает!

— Она не работает!

— Я работаю как ломовая лошадь!

— Не надо идеализировать прошлое!

— Не надо идеализировать будущее!

— Вы серо живете, вы много говорите ненужного!

— Дача разваливается! Ну неужели никто ничего не сделает?

— Надо позвать человека! Где Семен?

— Пускай Ростислав в конце концов займется домом!

— Надо перестать восхищаться собой! Надо работать! Надо тяжело работать!

— Лучше помолчим!

— Идеалы добра и общественного самосознания!

— Пятьсот долларов в неделю на хозяйство...

128 — Ермолай купил имение, прекрасней которого ничего нет на свете.

— Антон Павлович много насочинял: кое-что преувеличил, кое-что изменил...

— Лиза! Воздержись!

— Какой у вас голос... возбуждающий...

— Я не работал ни разу в жизни. Лакей стаскивал сапоги. Я буду работать.

— Пускай работает рабочий! И не рабочий, если хочет! А я работать не хочу!

— Не надо идеализировать прошлое!

— Теперешняя жизнь будет со временем казаться странной, неумной и грешной...

— Поставьте самовар! Кто-нибудь, поставьте самовар!

— Прививки от бешенства! Сорок прививок от бешенства! Всем прививки от бешенства!

— Прививки от тихого помешательства!

— Если бы жить начать снова!

— В нашем городе самые порядочные, самые благородные и воспитанные люди — это военные!

— Пекин. Здесь свирепствует атипичная пневмония. Простите, оспа.

— Каких-нибудь двести-триста лет...

— Не надо идеализировать будущее!

— Живем в таком климате, того и гляди снег пойдет...

— У Гоголя сказано: скучно жить на этом свете, господа!

— Пасха! Пасха! Святая Пасха!

— Где Семен? Канализацию прорвало! Семен! Где Семен?

— Пасха!

— А Римского Папу не впускать! Не впускать!

Действие второе 129

Интермедия продолжается в темноте, все те же реплики. Возглас «Пасха!». Колокольный звон. Загорается свет. Утро. Кое-где шторы отодвинуты, проникает свет. Накрыт стол. Куличи, пасха, крашеные яйца. Жареный поросенок. За столом никого. Вокруг стола несколько стульев, остальные стулья перевернуты. Слышен стук пишущей машинки.

Распахивается дверь. В ярко освещенном дверном проеме — молодая красивая пара, Ростислав и его жена Алла, она же писательница Евдокия Калугина. В их одежде много белого, по контрасту с окружающим оба словно светятся на блеклом фоне гостиной.

РОСТИСЛАВ. Смотри-ка! Стол накрыт, и никого нет!

АЛЛА. Да, пир горой...

РОСТИСЛАВ. Стол ломится.

АЛЛА. А стулья, видишь, уже все сломились.

РОСТИСЛАВ. Да... разруха!

АЛЛА. Действительно, пора с этим кончать.

РОСТИСЛАВ. С этим трудно кончать. Кусок жизни...

АЛЛА. А чем так пахнет?

РОСТИСЛАВ *(неуверенно)*. Куличами...

АЛЛА. Куличами тоже немного пахнет... Но в основном... *(Принюхивается, морщится.)* А почему такая темень в доме?

Ростислав отодвигает тяжелые занавеси, свет падает из окна. Ростислав чихает. Открывает окно. Чихает Алла.

РОСТИСЛАВ. Вот и светло.

130 АЛЛА. Какая пылица! Шторы лет десять не стирали...

РОСТИСЛАВ. Когда еще дед был жив, там, на южной стороне, были оранжереи... Ананасы, абрикосы, орхидеи...

АЛЛА. Мичуринские?

РОСТИСЛАВ. Нет, еще от старой усадьбы...

АЛЛА. Интересно, куда все подевались? Одиннадцать часов.

РОСТИСЛАВ. Спят, я полагаю... (*Звонит мобильный телефон.*) Это не мой вопрос. К заместителю. Нет, не обсуждается.

АЛЛА. Я считаю, что надо им сообщить... Пора с этим кончать...

РОСТИСЛАВ. Это не так просто. Ты совершенно не понимаешь маминой психологии. Она всегда смиряется с любым фактом. Но — постфактум. (*Искренне любит жену.*) Дуся моя, ты шикарно выглядишь!

Ласковое прикосновение, на которое Алла снисходительно отвечает. Раздается дробь пишущей машинки.

РОСТИСЛАВ. Слышь, все спят, а она работает. Как пчелка. Тебя, дуся моя, переводит. Боюсь, не самая удачная твоя идея.

АЛЛА. Котик! А у меня были когда-нибудь неудачные идеи? Может, я — неудачница? И муж у меня — лох? И дети — придурки? Может, двадцать миллионов баб от меня не тащатся?

РОСТИСЛАВ. И как тащатся...

АЛЛА. Или ты думаешь, что от моих книг англоязычное бабье не протащится? Что у них — бабье другое?

РОСТИСЛАВ. Почему другое? Точно такое же, как у нас! 131

АЛЛА. И не протащатся?

РОСТИСЛАВ. Протащатся, дуся моя, конечно, протащатся! Куда им деваться...

Звонит мобильный телефон.

АЛЛА. Слушаю. Простите, какой журнал? Нет, не поняла, интервью? Я подумаю. Позвоните, пожалуйста, во вторник моему литагенту. Да, спасибо... Совсем обнаглели... Да, так вот: в этом деле главное с правильной карты зайти...

РОСТИСЛАВ. Ну ты нахалка! Моими словами чешешь! Это же я всю жизнь тебя учил — насчет правильной карты!

АЛЛА. Научил. А здесь, ей-богу, пованивает...

РОСТИСЛАВ. Значит, муж у тебя — ничего, в порядке?

Обнимает ее сзади, она прижимается к нему.

Ростислав садится в кресло-качалку.

АЛЛА. Не садись! Испачкаешься!

Он пытается усадить ее к себе на колени.

АЛЛА. Кресло-качалка точно рассыплется...

РОСТИСЛАВ. А как романтично!

АЛЛА. Муж ты — в полном порядке. Но семейство твое малахольное...

Увлечены любовной игрой.

РОСТИСЛАВ. Я люблю идею семьи. Семейные ценности... Я люблю мою семью. Согласен, они

132 несколько малахольные. (*Смеется.*) Это малахольное семейство представляет собой вымирающую русскую интеллигенцию. Другой такой нет... Страшно далека она от народа... Герцен ее будил, будил... Не помнишь? В школе по литературе проходила, дуся моя?

АЛЛА. Проходила. По биологии... Вымершие животные. Называются динозавры.

РОСТИСЛАВ. Нет, по литературе. Называются лишние люди... Теперь таких не делают. Раритет, я же говорю! (*Звонит мобильный.*) Не понял. У нас с ним не одна сделка идет, а две параллельные. Пока.

АЛЛА. Нашел раритет! Полстраны таких раритетов! Три четверти населения — лишние люди. Никто не хочет работать!

РОСТИСЛАВ. И все-таки я уверен, история нашей семьи — прекрасный сюжет для твоей книги.

АЛЛА. Очень статично. Никакой истории как раз и нет.

РОСТИСЛАВ. Ну что ты! Как раз это и интересно!

Звонит мобильный телефон.

АЛЛА. Какой тираж прошел? Немедленно допечатку! Пятьдесят? Двести пятьдесят, я говорю... (*Отключает.*)

РОСТИСЛАВ. Сколько всего произошло — революции, войны, репрессии, а они не изменились, несмотря ни на что — чистые люди! Они чистые люди!

АЛЛА. Не знаю, о чем ты... Чистые! Сплошная антисанитария. Надо продезинфицировать... а еще лучше — сжечь!

Смолкает стук пишущей машинки, входит Наталья Ивановна, кидаются в объятия друг другу. Целуются, снова целуются, снова целуются.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Наконец-то! Ростик! Аллочка! Вы без детей? Как жалко! А где же Савик с Груней? Савик уже вернулся? Нет? Как вы чудно выглядите! Аллочка! Какая ты у нас красавица! Как же я рада, детки!

РОСТИСЛАВ *(одновременно с матерью)*. Христос Воскрес! Приехали поздравить вас с Пасхой! Ну, как вы тут? Ой, подарки в машине оставил! Сейчас принесу! Где сестры мои?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Что детки?

РОСТИСЛАВ. Савик в Лондоне, Грунька с няней. Новая гувернантка замечательная, с немецким, английским и французским, смешная девчонка швейцарка, ее прабабушка, представь, в России гувернанткой служила...

АЛЛА. Наталья Ивановна! Здесь так мило, такой участок огромный, и такое романтическое запустение... Как Леля, Варя? Лиза к нам заезжала как-то... Ростик, насчет швейцарки еще посмотрим, у меня есть некоторые сомнения. Савик в Лондоне до конца мая, а потом собирается на практику в Бразилию...

РОСТИСЛАВ. Слушай, мам! Что это у вас — стол накрыт, ни души... Куда весь народ подевался?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ну.. Вава спит, отстояла длинную службу, пришла утром. Леля с мужем уехала вчера в Москву, у Константина рука нарывает, так что они сначала к хирургу, а потом собирались ночевать у друзей... Андрей Иваныч... О! Это действительно новость! У Анны Павловны муж умер...

134 РОСТИСЛАВ. У Железной Жизельки? Я думал, она и сама давным-давно умерла!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Жива-здорова... Вызвала к себе Андрея... Его уже два дня нет. Завтра он на похороны собирается.

РОСТИСЛАВ. К мертвому сопернику?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ну что ты, Ростик, они же многие годы общались, в шахматы играли, у них были очень хорошие отношения.

РОСТИСЛАВ. Ой, Алка! Это такая семейная история! Точно для тебя! Ты дядю нашего помнишь?

АЛЛА. Да конечно помню. Был у нас на свадьбе... С усами. Гибрид Чапаева с балалайкой... и потом я его как-то видела...

РОСТИСЛАВ. Ну да! Он с детства был влюблен в балерину... И после нее всю жизнь путался исключительно с балеринами...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Аллочка! Не слушайте его! Все совершенно не так! Он преданно любил ее всю жизнь, а она вышла за другого...

РОСТИСЛАВ. За несколько десятков других!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ну Ростик! Как ты можешь! Она действительно несколько раз была замужем. Но с Андреем Ивановичем всю жизнь тайно встречалась...

РОСТИСЛАВ. Это романтическая версия. А реально — всю жизнь он путался с молоденькими балеринами... Имей в виду при этом, что он математик! В голове — сплошная абстракция, какая-то Банахова алгебра, Гилбертовы пространства... и молоденькие балерины всю жизнь! Разве не сюжет? А?

С улицы входит Андрей Иванович — в пальто, в шляпе, с тростью.

РОСТИСЛАВ (*целует его*). Здравствуй, дядька! 135
Христос Воскрес!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Воистину! Рад тебя видеть!
О, ты с женой! (*Целует Alle руку.*) Редкие гости!
Как кстати! Давайте к столу!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ой, что же это я! Конечно
же, к столу! К столу!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А где все? А где Мария
Яковлевна? Ишь, как она расстаралась! Где же
она?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Она слегла, бедняжка. Ра-
дикулит разбил. Накрыла на стол и слегла... (*От-
ходит в глубину и кричит.*) Мария Яковлевна! Гос-
ти приехали!

РОСТИСЛАВ (*кричит*). Маканя! (*Звонит мобильный
телефон.*) Да, Алексей! Конечно! Будем смотреть
из восьми... Ну, хотелось бы. Встретимся. Обсу-
дим. (*Alle*) Борташов звонил.

АЛЛА. Сам?

РОСТИСЛАВ. А куда ему деваться? Предложил
встречу.

АЛЛА. Сам? (*Ростислав кивает.*) Нет слов!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Маканя! (*Ростиславу*)
Сейчас выйдет. Она так тебя... вас ждала! Так го-
товилась! Три дня от плиты не отходила!

Андрей Иванович лезет в холодильник, достает бутылку
водки. Входит Мария Яковлевна с палкой, сильно
хромая.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Осторожно, Андрей Ива-
нович! Дверка плохо захлопывается! Ростик! До-
рогой мой! Мальчик мой! Аллочка! (*Целует их.*)

РОСТИСЛАВ. Христос Воскрес, Маканя!

136 МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ну, хорошо, хорошо! Пусть воскрес! Это, конечно, против моих убеждений, но праздник есть праздник!

РОСТИСЛАВ. Наша Маканя — враг всех религий, Аллочка! Тетя наша атеистка! *(Целует ее в голову.)* Все бы христиане такие были, и проблем бы не было!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Да, я атеистка, Алла. Но я уважаю чужие взгляды... Вот Вава, например. Уважаю... И семейный уклад для меня — святое! Праздник — превыше всего! Я все праздники чту — Новый год, Рождество, Пасху, Седьмое ноября и Первое мая. Для меня все праздники равны!

РОСТИСЛАВ. Но есть особенно равные!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Так что прошу к столу!

Рассаживаются. Ростислав пытается перевернуть стул.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Конечно, мой покойный брат был принципиальнее меня! Ваш отец никогда не сел бы за пасхальный стол! Да — были другие времена! Зато какая дисциплина! Какой порядок! Профком, местком, треугольник! Это теперь — шалаяй-валяй!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Осторожно, Ростик, там доска гнилая, можно провалиться!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Кулич немного пригорел, но только сверху. Берите поросенка, ветчину... Хрен, горчица, пожалуйста...

РОСТИСЛАВ. Нет, нет! Мне не наливай! За рулем!

Звонит мобильный телефон.

АЛЛА. Нет, свяжитесь с моим агентом. Нет, нет, я

этим не занимаюсь. Только через агента. Всего
доброго.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А я без руля! Да! Мне можно!
Всегда можно! *(Наливает себе, всем предлагает, все отказываются, кроме Аллы.)* А невестка
молодец! Может, Алла, вы предпочитаете коньяк?

АЛЛА. Нет, нет! Предпочитаю водку! Дезинфицирует!

Входит Варвара.

ВСЕ. Вава! Варвара! Варечка! Христос Воскрес! С
праздником!

ВАРВАРА. Воистину воскрес!

Все выходят из-за стола, целуются, снова рассаживаются.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Подождите, а Лиза? Где
Лиза?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. В мезонине.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Надо Лизу позвать.

Мария Яковлевна встает, хромает к лестнице.

Лиза спускается по лестнице с телефоном.

ЛИЗА. Ростик! Сам приехал! *(Лиза виснет на нем, как маленький ребенок, тепло целуются.)* Ростик! Генерал ты наш!

Все рассаживаются, принимаются за еду.

АЛЛА. Нет, нет, спасибо, я мяса не ем...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Скажите пожалуйста... Какое совпадение! А я рыбы не ем!

138 МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ростик! Я давно тебе хотела сказать, между прочим... Вот ты купил Лизе машину, и мы теперь в постоянном беспокойстве! Девочка одна носится по ночам на машине... ЛИЗА. Маканя! Ты забыла Ростика спросить про вибрацию!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Да, Ростик! Я всех спрашиваю, никто не может мне разъяснить! Ты понимаешь, в доме какая-то вибрация! Говорили, что до войны здесь был военный завод — не слышал? Там вот мне кажется, что временами изпод земли какая-то вибрация. Не чувствуешь? *(Она прислушивается.)* Нет, кажется, сейчас не чувствуется? Я думаю, там какой-то вибратор! А ты как думаешь?

РОСТИСЛАВ *(переглядывается с женой)*. Вибратор? Нет, ничего не знаю. А что ты про машину спрашивала? Какая машина?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А, машина! Которую ты Лизику подарил! «Оку»!

РОСТИСЛАВ. Я? «Оку»?

ЛИЗА. «Оку»! Ты мне подарил «Оку»! Ко дню рождения! Ты что, забыл, Ростик? «Оку»!

РОСТИСЛАВ. Ах, «Оку»? Ну да, «Оку»...

ЛИЗА. Ты же не жалеешь, правда? Ты же Савику тоже купил машину, когда ему восемнадцать лет исполнилось? Правда?

РОСТИСЛАВ *(смеется)*. Правда... Правда... Конечно, без машины сейчас невозможно... Ты водить-то научилась?

ЛИЗА. Закончила школу, сдала на права... Все в порядке.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Аллочка! Почему вы не кушаете? Лелечки нет, а то бы вся семья в сборе...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Она обещала утром приехать. Скоро будет, я думаю... Ростик, ты бы придумал что-нибудь насчет ее работы.

РОСТИСЛАВ. Мам, я Елену уже устраивал... В общей сложности три раза...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ваш покойный отец был бы так рад...

ЛИЗА. Кулич сырой!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Нет, Лизик, он пригорел немного.

ЛИЗА. Сверху пригорел, зато внутри сырой.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ростик, ты совсем не кушаешь! Аллочка!

Стук в дверь. Входит Семен.

СЕМЕН. С праздником! Поздравляю всех!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Поздравляем вас, Семен.

СЕМЕН. Ну, я пришел насчет двери-то!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ой, как хорошо! Мы вас так ждали! Чем это от вас пахнет?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А может, немного попозже, а? У нас гости...

СЕМЕН. То сами просили — срочно, срочно, а как я пришел — заняты.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Действительно, может, завтра?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Селедкой пахнет! Конечно, селедочкой пахнет!

СЕМЕН. Сами же говорили, засор, то-се... я конкретно пришел...

Направляется к выходу, оборачивается у двери. Наталья Ивановна шепчется с Марией Яковлевной, та встает и,

140 ковыляя, собирает продукты: бутылку водки из холодильника, кулич, яйца и большой кусок ветчины.

СЕМЕН. Мне бы с вами переговорить, Андрей Иванович.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Семен! Семен! Вот вам гостинцы! *(Кидается ему вслед, сует продукты.)* Пожалуйста!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да, да... на днях, Семен. Непременно.

СЕМЕН *(полные руки продуктов)*. Ну, как хотите... То сами говорили — срочно, канализация не работает, а когда я прихожу, ничего и не нужно, выходит дело... Дверь там на улице прислоненная к уборной стоит... *(Уходит с видом глубокой обиды и оскорбленного достоинства.)*

РОСТИСЛАВ. Что это за хмырь?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ростик, это наш спаситель! Золотые руки! Все нам чинит! Если бы не он, дача бы давно рухнула! Просто бы рухнула!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Прораб местный.

РОСТИСЛАВ. Подозрительный тип!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Действительно, все нам починяет...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Да! Он такой мастер! Блоху на скаку остановит!

Алла и Лиза заливаются хохотом.

ЛИЗА. Маканя! Не блоху! Коня! Коня на скаку украдет!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ах, бросьте ваши хиханьки, честное слово! Вы думаете, легко общаться с простыми людьми? Каждый раз — десять долларов.

РОСТИСЛАВ. Ну ладно вам! *(Подходит к окну.)* 141

Здесь так прекрасно! Старые сосны. Там часть сада еще осталась? *(Звонит мобильный.)* Ты с ума сошел? Только с производителями! Даже разговору быть не может... *(Разъединяет.)*

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Осталось несколько яблонь.

РОСТИСЛАВ. А вишни?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Давно посохли.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Соседи говорили, померзли.

РОСТИСЛАВ. Зброшенная беседка... И такой воздух!

ЛИЗА. Ростик, а ты что, вони не чувствуешь? Лелька каждые пять минут пальчики душит духами «Пуазон», говорит, что они лучше всего вонь отбивают...

РОСТИСЛАВ *(принюхивается)*. Да. Да... Конечно... Дача ветхая... Я уже давно хотел это с вами обсудить.

АЛЛА *(Ростик)*. О! Только не гони лошадей!

РОСТИСЛАВ. Есть возможность обменять ее на совершенно новый коттедж, в ближнем Подмосковье. По площади и по удобству ни в чем не проиграете... Я бы сказал, значительно лучше...

Дальнейшие реплики одновременно.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ростислав! О чем ты говоришь?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Уехать отсюда? Из этого дома? Странная мысль!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Как это возможно? Это дом вашего деда! Прадеда!

142 ВАРВАРА. С ума сошел! Совсем с ума сошел! Ну просто новый русский! Настоящий новый русский!

ЛИЗА. Ну, брательник, ты даешь! Да кто же из такой сладкой помоечки уедет? Никогда в жизни! Только в Амстердам!

ВАРВАРА. Наше родовое гнездо...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да успокойся ты, Вава! Никто не собирается расставаться с нашей дачей. Ни обменивать, ни продавать...

Пауза. Разговор продолжается.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Усадьба эта, на месте которой сейчас дача, вместе с сельцом Покровским дана была в приданое нашей пра-пра... какой-то бабушке еще при жизни Пушкина. В тысяча восемьсот двадцать восьмом году, у меня все записано... Урожденная фон Мекк...

ВАРВАРА. В здешней церкви венчался прадед...

РОСТИСЛАВ (*Алле*). Ну, что я говорил? (*Остальным*) Шутка! Я просто представил себе на одну минуту всех вас в новом доме, совершенно исправном, в котором ничего не течет и не разваливается, все работает...

ВАРВАРА. Евроремонт?

Входит Елена с Константином. У него рука на перевязи.

РОСТИСЛАВ. Ну, вся семья в сборе!

ЕЛЕНА. Привет, Ростик, дай поцелую! О, ты с женой! Приветик! А что происходит?

РОСТИСЛАВ. Я высказал мысль, не купить ли для

вас новую дачу. Побольше и покомфортабельней.

ЕЛЕНА. Как это? А гробы?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Какие гробы?

ЕЛЕНА. Ну, это... отчие гробы... Наши прадедушки здесь похоронены.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Николай Яковлевич, между прочим, на Новодевичьем!

ЕЛЕНА. Если бы здесь все починить, можно и дальше жить...

АЛЛА (*Ростиславу*). Надо работать в другом направлении.

РОСТИСЛАВ. Умница ты моя!

ВАРВАРА (*Елене*). Всем нужен евроремонт! Помешались на евроремонте!

КОНСТАНТИН. Леля, у меня уже рука не болит. У меня все чакры болят...

РОСТИСЛАВ. Ну почему обязательно евроремонт?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Так можно же просто починить...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Сто лет тому назад эти дачи были построены по последнему слову техники!

РОСТИСЛАВ. Да, да... Я понял, — в мире должна царить гармония! Так что и дальше живем как жили...

КОНСТАНТИН. Сосредоточься на огне, сосредоточься на огне...

АЛЛА (*Елене*). Он у тебя чего — немного того?

ЕЛЕНА. Сосредоточься на своем.

АЛЛА. Не хаами, детка. А то пособие сократим.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Бабушка Аня умерла здесь, в этом доме. Ей было девяносто семь лет, и она встречалась со всеми выдающимися дея-

144 телями культуры, она была знакома с Владимиром Соловьевым и с Сарой Бернар!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Наток, ну Сара Бернар совсем уж ни при чем!

ВАРВАРА. Это принципиальный разговор! Не только о судьбе нашей старой дачи! Это разговор о судьбе всей страны!

РОСТИСЛАВ. Варвара! Да у тебя государственное мышление!

КОНСТАНТИН. Уберите эту гребаную прану! Она кипит!

ЕЛЕНА. Кость! Костя! Ты чего?

У Константина жар и бред, но пока этого не замечают.

ВАРВАРА. Да! У меня государственное мышление! Если великой страной правят троечники, должен же кто-нибудь о ней думать!

РОСТИСЛАВ. Да без тебя уже подумали!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Вава! Какая мысль! Девочка права: страной действительно правят троечники!

РОСТИСЛАВ. Да не убивайся так, сестра. Кого мы поставим, тот и правит...

АЛЛА. Не гони лошадей...

ЕЛЕНА. Ростик, мысль твоя насчет дачи, может, и неплохая, только было бы лучше, чтобы ты переселил нас на две дачи. Нас все-таки слишком много для одной дачи, не правда ли?

КОНСТАНТИН. Кошки, всюду кошки. В Китай! В Индию!

ЕЛЕНА (*Константину*). Что с тобой? Помолчи.

ВАРВАРА. Еще князь Щербатов писал — «Об ухудшении нравов в России»!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Это было двести лет тому назад!

ВАРВАРА. Да! Двести! И триста! Надо смотреть на допетровскую Русь!

ЛИЗА. Давай! Давай! Владимир Мономах! Ярослав Мудрый!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А Чаадаев? Ты не читала «Философических писем» Чаадаева?

ВАРВАРА. Твой Чаадаев католик!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Но католики тоже христиане!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Он был человек европейских взглядов!

ВАРВАРА. Это латинская ересь!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Деточка моя! Существуют универсальные идеи! Еще римляне заложили основы универсализма!

ЛИЗА. Давай, давай, Дюдя! Еще повороши! Как я люблю нашу семейку!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Наша семья всегда была самых передовых взглядов!

АЛЛА (*Ростиславу*). По-моему, разговор идет в нужном направлении.

РОСТИСЛАВ. В обычном...

ВАРВАРА. Эти западнические идеи всегда были отравой для России!

ЕЛЕНА. Две дачи — хорошая идея. Правда, Ростислав?

ВАРВАРА. У России свой путь!

ЛИЗА. Умом Россию не понять!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ты еще вспомни про евразийство!

ВАРВАРА. Да! И евразийство!

146 МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Какое все это имеет отношение к канализации? Ростик, ты не знаешь, почему она не работает?

РОСТИСЛАВ. Знаю, Маканя.

ВАРВАРА. В евразийстве было свое здоровое зерно!

Звонит мобильный телефон у Аллы

АЛЛА. Алло! Черт! Разъединилось!

Нажимает кнопку. Звонит телефон у Ростислава.

РОСТИСЛАВ. Алло!

АЛЛА. В чем дело?

РОСТИСЛАВ. Ты меня набирала?

АЛЛА. Нет. А ты?

РОСТИСЛАВ. А, случайно кнопку нажал...

Оба отключают телефоны.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А нельзя ее починить?

РОСТИСЛАВ. Нельзя.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ты еще про коммунизм вспомни!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Не трогайте покойного Николая! Он был честным коммунистом! Если бы все были такими, как он! Он был материалистом и свято в это верил!

ЛИЗА. Мамочка! Ты мне можешь когда-нибудь толком объяснить, во что же свято верил папочка?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. России нужна крепкая рука! Дисциплина! И профсоюзы!

ВАРВАРА. Нужна русская национальная идея!

КОНСТАНТИН *(громко, всех перекрикивая)*. Хари Кришна!

Опускается на пол. Варвара встает, плюет на пол
и выходит.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Вавочка! Куда ты?

ЛИЗА. Ростик! Скажи хоть ты, чего нужно России — крепкая рука или национальная идея?

РОСТИСЛАВ. Инвестиции нужны.

АЛЛА. Ростик, нам, кажется, пора... нам пора идти... другим путем... Мне кажется, тебе придется сократить англичанина.

РОСТИСЛАВ. Я это сделаю, как только мы сядем в машину.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Продали Россию!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да плохо продали! Русский человек и продавать толком не умеет! Вот в чем беда-то!

РОСТИСЛАВ. Да, дуся моя... Нам пора идти другим путем... Мамочка! Я завтра на три дня улетаю в Бангкок, потом в Улан-Батор, и к пятнице буду дома, так что — позвоню! Да, подарки! Лизик, помоги принести подарки из машины!

Обнимает за талию жену.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Почему никто ничего не кушает? Ростик! Аллочка! Вы совсем не покушали!

АЛЛА. Спасибо, было очень вкусно. Я в городе, Наталья Ивановна. Звоните, если будут вопросы по тексту! До свиданья, дорогие! С вами всегда так интересно!

Уходят вместе с Лизой.

Долгая пауза.

148 МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Не понимаю, что он имел в виду.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Вава расстроилась.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Наток, а ты не нашла мой черный костюм?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Нашла, нашла. Он в английском шкафике висел, в папином кабинете. Я его к тебе перевесила.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Спасибо, Наток.

ВАРВАРА (*возвращается в гостиную*). Вспомните мои слова — все это закончится полной катастрофой!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Вавочка! Присядь, и не принимай так близко к сердцу. Откуда этот мрачный взгляд на вещи? Где ты видишь катастрофу? Есть новые силы! Новое поколение! Они трудятся, зарабатывают. Такие, как Ростислав, его сын Савик... Они поднимут страну!

ВАРВАРА. Не поднимут. Эти — не поднимут! И через миллион лет она будет все та же! Это катастрофа!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Подумаешь, катастрофа! Сколько катастроф было на нашем веку! И ничего — живы!

ЛИЗА (*входит с охапкой подарков*). Хорошая катастрофа отлично вставляет. Я лично не против!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Катастрофа, конечно, бодрит, но мы всю жизнь прожили в эпоху катастроф. Хотелось бы попробовать, как живут люди без этого...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Лично меня очень волнует канализация.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Существует в естествознании теория катастроф, я когда-то перевела статью...

ВАРВАРА. Господи! Какая канализация! Мир летит в тартарары! Страна погибает! Демографическая катастрофа! Нравственный упадок! Рим! Апокалипсис! А мы сидим за столом и беседуем о теории катастроф! А катастрофа уже происходит! Здесь и сейчас!

Входит Ростислав, несет еще несколько коробок.

РОСТИСЛАВ. Какая катастрофа? О чем вы? Все отлично! Экономика поднимается! Инвестиции приходят! Долги списывают! Налоги снижают! И даже более того: каждому по потребностям, от каждого по способностям! Ну, это, правда, только в нашей отдельно взятой семье! Все! Держите подарки! Всех целую! Больше нет ни минуты! *(Уходит.)*

ЛИЗА. Конец света! Ростик таких подарков навез! Мама! Смотри, фондюшница! Будем делать фондю! Это, конечно, для Дюди — рюмки! Нож для разрезания конвертов! Кость слоновая! Электродеяло! Это Ваве! Она всегда мерзнет! Это, мамочка, тебе! *(Протягивает Наталье Ивановне плоскую коробку с шарфом.)* Шарф мужской, зато фирмы «Гермес». Ясно, у Ростика недавно был день рождения. Прелестные излишки подарков! А это мне, любимой!

ЕЛЕНА. Что это? Что?

ЛИЗА. Органайзер.

ЕЛЕНА. Ой, а почему тебе? Мне такая вещь очень нужна...

ЛИЗА. Перебьешься!

КОНСТАНТИН *(с пола)*. Стекло! Стекло! Не трогайте меня! Стекло!

150 НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Девочки! Как вы себя ведете!

Звонит городской телефон. Никто не подходит.

ЕЛЕНА. Дай сюда! Я старшая! Разве написано, что это тебе? Ты всегда все хватаешь первая!

ЛИЗА. Мне принадлежит по праву! Я младшая!

ВАРВАРА. Перестаньте! Как вам не стыдно!

Андрей Иванович воровато выпивает рюмочку. Наталья Ивановна грозит пальцем. Телефон звонит.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Снимите же трубку! (*Ковыляет к аппарату, снимает трубку.*) Алле! Алле! Айн момент! Иностранец!

Лиза и Елена кидаются к трубке. Первая хватается Елена, показывает Лизе язык.

ЕЛЕНА. Speaking! O, yes! What happened? Really? We'll invite the plumber! Why? We could discuss it! Well! To increase the rent! But we have the contract at last! As you wish, mister Roberts.

Елена раздраженно бросает трубку.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Что случилось? Леля! Что случилось?

ЕЛЕНА. Прорвало канализацию!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Так это уже давно... И почему по-английски?

ЕЛЕНА. Да в Москве! В нашей московской квартире прорвало канализацию, и чертов англичанин съехал! Вот что!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Это катастрофа...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. О боже! Чем же мы будем жить? У меня осталось восемьдесят долларов!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Дорогие мои! Я вынужден вас покинуть. Мне надо вернуться в город. Завтра похороны... Лизик! Не отвезешь ли меня на станцию? *(Уходит в свою комнату.)*

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Леля! А может, отвезти Семена в Москву, чтобы он там срочно починил? Я совершенно не представляю себе...

ЕЛЕНА. А почему бы тебе не взять аванс у Евдокии Калугиной?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Как я ненавижу эти разговоры о деньгах!

ВАРВАРА. В самом деле, мамочка?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Дело в том, что этот аванс уже взят и потрачен!

ЕЛЕНА. Мамочка, а когда же ты успела?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Леля! А на какие деньги ты с Костей жила три месяца в Париже? А Лиза в Амстердам на какие деньги ездила?

ВАРВАРА. Это катастрофа... Надо позвонить Ростиславу... Пусть что-нибудь придумает! Нашел же он этого англичанина, может, найдет и другого!

Наталья Ивановна решительно идет к телефону,
набирает номер.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ростик! Ты еще не доехал? В дороге? У нас неприятность... В московской квартире прорвало канализацию, и англичанин съехал... *(Пауза.)* Ты думаешь? Ты считаешь? Ты не сможешь? Ты не знаешь? Ты попробуешь?

152 Нет, это невозможно... А ты не сможешь? Нет, это невозможно. Да. Спасибо, сыночек. Да. Да, я думаю. Я знаю. Я понимаю. Да, я смогу.

Вешает трубку, молча сидит возле телефона.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А почему никто не кушает? Берите поросенка! Берите кулич! Берите пасху!

Входит Андрей Иванович в черном костюме, на локте пальто, в руке трость.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Наток, по всей видимости, я приеду послезавтра...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА (*торопливо шарит в аптечке*). Дюдя! Возьми с собой сердечное! Где же валокордин? Было много валокордина. Почему-то один йод... пять... восемь пузырьков йода...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Не беспокойся, Наток... Не беспокойся! Ты же знаешь: катастрофа, катастрофа... а в конце концов все хорошо! Все живы!

ЛИЗА. Дюдя! А куда ты сейчас едешь?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Как куда? На похороны!

Лиза берет ключи от машины, мобильный телефон, плитку шоколада.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Лиза! Тебе нельзя шоколад! Воздержись!

ЛИЗА. Пошли, Дюдя, подвезу тебя до станции...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Подожди, Лиза. Не уходите. Я должна вам сообщить, что сейчас сказал

Ростислав. Он сказал, что квартиру нашу сдавать больше нельзя, пока там не будет сделан евроремонт. Что сейчас он этим заниматься не может, потому что у него очень большой проект. Денег он нам сейчас дать не может, потому что у него все вложено в этот проект. И ближайшее время мы должны продержаться сами.

ЕЛЕНА. Это рука писательницы Евдокии Калугиной!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ну что ты говоришь, Лелечка!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Это катастрофа!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Нет, это не катастрофа! Просто все должны работать!

ЛИЗА. Мамочка! Не работать, а зарабатывать! Пошли, Дюдя!

Берет Андрея Ивановича под руку, он прихорашивается у двери.

ЕЛЕНА. О чем мы говорим? Я буду работать! И Костя будет работать...

КОНСТАНТИН. В третьей доле... пере... пере... перезапись... и наложение... гвоздец...

Константин принимает на полу затейливую позу — может, мостик.

ЕЛЕНА. И Варвара пойдет на работу!

ВАРВАРА. Только не на это государство!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Вава! Ну чем тебе государство не угодило?

ВАРВАРА. Это государство обокрало народ! Это правительство разрушило великую страну!

154 АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Вава! Какая великая страна! А пытки, казни, репрессии! (*Выходит вместе с Лизой.*)

ВАРВАРА. Теперь нет пыток, казней, репрессий, но сколько страданий... Нет, на это государство я не буду работать!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вавочка! А ты не работай на государство, ты работай на себя! На семью!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Каждый человек должен вносить свой вклад...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вы покушали? Передайте мне, пожалуйста, грязные тарелки.

Мария Яковлевна собирает грязные тарелки, складывает их в раковину, открывает кран. Раздается громкое урчание. Воды нет. Мария Яковлевна энергично крутит кран. Воды нет. Мария Яковлевна свинчивает кран — он остается у нее в руке. Из трубы раздается урчание.

ВАРВАРА. Наши предки работали не покладая рук — и что мы получили?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Воды нет. Совершенно нет воды. Лелечка, позвони в контору, узнай, что случилось? Когда дадут воду?

Елена набирает номер.

ЕЛЕНА. Контора? Да, от Лепехиных звонят. Что там с водой? Ничего себе! Вы не шутите? Так что же делать? Какой колодец? Где заказывать? Вы смеетесь? (*Вешает трубку.*) Гвоздец!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА, МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА, ВАРВАРА (*хором*). Елена!

ЕЛЕНА. Именно! Именно то, что я сказала! Воду у нас отрезали!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА, НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА.
За что?

ЕЛЕНА. Да ни за что! Просто так! И не у нас лично, а у всего поселка! Какая-то красная черта! Никто ничего толком не говорит! Какой-то «Ростинвест» купил чуть ли не все дачи в поселке. И воду больше не подают.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А как я буду мыть посуду?

ЕЛЕНА. Воду нужно теперь брать из старого колодца у въезда в поселок.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Кто же ее будет носить?

ЕЛЕНА. У Константина рука! А питьевую можно заказывать в ближайшем супермаркете... Большие бутылки «Мишкин лес».

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Какой «Мишкин лес»? Какой супермаркет? Это катастрофа!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Вавочка, поставь, пожалуйста, чайник.

Варвара берет чайник, суется к раковине,
останавливается.

ВАРВАРА. Так воды же нет.

ЕЛЕНА. Вон бочка с водой у крыльца.

ВАРВАРА. Да там вода с прошлого года, из водосточной трубы текла... Она же протухла.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Так все равно кипятить. А другой нет.

Неожиданно вспыхивает яркий свет.

ЕЛЕНА. Чего это с ним?

156 КОНСТАНТИН. Обращай внимание на промежуток между двумя дыханиями...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Я всегда говорю, что пишущая машинка имеет неоспоримые преимущества перед компьютером. По крайней мере, не зависишь от электричества.

ЕЛЕНА. Какая разница? А так зависишь от керосиновой лампы! А керосин — где его сейчас купишь? Тогда уж лучше гусиным пером!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Нет, пить эту воду, конечно, нельзя, но посуду помыть вполне можно! Раньше дом все время трясло, а теперь откуда-то взялся запах, как будто горит резина. Или мне кажется?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. У вас фантазии, Мария Яковлевна.

ВАРВАРА. Пахнет горелой резиной.

ЕЛЕНА (*прыскает духами на руки, принимает*).

Нет, не пахнет!

ВАРВАРА. Зачем мне электроодеяло, если нет электричества?

ЕЛЕНА. А ты его в монастырь отнеси. В подарок.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ладно. В конце концов, это всего лишь новые обстоятельства. Я пошла работать.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Пахнет горелой резиной...

Раздается небольшой взрыв. Вспышка. Свет гаснет.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Это водонагреватель!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Пожар!

КОНСТАНТИН. Я говорю... Пере... пере... перезапись... и наложение... в третьей доле...

ЕЛЕНА. Костя! Костя! Сделай что-нибудь! (*Приса-*

живается рядом с ним на полу.) Костя без сознания! Помогите! Нужна «Скорая помощь»! Скорей позвоните!

ВАРВАРА. Воды! Воды! Где вода? Леля! Звони в контору! Боже, сколько дыма!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Пожар!

ВАРВАРА. Кошмар!

ЕЛЕНА. Лиза! Где Лиза! Надо «скорую»! Костя умирает!

Интермедия

Вставка в темноте. В потемках и в прибывающем дыму носятся люди. Звучит музыка, построенная на партиях ударных, колокольного набата, трелях телефонных звонков, сирены пожарной машины, фортепианных пассажей Андрея Ивановича, стрекота пишущей машинки, надрывных воплей кошки и фырчанье отбойного молотка. На этом фоне звучат реплики.

— Это катастрофа!

— Это пожар, а не катастрофа!

— Надо работать! Я работаю как ломовая лошадь!

— Где вода?

— Где ведра?

— Работать на это государство я отказываюсь!

— Где соседи, черт их подери!

— Где Лиза?

— Где мои переводы? Спасите рукописи!

— Где кошка?

— «Скорую»! Вызовите «скорую»!

— Пасха! Святая Пасха!

- 158
- Лиза! Воздержись!
 - Где градусник?
 - Где мама?
 - Ермолай купил имение, прекрасней которого нет ничего на свете!
 - Маканя! Где Маканя?
 - В двенадцать часов Москва горела!
 - Нашей страной правят троечники!
 - Дача разваливается! Неужели никто ничего не сделает?
 - Где Ростислав?
 - Он умирает! Врача!
 - Горим! Господь посетил! Горим!
 - Где пожарная команда?
 - Где градусник?
 - Надо работать! Надо тяжело работать! Я не работал ни разу в жизни!
 - Где мои переводы! Спасите рукописи!
 - Пекин. Здесь свирепствует атипичная пневмония! Всем прививки от бешенства!
 - Где лестница?
 - Живем в таком климате, того и гляди снег пойдет!
 - Погорельцы пришли! Надо собрать им вещи!
 - Прививки от бешенства!
 - Читайте князя Щербатова!
 - Читайте Чаадаева!
 - Чехова, Чехова читайте!
 - Идеалы добра и общественного самосознания!
 - Гвоздец!
 - Константин!
 - Где Дюдя? Где Лиза?
 - Пасха! Пасха! Святая Пасха!

- Канализацию прорвало!
- Пожар!
- И куда ты все спешишь, куда спешишь?
- Надо позвать человека! Где Семен!
- Не надо идеализировать прошлое!
- Не надо идеализировать будущее!
- Римского Папу не впускать!
- Каких-нибудь двести-триста лет!
- Пасха! Святая Пасха!
- Вы серо живете, вы много говорите ненужного!
- Это катастрофа! Я не могу работать!

Действие третье

Лето. Фасад дачи. Она слегка погорела, но еще жива. Жизнь протекает на участке. Устроены три очага, на которых стоят медные тазы. Сложена поленница. Целая батарея больших полиэтиленовых бутылей с водой «Мишкин лес». Гамак. Шезлонг. Разложен дачный стол, на столе стоит керосиновая лампа. Вокруг стулья, некоторые перевернуты. Рукомойник прибит к дереву. С другой стороны к дереву прислонена лестница. Стоит ударная установка. Видна будка уборной с нарядной новой дверью. Натянута веревка, на которой висит белье. Алюминиевое корыто на табуретке. Маленькая туристическая палатка. На балюстраде мезонина сидит в позе лотоса Лиза с мобильным телефоном. Кроме нее, никого не видно.

ЛИЗА. ...Вот села на корточки, вот так... Подхватила себя под коленки — ту же. Как можно ту же, натужиться надо. Вот так. И полетели... Чувствуешь? Нет? Не летишь? Ну, давай еще разок.

160 Руки кладешь мне под коленки... Покрепче...
Теперь немножко вверх... Ой... как мне хорошо!
Сейчас! Сейчас полетим! Ну, летишь? (*Сто-
нет.*) Ой! Ой! Ой! Тебе хорошо? Все! Класс! Се-
анс окончен.

Лиза выключает мобильный телефон. Раздается стрекот
пишущей машинки. Скрип раскладушки. Кошка начина-
ет призывно орать. Из двери дома выходит Варвара.
Идет к рукомойнику, чистит зубы. Потом идет в уборную.
Из палатки вылезает Константин, правая рука его в
белой перчатке, он направляется к уборной. Там занято.
Он подходит к рукомойнику, подбрасывает сосок руко-
мойника. Звон. Отходит за дерево, справляет малую нужду.
Из уборной выходит Варвара, замечает Константина.

ВАРВАРА. Когда-то здесь жила интеллигентная се-
мья.

КОНСТАНТИН (*застегивает штаны*). Да ну? Это
когда же?

ЛИЗА (*сверху*). Это было до исторического матери-
ализма.

ВАРВАРА. Хамов в нашей семье никогда не было.

ЛИЗА. Оставь его. Он после заражения крови.

Константин встает в позу дерева.

ВАРВАРА (*Лизе*). Чего ты так рано встала?

ЛИЗА. Сегодня вишню закупать поеду.

ВАРВАРА. Лучше бы завтра. Сегодня праздник
большой, Преображение Господне. Грех рабо-
тать...

ЛИЗА. А-а, шестое августа по-старому, Преображе-
ние Господне...

ВАРВАРА. Откуда ты знаешь?

ЛИЗА. В школе проходила.

ВАРВАРА. Хочешь, пойдем вместе на службу. Сегодня такая чудесная служба. Освящение плодов земных. В церковь приносят первины... первые яблоки... Лиз, а у нас две яблони были. Может, найдем там хоть несколько яблочек? Я бы тоже освятила...

ЛИЗА. Нет, Варь. Их недели две тому назад спилили.

ВАРВАРА. Как?

ЛИЗА. Они прошлым летом посохли. Или померзли. Их уже порубили и варенье на них сварили.

Раздается стрекот пишушей машинки.

Варвара повязывает головной платок.

ЛИЗА. Мамочка там уже к станку встала.

ВАРВАРА. Работает с утра до ночи, и все впустую.

ЛИЗА. Думаешь, Алка ей не заплатит?

ВАРВАРА. Почему же не заплатит? Заплатит. Гроши паршивые. Ты знаешь, сколько она ей платит? Сто долларов за лист.

ЛИЗА. Чего же плохого? Сто долларов — деньги.

ВАРВАРА. За авторский лист! Двадцать четыре страницы в авторском листе!

ЛИЗА. Тогда гроши.

ВАРВАРА. Ну да!

ЛИЗА. Так это же грабеж!

ВАРВАРА. Я про то и говорю... Правда, перевод кошмарный!

ЛИЗА. Но кошмарный-то перевод вообще ничего не стоит.

ВАРВАРА. А работа?

162 ЛИЗА. Плохая работа ничего не стоит! Тогда это грабеж! Карл у Клары украл кораллы!

Благовест.

ВАРВАРА. Да о чем мы говорим... Пошла бы лучше со мной на службу... Так хорошо. Очищает душу. Между прочим, фамилия Аллиной бабушки... я недавно узнала... сказать? Гольдфиш!

ЛИЗА. Ну и что?

ВАРВАРА. Гольдфиш!

ЛИЗА. Неужели Гольдфиш? Какой ужас! Мы в родстве с Буонапартом, с Тургеневым, с Александром Македонским! Так испортить породу!

ВАРВАРА. Ты глупа, Лиза.

ЛИЗА. Правда? А я думаю, что в нашей семье я самая умная... А ты, мне кажется, с ума сошла!

Варвара обиженно уходит. Пишущая машинка смолкает.
К уборной направляется Наталья Ивановна.

ЛИЗА (*сверху*). Мамочка! Доброе утро!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ты сегодня ранняя пташка.

ЛИЗА. Дашь почитать свой перевод?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. С удовольствием! Такой неожиданный интерес! По-русски не читала Аллиных книг, хоть по-английски прочтешь. Совсем не плохо. Я бы сказала — очень хороший средний уровень.

ЛИЗА. Нет, мам, это говно меня не интересует. Ты же знаешь, я читаю совсем другое говно — американское. Просто Вава сказала, что перевод кошмарный. Вот я и хочу посмотреть, что там

кошмарное — твой перевод или характер моей сестры...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. То есть как — кошмарный? Я двадцать лет проработала доцентом на кафедре!

ЛИЗА. Мам! Ну, просто никому слова не скажи — сразу обиды, обиды!

Наталья Ивановна идет в уборную, бормоча и качая головой на ходу. Из дому выходит Мария Яковлевна с толстой книгой в руках. Надевает очки, усаживается за стол, листает книгу.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Номер две тысячи восемьсот двадцать второй. Варенье крыжовенное царское!

Наталья Ивановна выходит из уборной,
обращается к Марии Яковлевне.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Доброе утро, Мария Яковлевна! Как вы спали?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ужасно. Ужасно трясло всю ночь. Вы не чувствовали?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Чувствовала. Трясло. Какая-то вибрация.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Я уверена, там какой-то подземный завод. Вава говорит, что производят ракеты для урана.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Для Ирана, может быть?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ну, я и говорю, из урана. Как при советской власти военно-промышленный комплекс лучший на весь мир создали, так до сих пор всем помогаем... Всегда всем помо-

164 гаем... Вот послушайте, какой чудесный рецепт!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Дети так огорчают меня...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Это само собой... Послушайте! Это было любимое варенье Николая Второго, оно так и называется — царское! Снять зеленые ягоды самые крупные после полудня, когда роса обсохнет, перебрать, вымыть ключевой водой, положить на пропускную бумагу, дать обсохнуть. Потом из каждой ягоды вынуть косточки...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Из крыжовника?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ну да, конечно, из крыжовника... и поместить их в сироп, сваренный заранее и охлажденный до 25 градусов по Реомюру... Это по-нашему сколько будет?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Это так горько, когда дети обижают... Всю жизнь я для них... я дала им прекрасное образование...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Отдельно сварить в сиропе листья крыжовника и листья вишни из расчета по одному листу на десять ягод. Туда же положить полпалочки ванили. Срезать самым острым ножом корку с двух мессинских лимонов и изготовить из них цедру. Сок лимонов слить в стеклянную баночку темного стекла и хранить на холоду.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Прекрасное университетское образование... Английский, французский, немецкий... Только Ростислав мясомолочный... А Леля даже выучила итальянский... музыке всех учили... рисованию...

Мария Яковлевна откладывает книгу и разводит огонь под тремя медными тазами.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Это все было лишнее... 165

Знаете, Наталья Ивановна, на живом огне вся еда получается гораздо вкусней. Такой легкий запах дыма, очень приятный. А это крыжовенное вообще будет непревзойденное! Уже по рецепту вижу — непревзойденное варенье!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Варвара зла, Елена равнодушна, Лиза эгоистична, Ростислав поглощен собой... Они прекрасные дети, они меня любят...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. И самое интересное в чем: варить следует в три приема, доводя до кипения, но препятствуя образованию пенки... Охлаждать каждый раз на льду и сохранять до следующего дня на леднике... сверху проложить пергаментом... Варенье крыжовенное на меду, другим манером...

Из дому выходит Лиза, крутит на пальце ключи.

ЛИЗА. Владимирки десять килограммов?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Именно владимирку, а шубинку не покупай. Написано... Надо у Лели спросить, что там с банками. Поставь, пожалуйста, самовар, Лизик.

ЛИЗА (*кричит*). Я на рынок еду! Леля! Банки приготовила? Леля!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Она спит.

ЛИЗА (*кричит очень громко*). Лель!

Елена вылезает из палатки.

ЕЛЕНА. Что ты орешь? Я в доме не сплю. Там воняет. Какие еще банки?

166 МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Баночки для вишневого варенья. Мы сегодня варим. Я сироп уже практически приготовила. Лизик, поставь, пожалуйста, самовар!

ЛИЗА. Константина попроси.

ЕЛЕНА. У Константина рука. А я рисую этикетки.

А банки Варя обещала простерилизовать.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Какая странная идея! Выше моего понимания... Бабушка Аня варила варенье. Но тогда была своя вишня. И была прислуга. В этих самых тазах. Да-да... В этих самых медных тазах. Снимали пенки... Какие были пенки! И прилетали осы. Весь сад гудел от ос... Теперь почему-то ос не стало.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Почему же странная? Это хорошая идея. Леля все посчитала. Если каждую баночку продавать по десять долларов...

ЛИЗА. Маканя! Так мне ехать или нет? Если банки не готовы, я не поеду... А то как в прошлый раз, куплю — и все пропадет...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Леля! Так банки готовы?

ЕЛЕНА. Посмотри в доме, в чулане...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Меня однажды осы покусили. Или это были пчелы?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Двести граммов — десять долларов. Килограмм — пятьдесят. Десять килограммов — пятьсот. А на трех тазах я могу варить девять килограммов в день. Даже десять. Есть смысл.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. И сколько же вы уже сварили?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Тридцать восемь килограммов. Одна тысяча девятьсот долларов.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Какая же ничтожная у нас

плата за интеллектуальный труд... Я сижу за машинкой с утра до ночи. Тружусь как ломовая лошадь... Тридцать восемь килограммов варенья... ЛИЗА. Так посмотри сама. Я не знаю, где банки. Мое дело — транспорт. На мне ягоды и сахар.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. С сахаром осторожнее, Лизик...

ЕЛЕНА. А я рисую этикетки! Акварельные этикетки! Ручная работа! Хэндмейд!

Елена идет в дом, гремит там банками.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Странно все-таки... Варить варенье на продажу... Впрочем, всякий труд почетен. Бабушкина сестра Александрин после революции пекла пирожки и продавала их на Сенном рынке. А ее бабушка, в свою очередь, была фрейлиной Ее Императорского Величества...

Наталья Ивановна уходит в дом, откуда немедленно доносится стук машинки. Елена выходит из дома и выносит поднос с маленькими пустыми банками.

ЕЛЕНА. Вот. Это все, что есть. Их надо простерилизовать. По крайней мере помыть. Лиза, банки тоже надо купить.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Этого мало. На десять килограммов варенья необходимо пятьдесят двухсотграммовых баночек.

ЕЛЕНА. Здесь одиннадцать. Значит, надо прикупить.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Чудесный рецепт я нашла — царское варенье из крыжовника. (Лис-

168 *тает книгу, снова читает.)* Вот. Снять зеленые ягоды самые крупные, после полудня, когда роса обсохнет... Не какой-нибудь там конфитюр, или английский джем, или французский мармелад... Настоящее русское варенье!

ЛИЗА. Я банки покупать не буду. Пусть Константин хоть что-то сделает. Сходит на станцию и купит.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Поставь самовар, деточка.

ЕЛЕНА. Причем тут Костя? У него рука! Человек шесть недель пролежал в больнице, чуть не загнулся от заражения крови, и я пошлю его банки таскать?

ЛИЗА. Ну да, я могу мешки с сахаром таскать, и ящики с вишней, а Константин не может!

КОНСТАНТИН *(из палатки)*. У меня рука!

ЕЛЕНА. Я рисую этикетки! Мои этикетки стоят дороже варенья!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А у Лизочки диабет и порок сердца!

По дорожке к дому идет Семен.

СЕМЕН. Здравствуйте! Рано встаете... Раньше-то до полудня все спали...

ЕЛЕНА. Привет!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Доброе утро, Семен. Лизик, поставь самовар!

ЛИЗА. Я же на рынок собиралась...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. У тебя лучше всех получается. Поставь, детка...

ЛИЗА. Вот беда какая — все у меня лучше всех получается... *(Возится с самоваром.)*

СЕМЕН. Андрей Иваныч не приезжал?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Звонил. Сегодня приедет. 169

А когда вы начнете ремонт, Семен?

СЕМЕН. Марь Яковлевна! Да я хоть щас! Как щас — так сразу. Бригада есть. Аванс даете — и вперед!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вы бы сделали ремонт, мы бы сразу сдали квартиру, и пошли бы деньги... Расплатились бы потом... Свои люди — сочтемся...

ЕЛЕНА. Маканя, не лезь! С Семеном уже договорено.

СЕМЕН. Оно да... А когда же Андрей Иваныч-то?

Самовар пыхтит, над ним колдует Лиза.

Раздается мяуканье.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Надо кошку покормить.

Лизик! Там сосиски испортились, отдай Мурке.

СЕМЕН. Чтой-то у вас все сосиски портятся. Как ни приду, все сосиски испортились.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Семен! Так у нас один только телефон еще работает. А холодильник-то не работает — электричества нет.

СЕМЕН. Воздушку бы надо от конторы перекинуть. Но смысла нет. Дома-то все пустые... Нет, считай, никого. Все дачи продали, съехали.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Да куда съехали-то?

СЕМЕН. Как куда? За границу! Кто в Америку, кто в Израиль! А Исламбековы в Турцию! У них за границей все давно в полной комплектции. Вы одни остались... Чего вы здесь сидите?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Не будем об этом!

ЛИЗА. Все съехали, а мы не съедем. У нас тут гнездо. Родовое.

ЕЛЕНА. Готов чай?

170 ЛИЗА. Готов. Чашки ставь.

Елена выносит из дома чашки, два батона хлеба
и баночку варенья.

ЕЛЕНА. Ну, тащи самовар и маму зови. Садись, Се-
мен, попьешь чаю с нами.

СЕМЕН. Чай не водка, много не выпьешь.

ЕЛЕНА (*кричит*). Мама! Чай подан! Костя! Чай!

Лиза приносит самовар и ставит на стол. Идет в дом, вы-
носит несколько сосисок. Лезет по приставной лестнице
на дерево. Вешает сосиски на ветку. Константин выходит
из позы дерева, идет к столу.

ЛИЗА. Кис-кис-кис!

СЕМЕН. Чего это она, там так и живет?

ЕЛЕНА. Не слезает четвертый месяц. На самом
верху сидит. У нее там гнездо.

КОНСТАНТИН. Сумасшедшая. Сумасшедшая
кошка.

ЛИЗА. Не хуже тебя.

КОНСТАНТИН. Сосалка виртуальная.

ЛИЗА. Козел натуральный.

ЕЛЕНА. Мама! Чай!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Наталья Ивановна пьет ко-
фе.

ЕЛЕНА. Вчера кончился.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Была баночка растворимо-
го кофе.

Из дому выходит Наталья Ивановна.

ЕЛЕНА. Я говорю, вчера кончился.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Я же просила оставить кофе для Натальи Ивановны.

ЕЛЕНА. Чай.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ничего, ничего. Я могу чай...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Леля, зачем ты взяла варенье? Оно на продажу!

ЕЛЕНА. Там сто девяносто банок осталось.

ЛИЗА. Сто семьдесят одна, я посчитала.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Как сто семьдесят одна? Было сто девяносто! Кто взял варенье?

ЕЛЕНА. Там было несколько банок переваренного. Я брала переваренное.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Я убедительно прошу — оставьте варенье в покое.

Константин отламывает кусок батона, мажет вареньем,
ест.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Эдак мы ничего не зарабатываем!

ЕЛЕНА. Не беспокойся, Маканя! Я уже договори- лась. Одна моя французская подруга будет по- ставлять наше варенье в шикарный парижский магазин...

Лиза отламывает кусок батона, мажет вареньем.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Лиза! Сахар! Воздержись!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. А что, мы теперь ножами не пользуемся?

ЕЛЕНА. Нет, почему? Вот нож.

Семен отламывает хлеб, мажет вареньем.

172 СЕМЕН. Хорошее варенье. Сладкое.

ЕЛЕНА. Десять долларов.

СЕМЕН. Чего?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Сегодня я закончила шестой том.

СЕМЕН. Десять долларов — чего? Ведро?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Двести граммов.

СЕМЕН. Чаю не надо. На что оно, вода...

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Девочки! Там у забора два куста крыжовника. Надо его обобрать. После полудня. Когда роса обсохнет...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Это папин крыжовник. Сорт «Заря коммунизма». Папа за него Сталинскую премию получил.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Очень хороший крыжовник. Кисленький и некрупный. Как раз такой, что нужен для царского варенья... Надо попробовать... Рецепт замечательный. Молоховец. Все так понятно описано. Только что означает 25 градусов по Реомюру? Сколько это по-нашему будет?

ЛИЗА. В долларах? Десять!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Да ну тебя, Лиза! Я серьезно спрашиваю. Никто не знает?

ЕЛЕНА. Нет. У всех гуманитарное образование. Константина попроси, он в Интернете посмотрит.

КОНСТАНТИН. Компьютер не работает. Батареи сели.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Как же я узнаю?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Сегодня я закончила шестой том...

ЛИЗА. Ест сосиски. Смотри, спустилась на нижнюю ветку и ест.

КОНСТАНТИН. А если их на землю положить?
ЛИЗА. Я уже пробовала. Она на землю — ни ногой.

Принципиально. Пока дерево не срубят.

КОНСТАНТИН. Попадись она мне...

ЛИЗА. Да, уж ей бы не поздоровилось... Верное заражение крови от тебя подхватила бы. Семен, срубь это дерево, а?

СЕМЕН. Это можно.

Раздается благовест.

СЕМЕН. Чего это они звонят?

ЛИЗА. Преображение.

СЕМЕН. Второй Спас.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Почему второй?

СЕМЕН. Стало быть, еще первый есть. А этот второй. Этот Спас на яблоки. А первый на мед, что ли... Матушка моя покойная знала. Или на мед третий, а первый еще на что... не знаю.

ЛИЗА. Первый — на ананасы. Ананасовый Спас.

По дорожке к дому идет Андрей Иванович — в белом старомодном костюме, в соломенной шляпе он особенно похож на Марчелло Мастрояни. В руке — портфель.

ЛИЗА. Вау! Дюдя! *(Кидается ему на шею.)* Наконец-то! Ты нас совсем бросил!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Не бросил! Не бросил! У меня интересные новости! Очень интересные новости!

ЛИЗА. С Жизелькой разводишься?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Нет, не угадала. Здравствуйте, дорогие мои! У вас кипит работа! Ну и как ваше варенье?

- 174 СЕМЕН. О, пожаловал! Уж я жду, жду!
АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. И еще пятнадцать минут подождешь. Жара такая! Как вы тут? Как ваше начинание? Наток! (*Целует сестру.*) Как твои дела?
НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Я сегодня шестой том закончила...
АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Изумительно выглядишь, Наток. И ты, Леля, изумительно выглядишь! Но пополнела! Держи фигуру!
ЛИЗА. А как твоя Жизелька?
АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Прекрасно!
ЛИЗА. Не пополнела?
АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Зависть — это так неблагородно, Лизик.
МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Андрей Иванович! У нас дрова кончаются. Надо бы несколько деревьев спилить. Как вы?
АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Обязательно, обязательно!

По дорожке к дому идет Варвара с букетом цветов и с сумкой.

- ВАРВАРА. С праздником!
АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. С праздником, племянница! Подумать только! Недавно Пасха была, а уже Преображение! Изумительно выглядишь!

Варвара кладет букет на стол и вынимает из сумки яблоки.

- ВАРВАРА. В храме бабы яблок надарили. Освященные яблочки... У нас — ни яблочка на участке. А у них почему-то растут...

Лиза берет яблоко, надкусывает, потом осматривает его, сколупывает этикетку.

ЛИЗА. У них растут, и прямо с этикетками. «Голден».

ВАРВАРА. Перестань! *(Разглядывает яблоки.)* Неужели и они в магазине покупают? Простые русские бабы... Поразительно! Просто поразительно!

Константин подходит к ударной установке, садится, резко бьет в тарелки. Начинает соло на барабанах, делает паузу.

КОНСТАНТИН. Есть своя прелесть в живой музыке! Да черт с ним, с компьютером!

Продолжает бить. Все оживленно разговаривают — голоса тонут в грохоте ударных. Наконец Константин откладывает щетки.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. ...И теперь мы получили место главного хореографа! В Барселоне!

ЛИЗА. Гауди!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. А ты откуда знаешь про Гауди?

ЛИЗА. А я вообще много лишнего знаю.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Дюдя! И ты с ней поедешь?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ну конечно, она же без языка. Я буду при ней переводчиком.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Так вы умеете по-испански?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. В нашей семье все знают много лишнего. Я, к примеру, всю жизнь зани-

мался весьма экзотическим разделом математики. Во всех отношениях лишнее. Но! Никогда ничего заранее не знаешь: как раз лишнее может вдруг оказаться необходимым! А испанский я знаю. Да.

ВАРВАРА (*разглядывает яблоки*). На каждом яблоке — наклейка! «Голден»! И это в России! Где наша антоновка? Где наш «белый налив»? Где наша грушевка? Вместо всего этого — какой-то... Голденфиш!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Дюдя, но ведь ей шестьдесят шесть лет!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да! Но ее рекомендовала Эсфирь, которой девяносто два! А Эсфирь до сих пор ведет балетные классы то в Париже, то в Токио! Она лучший репетитор в мире!

ЛИЗА. Кто? Жизелька?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Нет, Эсфирь, учительница Анны Павловны. Анна Павловна — ее любимая ученица.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Так ты уезжаешь надолго?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Трудно сказать. Условия, которые они предлагают, исключительно выгодные...

ЕЛЕНА. Дюдя нашел работу! Никто не может найти работу, а он нашел! Кто бы мог подумать!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А как же мы? Андрей Иванович уезжает, а как же мы?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Так никто вас не гонит... Живите, пока здесь все не развалилось... Я не против.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. О Боже! Сироп горит! (*Кидается к очагу.*)

СЕМЕН. Так, Андрей Иванович! Пошли, что ли... Нас
который день ждут...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Да-да... Семен. Идем...
Сейчас идем! *(Пьет чай.)* Хороший чай!

ЛИЗА. Кто заваривал? Так мне на рынок ехать или
не ехать?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Конечно, Лизик! Конечно,
ехать! И купить десять килограммов владимирки!

ВАРВАРА. Она купит вам десять килограммов Гол-
денфиш! Все, все пропало... *(Уходит.)*

ЛИЗА. Деньги-то выдайте!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А у тебя совсем нет, Лизик?
Я думала, у тебя есть.

ЛИЗА. Только на бензин.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Лелечка, выдай, пожалуй-
ста, Лизику на вишню...

ЕЛЕНА. У меня нет. Я все потратила. Знаешь, сколь-
ко теперь стоит голландская акварель?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. ...выше моего понима-
ния...

Уходит в дом. Стучит пишущая машинка.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Может, немного одолжи-
те...

ЕЛЕНА. Семен! Одолжи сорок долларов, а?

Константин садится к ударной установке
и тихонько гремит щетками.

СЕМЕН. О чем разговор? Пожалуйста...

Вынимает из кармана деньги, протягивает Елене,
та кивает на Лизу.

178 ЕЛЕНА. Лизе дай.
ЛИЗА (*берет деньги*). Ну пока.

Уходит. Слышно, как отъезжает машина.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вы, Семен, просто наш спаситель. Если бы вы в московской квартире канализацию починили...

СЕМЕН. Да что вы, Марь Яковлевна! Там евроремонт нужен.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Ну, пошли, Семен! Я готов.

ЕЛЕНА. Ты куда, Дюдя? Только приехал, и сразу уходишь?

СЕМЕН. На пруд.

ЕЛЕНА. Так пруд на той неделе спустили!

СЕМЕН. Тем более...

Семен и Андрей Иванович уходят. Мария Яковлевна мешает содержимое тазов, подкладывает щепки.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Дрова кончаются. Надо позвать человека... срубить дерево.

Елена раскладывает на столе краски.

ЕЛЕНА. Костя! Ты только посмотри, как здорово получается! Сверху красными латинскими буквами — «русское варенье», а сбоку и внизу — ягоды, ягоды...

КОНСТАНТИН. Да, здорово!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Роса уже обсохла, пойду-ка я соберу с тех двух кустов...

Выходит Варвара с чашкой, наливает из самовара воды.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вавочка! В маленьком тазике варенье сваренное, уже охлажденное. Ты разлей его по баночкам и укупорь.

ВАРВАРА. Я сделаю, Маканя. Выпью чаю и сделаю... Устала... Служба длинная...

Приносит таз с одного из очагов, берет ложку, начинает разливать варенье по банкам.

Пробует, облизывает ложку.

ЕЛЕНА. Ложку не облизывай. Забродит.

ВАРВАРА. Не забродит.

ЕЛЕНА. Обязательно забродит.

ВАРВАРА. Рисуешь — и рисуй! Ой! *(Звонко и сильно кричит)* А-а-а!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА *(прибегает на крик)*. Что случилось?

ВАРВАРА. Мышь!

ЕЛЕНА. А-а-а! Где мышь?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Где мышь?

ВАРВАРА. В варенье! Мышь в варенье утонула! В вареньедохлая мышь!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Не может быть! *(Заглядывает в таз.)* Действительно, мышь! *(Вытаскивает мышь ложкой.)* Странно! Как она туда попала?

ЕЛЕНА. Гадость какая! Выброси немедленно!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Конечно, выброшу. Зачем нам вареная мышь?

ЕЛЕНА. Варенье выброси.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Три килограмма? Три килограмма варенья выбросить? Сто пятьдесят долларов? Ты с ума сошла!

ВАРВАРА. О Боже! Дохлая мышь!

- 180 МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вава! Ничего страшного. Ну, мышь! Потом, обрати внимание — это не домашняя мышь. Это мышь полевая. Они чистенькие...
- ВАРВАРА. О Боже! Почему? Почему мы так живем? Мыши, крысы, тараканы! Довели страну! До чего довели страну!
- ЕЛЕНА. Меня тошнит. Меня сейчас вырвет...
- МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (*выбрасывает мышь*). Ну, все. Все. Больше нет мыши. Забыли. А варенье я могу вскипятить еще разок.
- КОНСТАНТИН. Лель! А ты нарисуй этикетки с мышью. Вишни и мыши.
- ЕЛЕНА. Выбросить надо это варенье.
- ВАРВАРА. Или по крайней мере освятить. Я знаю такой случай, в литературе описан... Надо пригласить батюшку, он освятит.
- ЕЛЕНА. И ты после этого будешь его есть?
- МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Кто это будет есть? Никто не будет есть! Это варенье на продажу! Нам надо собрать деньги на ремонт квартиры! Это варенье — наша валюта! Варвара — разливай!
- ВАРВАРА. Хорошо! Я разолью! Но потом я приглашу священника, чтобы он освятит... Нельзя после мыши... есть.
- КОНСТАНТИН. Ты после мыши не можешь, а мышь после тебя — может! Христианство называется!
- ВАРВАРА. Что ты несешь, Константин?
- КОНСТАНТИН. Ничего. Хари Кришна! Оум!
- ВАРВАРА. Тьфу! (*Уходит.*)
- ЕЛЕНА (*задумчиво*). А может очень миленько получится... Вот здесь, в левом углу такую маленькую мышку нарисовать?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Такая нервная...

181

Мария Яковлевна раскладывает варенье по банкам.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ну все. Баночки закончились. А варенье еще осталось. Теперь закрутить. А простерилизовать и потом можно! Одиннадцать баночек. Два килограмма двести граммов. Сто десять долларов. Осталось только продать.

ЕЛЕНА. А может, вишенки вообще не рисовать? Одних мышек? А?

КОНСТАНТИН. Ага. И продавать будешь кошкам. Скучно с вами, бабы... Пойти, что ли, поработать...

Константин садится за ударную установку.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ужасно трясет! Сегодня особенно сильно трясет! Вы слышите? Вы чувствуете, как трясет? Я уверена, там у них военно-промышленный комплекс! В каком-то смысле я даже приветствую, что он продолжает работать...

Раздается отдаленный рев бульдозеров, из дому выходит
Наталья Ивановна.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Что происходит? Что здесь происходит?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Ничего страшного. Мышка в варенье попала.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. А-а... бедняжка...

В доме звонит телефон. Наталья Ивановна идет в дом, разговаривает, потом выходит.

182 НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Ростик звонил. Странный такой звонок. Сказал, чтобы мы срочно вещи собирали. Он сейчас приедет. Не поняла, какие вещи? Зачем?

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Вот и я говорю, ничего страшного. Маленькая мышка. Полевка. Чистенькая. Простерилизовать можно, в крайнем случае. Или освятить...

Подъезжает машина. Входит Ростислав в белом.
Целует мать.

РОСТИСЛАВ. Ну все, дорогие мои! Переезжаем!
НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА, МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА,
ЕЛЕНА, КОНСТАНТИН (*одновременно*). Как?
Куда? Зачем? Когда? Почему? С чего это?

РОСТИСЛАВ. Переезжаем немедленно. За воротами стоят два грузовика с рабочими. Этой дачи больше нет. Все. Ее нет. Есть другая. Новая. Очень хорошая. На Новорижском шоссе.

Варвара выходит из дома.

ВАРВАРА. Никогда! Никуда! Я! Отсюда! Не уеду!

Рев бульдозеров громче, Елена обнимает Варвару
за плечи.

ЕЛЕНА. Да, я как-то не готова... наш дом, все-таки...

РОСТИСЛАВ. Через час вас здесь уже не будет. А через два часа не будет ни одного дома во всем поселке.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А как же мебель... имущество... Ростик?

РОСТИСЛАВ. Все, что вы хотите забрать в новый дом, рабочие погрузят.

ВАРВАРА. Никогда! Никуда! Я! Отсюда! Не уеду!

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Но почему так внезапно? Мы совершенно к этому не готовы...

От ворот к дому идут Семен и Андрей Иванович с портфелем.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Что случилось? Что происходит?

РОСТИСЛАВ. Мы переезжаем, дядя.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. То есть как?

РОСТИСЛАВ. На новую дачу. Я купил вам новый дом. В два раза больше...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Но это дом нашего отца, деда...

РОСТИСЛАВ. Дядя, сейчас времени нет. Я тебе потом все объясню. Сейчас надо быстро собирать вещи. Два грузовика и рабочие...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Но этот дом... он уже не наш...

РОСТИСЛАВ. Ваш, наш — сейчас уже значения не имеет.

СЕМЕН. Как это — не имеет? Дом-то мой!

ВСЕ (*хором*). Как?

СЕМЕН. А мне Андрей Иваныч его подарил.

ВСЕ (*хором*). Как?

СЕМЕН. А вот дарственная. Мой дом.

Ростислав берет из рук Семена бумагу, читает, потом отдает обратно.

184 РОСТИСЛАВ (*Семену*). Сколько?

СЕМЕН. Да так, дарственная... я тут починял... здесь все, почитай, моими руками...

РОСТИСЛАВ (*Андрею Ивановичу*). Сколько?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Понимаешь, Ростик, мы с Анной Павловной переезжаем в Барселону... Я собственно... мы там должны квартиру купить.

РОСТИСЛАВ. Сколько?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Пятьсот тысяч.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Дюдя...

ЕЛЕНА, ВАРВАРА. Дядя!

РОСТИСЛАВ. Таких легкомысленных неделовых странных людей я еще не встречал...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Как ты мог, Дюдя?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Наток, понимаешь, изменились обстоятельства... безвыходное положение... В Барселоне цены на недвижимость растут...

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Как ты мог?

РОСТИСЛАВ (*Семену*). Завтра утром зайдешь в офис «Ростинвест» и оформишь там куплю-продажу.

СЕМЕН. Как это? Да здесь земля одна стоит... Дача-то чего стоит... Ничего... А здесь сотка одна стоит... Я что же, лох какой-нибудь... Да здесь одна сотка стоит... знаешь... две штуки, не меньше... (*Все молчат, Семен продолжает бубнить.*) А здесь участок гектар! Да... сотка две штуки, самое маленькое...

РОСТИСЛАВ. Ну, еще что скажешь?

СЕМЕН. Гектар, да? А дом самый — ничего не стоит. Но гектар-то?

РОСТИСЛАВ. Знаю. Все знаю. Завтра придешь в офис и получишь миллион.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. То есть как? Миллион?
РОСТИСЛАВ. Да. Миллион. Ты дарственную дал?
Нотариально оформил? Все! Свалял дурака, дядя...

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Русский человек любит прикидываться дурачком... будучи на самом деле полным идиотом...

СЕМЕН. А по какому адресу офис-то?

РОСТИСЛАВ. Найдешь. Пошел вон!

Семен пятясь уходит.

РОСТИСЛАВ. Ну все, дорогие мои. Быстренько собирайте самое ценное, самое дорогое. Киби-ров! Коробки!

Из-за забора вбегают несколько добрых молодцев в черных комбинезонах и вязаных черных масках с прорезями для глаз, в руках коробки. Мария Яковлевна пронзительно кричит.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. А-а! Террористы!

РОСТИСЛАВ. Успокойтесь. Террористов я не заказывал!

КОНСТАНТИН. Омоновцы?

РОСТИСЛАВ. Омоновцев тоже не заказывал! Это свои ребята. Грузчики. Грузят.

Люди в комбинезонах складывают коробки и выбегают.
Звонит мобильный телефон.

РОСТИСЛАВ *(в телефон)*. Нет, пока ждать. Я дам сигнал. *(Наталье Ивановне)* Мамочка, ты бери

186 только самое ценное, что там у тебя, архивы, фотографии, а остальное грузчики запакуют и вынесут. Вава, ну что ты стоишь столбом? Собирайся! Леля! Константин!

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Надо вынести из подвала варенье.

РОСТИСЛАВ. Ну конечно, и варенье.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Определи мне, пожалуйста, рабочего!

РОСТИСЛАВ. Кибиров! Одного грузчика — сюда!

Рысцей вбегает грузчик в комбинезоне,
Мария Яковлевна ведет его с собой.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА. Сюда, голубчик.

С молчаливым достоинством Андрей Иванович
идет наверх.

РОСТИСЛАВ. Кибиров! *(Прибегает Кибиров.)* Мебель складывайте. Что совсем сломанное, оставляйте. *(Рассматривает стул, стоящий кверху ножками у стола.)* Ума не приложу! Красное дерево. Середина девятнадцатого века! Здесь реставрации по две штуки на каждый стул... Ладно, черт с ними! Заберем. Дорого стоят семейные ценности. Дешевле было бы на «Сотбис» покупать... Ничего не поделать — происхождение обязывает... А где Лизка? На рынок поехала? Кибиров! Там в мезонине комнатка — оттуда все до последней нитки собери и упакуй. Там младшая моя сеструшка. Такой скандал устроит, если что не так. Да, Кибиров! Мебель всю забирайте, сломанную тоже... *(Нажимает кнопку на телефоне.)*

Дуся моя! Все идет по плану. Без неожиданностей.

Рабочие в комбинезонах и масках ровной шеренгой бегом вытаскивают из дому ящики и выносят за ворота. Все прочие тыкаются кто с книжкой, кто в портретом, кто с вазой, роняют вещи, налетают друг на друга, шарахаются. Одно ставят на землю, хватаются за другое. Ростислав стоит посреди толчеи, величественный, самодовольный, в белом.

РОСТИСЛАВ. Главное, не волнуйся, мамочка! У тебя в новом доме собственный санузел.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА (*рассматривает на свет баночку с вареньем*). Кажется, забродило! Да, здесь пузырьки. Почему это оно забродило? (*Берет другую баночку.*) И эта забродила. Ничего не понимаю...

РОСТИСЛАВ (*смотрит на часы*). Кибиров! Всё вынесли? Отойдите все от дома. К забору! Мамочка, Леля! К забору, пожалуйста! (*В телефон*) Давай!

Подземная вибрация усиливается, взрыв, грохот. Дом разваливается, как карточный домик. Столб пыли поднимается и медленно оседает.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Что ты наделал, Ростислав?

РОСТИСЛАВ. Дядя! Там под землей, как раз под нашей дачей, сейчас встретились два тоннеля метро. Понимаешь, здесь, на этом месте, будет станция метро. Под нами подземный вестибюль.

ЛИЗА. А-а! Что с нашим домом?

ВАРВАРА. Все пропало!

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. Дома больше нет, Лиза. Я уезжаю. Мне здесь нечего делать.

ЛИЗА. Ты куда, Дюдя?

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ. В Барселону.

ЛИЗА. В какую еще Барселону?

Андрей Иванович с достоинством направляется к воротам. Ростислав поднимает с земли портфель.

РОСТИСЛАВ (*вдогонку Андрею Ивановичу*). Дядя, ты забыл портфель!

Андрей Иванович возвращается, берет портфель.

РОСТИСЛАВ. Наверное, с деньгами? Таких недельных легкомысленных странных людей... я еще не встречал...

Андрей Иванович стоит с портфелем, подле Наталья Ивановна с портретом Чехова в руках, три сестры стоят рядом.

ЛИЗА. Да что происходит, объясните, в конце концов?

ВАРВАРА. Я тебе объясню. Все пропало! Все конечно. Здесь была усадьба, где жили наши предки. Они здесь любили, трудились, они работали... Здесь была дача, на которой тоже жили наши предки. И тоже любили, трудились. Работали...

Сажали... Растили... Здесь было имение, прекрасней которого ничего нет на свете... А теперь здесь — пустыня. И некому больше работать. *(Обнимает Лизу и Елену.)*

РОСТИСЛАВ. Работать! Работать! Поработали уже! Надоело! Хватит! Настало время отдыхать! Это прекраснейшее место на свете! Здесь будут отдыхать, развлекаться, радоваться жизни, пить, есть и веселиться, танцевать, слушать музыку, смотреть фильмы. Здесь будут концерты, аттракционы! Выроем пруд размером с Женевское озеро, а в середине построим искусственный остров! И четыре моста будут перекинуты с берега! И все хрустальные! Дети и родители станут приходить сюда тысячами, сотнями тысяч! Со всей страны! Со всего мира! Китайцы! Миллионами! Японцы! Миллионами! Зулусы! Эскимосы! Все прибегут! И все — с миллионами! Все флаги в гости будут к нам! Хватит работать! Пора отдыхать! Пришло время отдыхать! Здесь будет Диснейленд! Поняли? И вы увидите небо в алмазах! Кибиров!

Из-за забора выбегают грузчики в комбинезонах и в масках-головках — Микки Маус, утенок, собачка, медвежонок, индеец, и даже, может быть, комические головы крупных политических деятелей нашего замечательного времени.

Играет музыка. Колокольный звон.

Пляшут грузчики в комбинезонах, подхватывая членов семейства Лепехиных. Рев бульдозеров приближается, грузчики уволакивают за забор всех Лепехиных и все декорации.

Резко наступает тишина.

Мой внук Вениамин

пьеса в двух действиях

Автор представляет действующих лиц:

ЭСФИРЬ ЛЬВОВНА, под семьдесят, портниха.

«Жестоковыйный народ» — сказано про ее породу. Темперамент полководца, вдохновение, артистизм. Убеждена, что ей дано нечто, в чем отказано всем остальным. Самопожертвованию ее нет границ. Деспотизму — тоже. Автора при столкновении с нею не раз душили порывы с трудом сдерживаемой ярости. И восхищения — тоже. Она — последняя местечковая еврейка.

ЕЛИЗАВЕТА ЯКОВЛЕВНА, под семьдесят.

Двоюродная сестра Эсфири Львовны. Бездетная акушерка. Кто не понимает — объясню: это умирающий от жажды разносчик воды. Жертва ее отвергнута. Когда такой человек обижен и оскорблен, он становится Каином. Когда смирен и тих — Елизаветой Яковлевной.

СОНЕЧКА, восемнадцать.

Огромные светлые глаза овцы. Овца. Овечка. Идет, куда ведут. Послушна и кротка. Между добром и злом едва ли различает. Обижать таких стыдно и скучно. Она — сосуд. Личности в ней почти нет.

ВИТЯ, восемнадцать.

Проходит действительную службу в рядах Советской Армии. Аккуратен, исполнительен. Член комитета ВЛКСМ, выполняет отдельные поручения. Имеет спортивные разряды по лыжам и стрелковому спорту. Проявил себя как хороший товарищ и принципиальный человек. Политически грамотен, морально устойчив.

Действие первое

Картина первая

На кухне у Эсфири Львовны. Она хлопает дверцей холодильника, достает баночки, перекладывает еду, что-то протирает, подставляет Елизавете Яковлевне всё новые и новые угощения.

ЭСФИРЬ. Кушай, Лиза, кушай! Ты кушай, а я буду рассказывать. Я люблю, чтобы было красиво! Ты спросишь, откуда у меня это? Не знаю. Люблю. Чтоб было много тарелок, и салфетки, и все как надо. Кушай, Лиза, кушай. Возьми салат. Я тебе расскажу нечто! Ты удивишься! *(Пауза.)* Я была в Бобруйске!

Елизавета Яковлевна замирает в изумлении,
подняв вилку в воздух.

Да, представь себе, я была в Бобруйске!
ЕЛИЗАВЕТА. Да что ты говоришь, Фира?
ЭСФИРЬ. Да, представь себе! Я была в Бобруйске!

194 ЕЛИЗАВЕТА. Я бы никогда не решилась... нет!

ЭСФИРЬ. Начнем с того, что это совсем другой город. Совсем другой. В нем ничего, ничего не осталось. Другие дома, другие люди. Все совсем другое. Правда, потом я поехала в Гулёвку. А вот там совсем другое дело, там остался костел, и дом дяди Якова. Помнишь, аптека была сбоку пристроена? Это сохранилось. В доме какая-то контора. И река течет, как раньше. Что ей сделается? Только мост новый. Еврейское кладбище разрушено. Помнишь, какие были красивые памятники — ничего не осталось. Эти гады, эти сволочи всё порушили. Над рекой, где была дача Лиховецкого, там теперь дом отдыха. Там я нашла кусок от большого каменного мраморного надгробья. «Год пять тысяч пятьсот сорок третий. Шаул Винавер» — это сохранилось, а от имени только одна буква «шин». Значит, конца восемнадцатого века могила, наших Винаверов предок. На этом надгробье две девочки сидели, кукол переодевали. Ну, думаю, и пусть сидят. Лавочек-то нет.

ЕЛИЗАВЕТА. Только ты на это способна, только ты! Я бы ни за что в Бобруйск не поехала!

ЭСФИРЬ. А тебе зачем? У меня дело было. Да, дело, не смотри на меня так. Кушай, кушай, что ты так просто сидишь? Ну что же ты не спрашиваешь, какое дело?

ЕЛИЗАВЕТА. Я думаю, ты мне сама расскажешь.

ЭСФИРЬ. Так вот, я приехала в Бобруйск. Огромный вокзал, просто огромный, ты себе представить не можешь. И, между прочим, город тоже стал очень большой, раз в десять, наверное, больше, чем до войны. А посреди вокзала — ла-

рек, книжный там, я знаю? Я хочу взять открытки. И кто в ларьке? Лиза, кто в ларьке? Маруся Пузакова! Ты думаешь, я ее узнала? Ничего подобного! Я даю ей рубль, хочу взять открытки, и вдруг она кричит на весь вокзал: «Фира! Фира! Живая!» Тут уж я ее узнала, и мы заплакали, и закрыли ларек, и пошли к ней домой. Ты помнишь Марусю Пузакову?

Елизавета кивает.

У меня был двоюродный брат, Сёма, так этот Сёма...

ЕЛИЗАВЕТА. Фира, что ты мне рассказываешь про Сёму? Мне-то Сёма был родным братом!

ЭСФИРЬ. Ну да, конечно, конечно. Так вот, этот Сёма...

Елизавета начинает тихо плакать, утирая глаза.

...У него с Марусей Пузаковой была любовь...

ЕЛИЗАВЕТА (*тихо*). ...Была такая любовь...

ЭСФИРЬ. И, ты помнишь, дедушка Натан не разрешил Сёме на ней жениться...

ЕЛИЗАВЕТА. Какая Маруся была красивая!

ЭСФИРЬ. Ну, не знаю, не знаю. Сейчас уж, конечно, от нее ничего не осталось. Как ты помнишь, Сёма ушел из дому. Мы с Вениамином как раз приехали в отпуск, а он как раз ушел из дома. И был такой скандал! Дедушка так кричал! А бабушка Роза плакала и посыпала себе голову пеплом! (*Сквозь смех и слезы.*) И на ней была розовая кофта, ты же помнишь, как она одевалась? Она посыпала голову пеплом и аккуратно

196 стряхивала его с воротничка. Ой, какая она была артистка!

ЕЛИЗАВЕТА. Точно как ты!

ЭСФИРЬ. Что я! Был канун субботы, а дедушка Натан всё кричал. Мы пожили там две недели, оставили Илюшеньку и уехали. И больше уже никого никогда не видели. Это было двенадцатое июня.

ЕЛИЗАВЕТА. Да, через десять дней...

ЭСФИРЬ. Будь оно проклято, это двадцать второе июня!

ЕЛИЗАВЕТА. А Сёма погиб на фронте. Расписался с Марусей, и они поехали в Одессу, и оттуда он ушел на фронт. И все погибли, все. И Винаверы, и Брауде, и Ехелевичи. Никого не осталось. Только мы с тобой, Фира. А что мы?

ЭСФИРЬ. Ты забываешь, Лиза! У нас есть Лёва! У меня есть сын Лёва. И это самое главное! Так вот, слушай меня, Лиза! Все погибли. Все наши погибли — но мы-то с тобой остались! И я решила проверить, — а может, погибли не все? Ты же помнишь, наши две улицы всегда женились между собой: Ехелевичи на Литваках, Винаверы на Брауде. И я решила: пусть Лёва женится на девушке из этих фамилий! Да!

Звучит еврейская свадебная музыка.

ЕЛИЗАВЕТА. Фира, ты сошла с ума!

ЭСФИРЬ. Почему я сошла с ума?

ЕЛИЗАВЕТА. Лёва женится на ком захочет. Как это можно ему указывать в таком вопросе? В наше время?

ЭСФИРЬ. А что, уже настало время, когда можно не слушаться родителей?

ЕЛИЗАВЕТА. Ну, тебя не переговоришь!

ЭСФИРЬ. Так вот — мой сын пока что еще меня слушает. И он женится, как я ему скажу.

ЕЛИЗАВЕТА. Ну ладно, ладно. Ты нашла ему невесту?

ЭСФИРЬ (*торжественно*). Да, я нашла ему невесту в городе Бобруйске! Еврейскую девушку из семьи Винаверов! И когда я на берегу увидела это надгробье, я сразу поняла, что это знак! Что в городе есть девушка из семьи Винаверов!

ЕЛИЗАВЕТА. Да что ты говоришь!

ЭСФИРЬ. И какая девушка! Какая девушка! (*Машет руками, как будто мух гоняет, сквозь слезы.*) Лиза, она настоящий ангел. Нет, не ангел. Она Рахиль, вот кто она. Маленькая, светленькая, и такие глаза, как будто сам Бог смотрит, вот что я тебе скажу. Дочь Симы Винавер.

ЕЛИЗАВЕТА. Сима — это кто?

ЭСФИРЬ. Дочь Гирша-портного. Ее спасли.

ЕЛИЗАВЕТА. А, помню Гирша, рыжий, худой, на углу они жили.

ЭСФИРЬ. Симу укрыла соседка, Коноплянникова Клавдия Федоровна. Праведница. Настоящая праведница. Ей воздастся. Не помнишь? Они когда-то были богатыми. Извоз у них был, ну, потом, конечно, уже ничего не было. Ты представляешь, Клавдия Федоровна до сих пор жива. А Сима умерла полгода назад от рака.

ЕЛИЗАВЕТА. Боже мой! Пол-улицы было Винаверов, и чтоб осталась одна Сима!

ЭСФИРЬ. Ты что, оглохла? Я же тебе говорю, Сима тоже умерла. Но сначала она родила дочку! Она родила жену для Лёвы, вот что она сделала! (*Пауза.*) Конечно, она рано умерла, ей было всего

198 пятьдесят лет. Жила одна, с дочкой, без мужа. Музыку преподавала и, видно, туго ей приходилось. Я навела справки и пришла сначала к Коноплянниковой Клавдии Федоровне. Ей лет девяносто, она почти ничего не видит. Дай ей Бог здоровья! Потом пошла к Сонечке. И вот Сонечка сама открывает мне дверь!

ЕЛИ ЗАВЕТА. Ты ее привезла?

ЭСФИРЬ. Нет, Лиза. Ты же знаешь, все Винаверы очень порядочные люди. Сонечка работает воспитательницей в детском садике, и она не может уехать, пока не найдут замену. Я, конечно, ей сказала, чтобы она взяла отпуск, но отпуск она пока брать не может, она там только пять месяцев работает. Но она сказала, что приедет, как только найдется ей замена.

ЕЛИ ЗАВЕТА. И что же, она сразу согласилась выйти за Лёву?

ЭСФИРЬ. Ты что, Лиза, совсем сумасшедшая? Мишугене, ей-Богу! Кто же ей это предлагал? Она приедет, увидит его, и зачем это я буду забегать вперед?

ЕЛИ ЗАВЕТА. А вдруг он ей не понравится?

ЭСФИРЬ. Кто? Лёва? Как это он может не понравиться? Он такой остроумный, и красивый, и кандидат физико-математических наук, и на пианино играет. Ну, что ей еще нужно, я тебя спрашиваю?

ЕЛИ ЗАВЕТА. Вообще, конечно, да. Наш Лёва действительно...

ЭСФИРЬ. А я что говорю? И честно тебе скажу, я уже почти забыла, как делается старинная русская гладь и атласное шитье... Я одену ее как куклу — и с каким удовольствием!

Картина вторая 199

В квартире Елизаветы Яковлевны. Перед накрытым столом сидит Эсфирь Львовна. Она сияет седой стриженной головой. Одета с отменным вкусом. Торжественна.

ЭСФИРЬ. Ну что ты так сидишь, как лимон проглотила?

ЕЛИЗАВЕТА. Ай, не хочу тебе говорить...

ЭСФИРЬ. Не хочешь, не говори. Очень мне нужно знать, в каком месте у твоей Анастасии болит.

ЕЛИЗАВЕТА. Нет, Фира. Здесь Анастасия Николаевна ни при чем.

ЭСФИРЬ. Ну, значит, в роддоме у тебя что-то приключилось... Что там у тебя?

ЕЛИЗАВЕТА. Вчера ребенка потеряли. Из-за этих проклятых протезов.

ЭСФИРЬ. Что ты мелешь? Из-за каких протезов?

ЕЛИЗАВЕТА. Я делаю новые зубы. И вчера у меня была примерка, утром. Мне пришлось поменяться с Федоровой, и я вышла в другую смену. А моя теперешняя смена — это ужас! Валечка Рыжова в отпуске, а эти молодые не умеют работать. И не хотят! Я как чувствовала — что-нибудь у них случится! Они потеряли ребенка!

ЭСФИРЬ. Что ты так убиваешься, Лиза? И раньше рождались мертвые дети, и довольно-таки часто, это теперь стало редко, а раньше сплошь и рядом...

ЕЛИЗАВЕТА. Этот ребенок был хороший здоровый мальчик. Они не справились с пуповиной, было двойное обвитие. Такая красивая женщина, татарка или туркменка, молодая. Первые роды. Первенца потеряла.

200 ЭСФИРЬ. Молодая, еще родит.

ЕЛИЗАВЕТА. Этого ребенка больше никто не родит.

ЭСФИРЬ. А ты что там, одна работаешь, что ли? А куда смотрят ваши врачи? Кроме тебя некому принять?

ЕЛИЗАВЕТА. Я же тебе говорю — плохая смена. Совсем молодые девочки, не понимают, что такое акушерка. Акушерка должна сама каждый раз родить вместе с роженицей. А это трудно. Когда принимаешь роды, чтобы женщина не порвалась, чтобы ребенок не измучился, ты всё время держишь их в руках. У меня же руки как у хорошего мужика. *(Поднимает руки.)* Это тяжелая работа, Фира.

ЭСФИРЬ. Что ты хвалишься? Где ты видела легкую работу? Может, ты думаешь, у меня легкая работа?

ЕЛИЗАВЕТА. Что ты, что ты, Фирочка! Я очень хорошо знаю, что за каторга это портняжное дело! То, что можешь ты, этого никто не может!

ЭСФИРЬ. Конечно! Мне тоже иногда кажется, что я таки кое-что могу! Ты помнишь, Лиза, когда приехала Сонечка?

ЕЛИЗАВЕТА. Кажется, недели две тому назад?

ЭСФИРЬ. Вот именно, ровно две недели тому назад! И вот пожалуйста, она две недели как приехала, а он вчера ей сделал предложение. И сегодня они пошли подавать эту заявку... заявление... да! Она в него сразу влюбилась, с первого взгляда! А помнишь, что ты говорила?

ЕЛИЗАВЕТА. Ну что, Фира, я могу сказать? Не зря же дедушка Натан звал тебя «царь Соломон в юбке»! Я просто поражена! Анастасия Николаевна, между прочим, тоже очень высоко тебя це-

нит. Она так и говорит: «Лизочка, ваша Фира — это не человек, это явление!»

ЭСФИРЬ. Явление?

ЕЛИЗАВЕТА. Да, да. Не человек, а явление! Но ты скажи про Лёву. Как он?

ЭСФИРЬ. А как он? Он таких девочек в жизни не видел! Я же знаю его контингент! Это что-то особенное!

ЕЛИЗАВЕТА. Но ты говорила, что эта его последняя была интересная.

ЭСФИРЬ. Ну и что? Лёве тридцать четыре года. Она говорила, что ей тридцать пять, а на деле ей сорок. И пусть она выглядит хоть на двадцать пять, но когда женщине под пятьдесят, ей уже нечего делать с молодыми людьми.

ЕЛИЗАВЕТА. Бог с ней! Расскажи, как он вдруг ни с того ни с сего сделал Сонечке предложение?

ЭСФИРЬ. Очень просто. Я привезла ее с вокзала, заранее Леву не предупредила. Он пришел вечером, я ей говорю: «Сонечка, пойдешь, открой дверь». Она ему открыла. Потом мы поужинали. Я приготовила фаршированную рыбу и бульон с кнейдлах. Потом мы посмотрели телевизор, и я отправила ее спать. А ему я сказала: «Ты понял, Лёва, кто это?» Он так не дурак, он понял сразу и говорит мне: «Я должен подумать!» А я ему так спокойно: «Конечно, думай, от этого еще никто не умирал. У тебя что, много было таких девочек? Золото, а не девочка! А характер! Уж в чем, в чем, а в характерах я понимаю! И, между прочим, тоже на пианино играет! Сима ее обучила. Винаверы — очень музыкальная семья». Он мне говорит: «Мама, она очень молоденькая!» — «И тебе это плохо? Тебе надо обязатель-

202 но старуху, и чтобы она считала уравниения!»
Больше он мне ничего не сказал. Молчит. И я молчу. Ты же знаешь, я не только говорить — молчать я тоже умею. Покойный Вениамин всегда говорил: «Пока Фира говорит, это еще полбеды, вот когда она молчит — это беда!»

ЕЛИЗАВЕТА. Это я помню. А Лёва? Что Лёва?

ЭСФИРЬ. Мне он молчал. Ходил с Сонечкой два раза в театр, я хорошие билеты два раза купила, ходили в кино. Он повел ее на концерт, между прочим, сам билеты купил, по собственной инициативе. Вчера я ему говорю: «Лёвочка, завтра вторник. Ты уже должен сделать девочке предложение, а то она будет думать Бог знает что».

ЕЛИЗАВЕТА. И что?

ЭСФИРЬ (*смотрит на часы*). Они пошли подавать. Я не понимаю, почему так долго. Или там тоже очереди? А после заявки они придут сюда.

ЕЛИЗАВЕТА. Как — ко мне? Почему же ты меня не предупредила?

ЭСФИРЬ. А что, у тебя не найдется в доме чашки чая?

Звонок в дверь. Входит Сонечка. Она одна.

Эсфирь Львовна ее целует.

СОНЕЧКА. Здравствуйте!

ЭСФИРЬ. Ну, подали?

Сонечка кивает.

В добрый час!

ЕЛИЗАВЕТА. Поздравляю тебя, деточка!

ЭСФИРЬ. А где Лёва?

СОНЕЧКА. Он просил извинить, ему нужно было срочно в институт, какие-то документы оформлять, он оттуда позвонит вам.

ЭСФИРЬ. То есть как — он сюда не придет?

СОНЕЧКА. Нет, он сказал, что завтра улетает в командировку в Новосибирск и ему документы надо оформить.

ЭСФИРЬ. Что за новости! А я ничего не знаю!

СОНЕЧКА. А Лёва вчера и сам не знал. Ему сегодня сказали. Сазонов сказал.

ЭСФИРЬ. А-а... Сазонов! А на когда назначили?

СОНЕЧКА. На девятое января.

ЭСФИРЬ. Как, через два месяца? Так долго ждать?

СОНЕЧКА. Да.

ЕЛИЗАВЕТА. Ну хорошо, садитесь за стол. Сколько можно разговаривать? (*Снимает фартук.*)

ЭСФИРЬ (*смотрит на ее блузку*). Боже! Кто тебе это пошил? Первый раз вижу, чтобы бейку делали по долевой! По косою, по косою ее делают!

ЕЛИЗАВЕТА (*смеется*). А мне всё равно, хоть по косою, хоть по кривою! Сонечка, попроси свою свекровь, чтобы она тебя никогда не учила шить. Она тебя замучает!

СОНЕЧКА. Да? А меня Эсфирь Львовна уже учит. Мне очень нравится.

ЭСФИРЬ. Не все же такие безрукие как ты, Лиза. У нас в Бобруйске, Сонечка, испокон веку все евреи были портные. Сплошь портные. И твой дедушка Гирш был портной. А наша бабушка Роза училась в Варшаве в женском ремесленном училище. Она была лучшая мастерица в городе. Она всё знала — золотошвейное дело и белошвейное. А дедушка Натан — он был фрачник. Он ничего не умел — только фраки. Но какие фраки!

204 ЕЛИЗАВЕТА. Расскажи про медаль, Фира.

ЭСФИРЬ. Спасибо, а то бы я забыла! Так вот, дедушка Натан шил фраки, и его фрак на Всемирной выставке в Париже получил серебряную медаль. Понимаешь, фрак из Бобруйска получил в Париже серебряную медаль! Когда дедушке сообщили, он очень удивился: почему не золотую? А дальше дело было так: чтобы получить эту медаль, надо было прислать лекала — выкройки, значит, и расчеты! *(Смеется.)* Это анекдот! Дело в том, что дедушка никогда не имел выкроек. Больше того, он снимал мерку тремя веревочками. Он даже никогда ничего не записывал, делал на веревочке узелки, и этого ему было достаточно. И фраки его сидели так, что люди приезжали из Минска и даже из Вильно.

СОНЕЧКА. А медаль?

ЭСФИРЬ. Он ее не получил. Потому что не умел делать эти расчеты. А что толку? Я умею. Но фрак пошить никогда в жизни не возьмусь.

ЕЛИЗАВЕТА. Фира, неужели ты не можешь пошить фрак? Ты же все можешь!

ЭСФИРЬ. Фрак не могу. Шляпки, скорняжное дело — это пожалуйста. Больше того, я даже могу шить обувь, мне приходилось. Когда имеешь хорошие колодки, это не такое уж сложное дело. Но фрак — нет!

ЕЛИЗАВЕТА. А меня в детстве учили, учили, и из меня совершенно ничего не вышло. Про меня бабушка Роза так и говорила: а эта будет строчить на машинке. Хуже ругательства у нее не было!

СОНЕЧКА. То есть как?

ЕЛИЗАВЕТА. Только на руках! Она никаких машинок не признавала. И она чудеса выделывала!

Сейчас я покажу! *(Лезет в шкаф, достает старую тряпку, разглаживает.)* Вот, Сонечка, посмотри, это подкладка от маминого пальто. Бабушка Роза сшила это пальто, когда мама выходила замуж за папу. Мама была ее любимая невестка. Вот, она сшила пальто и вышила подкладку незабудками. У нее был вкус! *(Расправляет ткань.)* Она была настоящий художник! Всё выцвело. На таком бледно-оливковом фоне — незабудки с лепестками, это просто необыкновенно. Мама мне подарила это пальто в день моего шестнадцатилетия. Оно было совсем как новенькое. И, между прочим, Сонечка, Фира была единственная из всех внучек, кто унаследовал ее талант.

ЭСФИРЬ. Да, это так.

ЕЛИЗАВЕТА. И характер — тоже! *(Смотрит на Эсфирь заговорщицки.)* Если бабушке Розе что-нибудь втемяшится — из-под земли достанет!

Картина третья

Эсфирь Львовна и Сонечка идут домой. Эсфирь Львовна с палкой, Сонечка поддерживает Эсфирь Львовну под локоть.

ЭСФИРЬ. У дедушки Натана и бабушки Розы была одна дочь, моя мама, и шестеро сыновей: Арон, Исаак, Саул, Лейб... и как его звали... Рувим... и Яков. Следишь за моей мыслью?

Соня кивает.

Все вымерли, кроме моей мамы и Якова. Моя мама потом тоже умерла. От бабушки Розы дети

получали красоту и туберкулез. У нас всегда умирали от туберкулеза. Якову бабушка нашла невесту. Она была вдова. Хоть и богатая, но совсем никудышная. (*Шепотом.*) Первым браком она была за купцом первой гильдии! Ничего не понимала в хозяйстве, в этом смысле Лиза вся в мать. Все свои деньги профукала. А что не профукала, то отобрали после революции. Но бабушка Роза все же была права, что выбрала Якову эту вдову. А та родила ему двойню. Правда, не сразу, лет через десять. Это были Лиза и Сёма — он потом погиб на фронте. Следишь за моей мыслью?

СОНЕЧКА. Да, я только не поняла, тетя Лиза — по матери Брауде?

ЭСФИРЬ. Ты ничего не поняла. Я скажу Лёве, чтобы он тебе нарисовал нашу родословную.

СОНЕЧКА. Генеалогическое дерево, как у королей?

ЭСФИРЬ. А что ты улыбаешься? Разве ты не знаешь, что мы произошли по прямой линии от Адама?

СОНЕЧКА (*изумленно*). Кто? Брауде? Ехелевичи?

ЭСФИРЬ. Да. И Винаверы тоже. Так что мы — самый древний человеческий род.

СОНЕЧКА. А как же короли? Ну, цари там?

ЭСФИРЬ. Какие цари? Какие короли? У них знаешь сколько всего намешано. А мы — по прямой линии. Избранный народ, доченька! А Лиза, моя двоюродная сестра, благороднейший человек. Красотой она никогда не отличалась, это я тебе скажу. Она, наша Лиза, очень порядочный человек, но немного ненормальная. Она была уже старая девушка, в годах, лет под тридцать, и связалась с одним типом. Так он ее бросил. Она так

страдала, так страдала, даже в сумасшедший дом попала. Но дело не в этом. Он тоже попал в историю. Язык у него был — не приведи Бог. Он тоже наш дальний родственник, но не из Бобруйска, а из Бродов. Так когда он вышел, она его опять приняла, взяла к себе, прописала. Это уже было в Москве. А он через полгода к ней же в комнату привел другую. Такая наша Лиза дура, блаженная. И так до самой войны они жили в одной комнате. У той родился ребенок, так Лиза его так обожала, что представить нельзя. Пеленки стирала. А этот ее тип, он ту тоже бросил. А этот мальчик, Генечка, такой бандит вышел, что его в тюрьму посадили. Когда Лёва родился, ты думаешь, она на него переключила свое внимание? И не подумала! Для нее на первом плане всегда был этот бандит Генечка.

СОНЕЧКА. Он так и сидит?

ЭСФИРЬ. Сначала он сидел один раз, потом он сидел второй раз, а теперь, я думаю, он уже сидит третий. Но это еще не конец.

СОНЕЧКА. Что не конец?

ЭСФИРЬ. Я говорю, это еще не конец. Потому что потом наша Лиза познакомилась с одной Анастасией Николаевной, в эвакуации, и они так подружились, что просто вцепились друг в дружку. И первое, что она сделала, когда вернулась из Ташкента, — поселила эту Анастасию Николаевну у себя. Правда, потом та всё же получила комнату, но, представь себе, Лиза к ней ездит до сих пор и таскает сумки, и варит обед, и все такое. А та сидит и французские романы читает. Видишь ли, она переводчица! Она переводит с греческого и латыни и, между нами, — это совершенно ни-

кому не нужно. Ну, скажи, кому это сегодня нужно — что-то с латыни? Я ей говорю: «Лиза! У твоей Анастасии Николаевны ни капли ни стыда ни совести, нельзя так ехать на человеке». А Лиза что? Она такого благородства человек! И все из-за того, что Анастасия поголовно все языки знает. Ну и что, я спрашиваю, из этого? Папин папа Эфраим знал древнееврейский и пел так, что его за триста верст приезжали слушать. Откуда, ты думаешь, у Лёвы такие способности? И что? И ничего! Пока Лиза варит ей обед, почему бы не выучить японский язык? Каждый бы выучил! И я бы выучила, если бы за меня работали! Теперь ты меня понимаешь, Сонечка?

СОНЕЧКА. Да.

ЭСФИРЬ. А что, разве твоя мама тебе ничего не рассказывала про нашего дедушку Эфраима?

СОНЕЧКА. Нет.

ЭСФИРЬ. Мне это странно. Она должна была его помнить. Дедушку Эфраима знал даже генерал-губернатор.

СОНЕЧКА. Нет, мама мне про него не рассказывала.

ЭСФИРЬ. Очень странно... Каждая собака в городе знала генерал-губернатора... я хочу сказать... нашего дедушку Эфраима.

Картина четвертая

У Елизаветы Яковлевны.

СОНЕЧКА. Эсфирь Львовна сказала, что я должна взять у вас тот кусочек подкладки, на котором забыли.

ЕЛИЗАВЕТА. Да, она у меня спрашивала, но я не поняла, какие незабудки.

СОНЕЧКА. Ну, помните, вы показывали кусок вышивки, подкладку от пальто вашей мамы?

ЕЛИЗАВЕТА. Господи, да зачем ей?

СОНЕЧКА. Эсфирь Львовна хочет сделать мне такую вышивку на свадебном платье...

Елизавета достает из шкафа кусок подкладки.

ЕЛИЗАВЕТА. Возьми, пожалуйста. Мне казалось, что это давно уже вышло из моды.

СОНЕЧКА. Я тоже так думаю. Но Эсфирь Львовна говорит, что хорошая работа из моды не выходит.

ЕЛИЗАВЕТА. А сама-то что думаешь, Сонечка?

СОНЕЧКА. Ничего. Все, что мне сшила Эсфирь Львовна, очень красиво, это правда.

ЕЛИЗАВЕТА. А что слышно от Лёвы?

СОНЕЧКА. Неделю назад звонил из Академгородка. Сказал, что у него все в порядке. Задерживается еще недели на две. Наверное, прямо к свадьбе прилетит.

ЕЛИЗАВЕТА. Ну и как ты без него поживаешь?

СОНЕЧКА. Ой, хорошо, тетя Лиза. Просто даже слишком. Как в санатории. Рядом с домом детский садик, там написано: требуется. Я хотела туда воспитательницей устроиться, хоть временно, а Эсфирь Львовна говорит — не надо. Она считает, когда Лёва приедет, тогда решим. Я бы пошла. А вы как считаете?

ЕЛИЗАВЕТА. И правда, не торопись. Распишетесь, там видно будет.

СОНЕЧКА. Эсфирь Львовна говорит, что надо своих детей воспитывать, а не чужих. А мне кажется

ся, что я своих не смогу любить больше. У меня в группе были Варя Венкова и Миша Солодовников — такие детишки, просто чудо. Моя мама всегда говорила: «Ты, Сонька, семерых родишь». А я бы родила. Мне нравится, когда семья большая.

ЕЛИЗАВЕТА. Еще бы! Было время, у нас за стол сидилось одиннадцать человек, только своя семья, и всегда кто-нибудь приходил к обеду. Бабушка Роза была хлебосольная. Все, все погибли в один день. И первенец Фирочкин. Ай, ладно, что об этом... Фира мне говорила, что учит тебя шить?

СОНЕЧКА. Да.

ЕЛИЗАВЕТА. Если бы ты научилась, это было бы очень хорошо. Конечно, как Фира, ты не научишься. Она ведь шьет даже для эстрады: все вышито, все блестит и сверкает.

СОНЕЧКА. Она мне показывала. Она даже Алле Пугачевой один раз шила, представляете? Моя мама тоже шила, но это никакого сравнения. Хотя моя мама все умела, даже пальто. Я после ее смерти все ее вещи в два чемодана сложила и убрала подальше. А то как наткнушь в шкафу на ее платье, ну просто не могу...

ЕЛИЗАВЕТА. Бедная девочка, бедная девочка...

СОНЕЧКА. Так странно... Когда мама умерла, я вдруг ясно вспомнила все, что было до нее.

ЕЛИЗАВЕТА. Как — до нее?

СОНЕЧКА. Мама взяла меня из Дома ребенка, мне еще пяти лет не было. Я очень плохо помнила все, что было раньше. Можно сказать, что я все забыла. А после маминой смерти все вспомнила ясно.

ЕЛИЗАВЕТА. Так Сима Винавер тебя удочерила?

СОНЕЧКА. Да. Она была у нас музработником. Приходила два раза в неделю. Это почти единственное, что я помню, — как мама сидит за пианино, а мы поем и прыгаем под музыку. И еще она всегда приносила такие маленькие печенюшки. Мне мама потом рассказывала, я этого не помню, что я подстерегла ее в коридоре и шепотом сказала: «Ты моя мама. Забери меня домой». И она забрала.

ЕЛИЗАВЕТА. Боже мой! Скажи, Сонечка, а Фира об этом знает?

СОНЕЧКА. О чем?

ЕЛИЗАВЕТА. Ну, что Сима тебя удочерила.

СОНЕЧКА. Нет, кажется, я ей не сказала.

ЕЛИЗАВЕТА. А почему?

СОНЕЧКА. Да просто разговор об этом не заходил.

ЕЛИЗАВЕТА. Я думаю, что для Фиры это очень важно.

СОНЕЧКА. Да почему, тетя Лиза?

ЕЛИЗАВЕТА. Ты понимаешь, Сонечка, там, в Бобруйске, было до войны много еврейских семей. И все они погибли в один день, их расстреляли за городом, сразу всех. Вся наша родня погибла, и первенец Фиры, Илюшечка, с ними погиб. И Фира мечтала, чтобы Лёва женился на еврейской девушке из Бобруйска, чтобы наша порода не пропала на Земле...

СОНЕЧКА. А я еврейка, тетя Лиза. У меня в паспорте записано: Софья Алексеевна Винавер, еврейка. Я когда паспорт брала, я сказала, чтобы написали, как у мамы. Мне когда шестнадцать лет исполнилось, мне мама сама все про детдом рассказала. И что если я хочу, мы можем поднять все бумаги и я могу взять ту фамилию. Ну,

212 женщины, которая от меня отказалась. Но я, конечно, решила — пусть будет все как у мамы. А как иначе-то?

ЕЛИЗАВЕТА. Боже мой!

СОНЕЧКА. А с отчеством, тетя Лиза, история такая. Вообще-то об этом не говорят. Та женщина от меня отказалась, а отца у меня не было. В таких случаях часто пишут свое отчество. Мама была Сима Григорьевна. В молодости она любила одного человека, его Алексей звали. Пожениться они не поженились, но мама всегда говорила, что, если бы они поженились, у них непременно бы родилась я. А он женился на маминой подружке. И был несчастлив. Он потом хотел к маме уйти, но мама не захотела, потому что у Алексея уже были дети. Таких, как мама, на свете больше нет людей. Мне иногда кажется, что это она вас всех ко мне прислала...

ЕЛИЗАВЕТА (*вытирает глаза*). Сонечка! Пожалуйста, обещаю мне, что не расскажешь об этом Фире. Никому не говори.

СОНЕЧКА. И Лёве не говорить?

ЕЛИЗАВЕТА. Нет, Лёве-то можно, вот Фире — не говори.

СОНЕЧКА. Вы думаете, она сильно расстроится?

ЕЛИЗАВЕТА. Я думаю, ей лучше этого не знать.

СОНЕЧКА. Хорошо, что вы меня предупредили. Она такая добрая, просто невероятно. Даже похвалить при ней ничего нельзя. Что понравится, она тут же с себя снимает. Вот, колечко подарила... Красивое... Тетя Лиза, а как вы думаете, это очень плохо, что Лёва ученый, кандидат наук, а я десятилетку еле-еле окончила? Он такой умный, а я ничего не знаю.

ЕЛИЗАВЕТА. А, Сонечка, это ничего не значит. Во-первых, женщина всегда умнее мужчины, уж это ты поверь. Во-вторых, ты же еще молодая, ты еще сможешь учиться и образование получить, какое захочешь.

СОНЕЧКА. Я хотела бы на вечерний, на педагогический...

ЕЛИЗАВЕТА. Решите с Лёвой, как лучше. Зачем тебе на вечерний? Лучше на дневном поучись.

СОНЕЧКА. Нет, тетя Лиза. Мне на дневной не поступить. В этом году я не успею подготовиться. В будущем бы...

ЕЛИЗАВЕТА. Там видно будет. Скажи, а Фира уже пошила тебе платье, которое собирается вышивать?

СОНЕЧКА. Нет, только материал купила. Крепдешин. Белый и такой сиреневый. Оно будет из двух цветов и с незабудками.

ЕЛИЗАВЕТА. Ой, так ты не забудь эти незабудки, вот же они!

Картина пятая

Эсфирь Львовна в своей квартире, у телефона.

ЭСФИРЬ (*громким шепотом*). Приехал вчера, поздно вечером. Сонечка, конечно, очень нервничала, даже плакала, между нами говоря. Накануне она мне сказала: «Эсфирь Львовна, он не приедет!» Конечно, она обиделась: он уехал на следующий день после того, как подали заявление, и приехал через два месяца, и ни разу не написал, только несколько раз звонил по телефону.

Слушай дальше, Лиза! Он преподнес ей букет, просто царский, необыкновенный букет. Гвоздики, пятьдесят штук, шикарные, я сама купила на Центральном рынке. Соня его встречает, я пошла ей твидовый костюм, на плечиках. Только что я такой Люсе Гурченко сшила, со скошенными плечиками. Туфли «Саламандра» я купила у одной нашей артистки, серые. В общем, можешь мне поверить, Лиза, как она выглядела... Все, все заказано. В половине седьмого, в «Будапеште»... Нечего тебе ехать в ЗАГС. Будь прямо там. Я скажу тебе честно, я заказала на пятьдесят человек. Двадцать родственников... Как я набрала двадцать родственников? Откуда? Ты, я, Лёва, Сонечка, Анастасия Николаевна.

...Мне всё равно. Это ты хочешь.

...Конечно, ее, как министра, надо приглашать за две недели.

...Потом Виктор Исаевич с женой, Юлий Маркович с женой и детьми. Как это — с какими детьми? У него от первого брака сын, и он женатый уже, и у нее от первого брака сын, и тоже женатый. Так вот они и придут с ними.

...Ну и что, пусть я их не знаю. Они меня прекрасно знают. Ты думаешь, им про меня не рассказывали?

...Еще с работы, из театра, две мои приятельницы с мужьями и Марья Семеновна...

...Как это не родственники? Марья Семеновна все равно что родственник! Как, ты не помнишь Марью Семеновну, нашу соседку по Делегатской? Угловая комната, ну, конечно, тетя Маша и ее дочка Римка. И Ушаковы! Правильно, в первой комнате жили, он жуткий пьяница, его вся Божедомка знала... а она очень порядочная женщина, так с ним мучилась.

...Слушай, ты удивишься, но Тamarку я тоже пригласила. Ну, Тamarку-Хамку, она жила сначала в подвале, а потом, уже в сорок седьмом, она переехала к нам, возле кухни.

...Пусть придет, Лиза. Ее же не каждый день в ресторан приглашают, пусть хорошо покушает и получит удовольствие.

...Лиза, что ты говоришь? А кого? Кого мне еще приглашать? Не много, ничего не много! И их друзья — Лёвины и Сонечкины. Две подружки приедут из Бобруйска. Кстати, можно они у тебя переночуют? Ой, нет, они пусть ночуют у Виктора Исаевича, а я пойду ночевать к тебе. Ты же понимаешь, пусть молодые останутся вдвоем. Спасибо, Лиза! Да, дорого. А на что мне эти рубли, Лиза? Она ведь такая неизбалованная. Сима таки ее хорошо воспитала. И как жаль, что она не дожила до сегодняшнего дня!

...Да, я еще забыла тебе сказать — я решила, что это белое платье с незабудками для загса не годится. Для загса нужен костюм. Платье — это на вечер, для ресторана. А для загса я пошила кос-

216 тюм, тоже белый, но в другом роде. Ночь сидела, только что закончила. Я сделала такую «фирму», что сам Кристиан Диор не отличит. А если отличит, то лопнет от зависти! По моде? Нет, не по моде, это по позабудущей моде!

Отворяется дверь ванной, выходит Сонечка в халате.

СОНЕЧКА. Доброе утро, Эсфирь Львовна.

ЭСФИРЬ. Доброе утро, доченька. *(В трубку.)* Ну вот, Сонечка уже вышла, сейчас пойдем примерять. Так ты не опаздывай, Лиза! *(Вешает трубку.)* Ну, Сонечка, надевай!

Сонечка надевает костюм.

Ну, видишь, как сидит! *(Кричит.)* Лёва! Лёва! Иди, посмотри, какой костюм!

СОНЕЧКА. Как красиво! Обалдеть! *(Целует Эсфирь Львовну.)* У меня за всю жизнь не было столько красивых вещей!

ЭСФИРЬ. А, это все мелочи! Не это в жизни главное! Когда столько теряешь, сколько теряли мы, понимаешь цену вещам. Цена этому всему — тьфу! *(Задумывается.)* Но хорошую шубу я бы тебе все же купила... Лёва!

СОНЕЧКА. А он спит еще. Он еще не выходил...

ЭСФИРЬ. Ну, пусть выспится.

СОНЕЧКА. Он говорил, что перелет был очень тяжелый, их посадили в Томске, два часа лишних там продержали...

Звонок в дверь. Эсфирь Львовна открывает,
входит солдат с букетом — Ви т я.

ВИТЯ. Здравствуйте, а Соня здесь живет? (*Видит Соню.*) 217

ЭСФИРЬ. Сонечка, к тебе!

СОНЕЧКА. Ой, я тебя сразу не узнала! Витька! Откуда ты взялся? (*Эсфири Львовне.*) Мой одноклассник. Познакомься, моя свекровь, Эсфирь Львовна. Откуда ты взялся с цветами?

ВИТЯ. Поздравить тебя приехал. Мне Ленка написала.

СОНЕЧКА. О, а я и не знала, что ты с ней переписываешься.

ВИТЯ. Да. Она мне и написала, что ты замуж выходишь и что ты ее на свадьбу пригласила. И адрес мне твой послала. А я служу в Кубинке, под Москвой, час езды, а ты на Бутырском валу, рядом с вокзалом.

СОНЕЧКА. Ну надо же! Ну и Витька! Я так рада, честное слово!

ЭСФИРЬ. Соня, что вы всё разговариваете? Пойди, покорми человека. Только сними костюм.

СОНЕЧКА. Ох, да! Что же это я!

ВИТЯ. Да ты не суетись, я всего на десять минут. И есть я не хочу.

СОНЕЧКА. А как же свадьба?

ВИТЯ. Нет, у меня увольнительная до девятнадцати.

ЭСФИРЬ. Но надо покушать. Как это так! У нас домашняя еда, не казенная. Сейчас я почищу селедочку. Я вчера купила замечательную селедочку. Сонечка, вынь там курицу!

ВИТЯ. Нет, нет, спасибо. У меня увольнительная, правда, времени нет.

ЭСФИРЬ. Так вы тоже из Бобруйска?

СОНЕЧКА. Мы в одном классе учились, с первого класса.

218 ВИТЯ. Да.

ЭСФИРЬ. Значит, земляк. Жаль, что вы не можете прийти на свадьбу.

СОНЕЧКА. Ленка приехала и Наташка Горячкина будет.

ВИТЯ. Во, обрадовала! Наташка Горячкина. Больно нужно! Слушай, а она поступила учиться-то?

СОНЕЧКА. В пединститут.

ВИТЯ. А ты что ж, не поступила?

СОНЕЧКА. Было не до того...

ВИТЯ. Да, мне ребята говорили...

СОНЕЧКА. Ну вот, а когда мама умерла, я пошла в детский садик воспитательницей.

ВИТЯ. И как, ничего?

СОНЕЧКА. Мне нравится, очень даже нравится.

ЭСФИРЬ. Почему же вы не кушаете? Вы только разговариваете, давно бы успели покушать.

ВИТЯ. Нет, мне пора. Я ведь только на минутку. Поздравить. Вот. Поздравляю и желаю счастья.

СОНЕЧКА. Ты приезжай к нам, Вить. Приезжай обязательно.

ВИТЯ. Я приеду. Спасибо.

ЭСФИРЬ. Обязательно приезжайте.

ВИТЯ. Я пошел, до свиданья. *(Уходит.)*

СОНЕЧКА. Спасибо, Витя.

ЭСФИРЬ. Ну вот, ушел, а мы его даже не покормили.

СОНЕЧКА. Да он же не хотел!

Звонит телефон.

ЭСФИРЬ *(берет трубку)*. Владимир Иванович! Здравствуйте! Да, спит еще. Разбудить? Да. Так что мы ждем вас, в половине седьмого. Петров-

ские линии, ресторан «Будапешт». Спасибо. А 219
что вы думаете? Дождалась, наконец! Спасибо!
(*Вешает трубку.*) Сам Сазонов звонил!

Сони нет.

Сонечка! Ты слышишь? Сам Сазонов звонил!
Почти академик! Он очень нашего Лёву ува-
жает!

Картина шестая

Утро в квартире Эсфири Львовны.

Эсфирь Львовна и Сонечка сидят на кухне.

СОНЕЧКА. Я давно знала, будет что-нибудь вот та-
кое. Ужасное.

ЭСФИРЬ. Ничего ужасного не случилось! Подума-
ешь! Он весь в своего отца. Такой характер. По-
койный Вениамин тоже взбрыкивал. И этот
взбрыкивает. Я тебя уверяю, все будет хорошо.
Главное, ты успокойся.

СОНЕЧКА. Эсфирь Львовна, я уезжаю в Бобруйск.

ЭСФИРЬ. С чего это ты поедешь в Бобруйск? Чего
ты там забыла? Тебе нечего там делать.

СОНЕЧКА. Поеду в садик. Там мои детки. Они ме-
ня очень любят.

ЭСФИРЬ. Еще бы они тебя не любили!

СОНЕЧКА (*с ужасом*). А что я девочкам скажу?
Ленке с Наташкой?

ЭСФИРЬ. Во-первых, никому ничего говорить не
надо. Что говорить? Он напился пьяный и завт-
ра будет дома. Что, я его не знаю? Он всегда —

220 пофордыбачит, пофордыбачит, а потом делает как надо.

СОНЕЧКА. Посмотрите. Вот письмо, ясно сказано. *(Читает.)* «Дорогая Соня! Извини, что так глупо все получилось. Я не смог тебе вовремя объяснить, и все так далеко зашло. Я глубоко перед тобой виноват, но мне трудно объяснить ту сложную ситуацию, в которую я попал. Ты очень хорошая, замечательная и красивая девушка. Надеюсь, что со временем я смогу перед тобой оправдаться и ты не будешь считать меня последним подлецом. Лёва». Вот, видите!

ЭСФИРЬ. Дай-ка сюда! *(Рвет письмо.)* Вот! Вот! Вот! Наплевать на это дурацкое письмо! У моего мужа был брат Шурка. Лёвин дядя. Так вот, это типично его поступок. У него всегда то одно, то другое и никогда его не поймешь!

СОНЕЧКА. И как это мне в голову пришло, что он действительно на мне женится! С какой стати! И правильно! *(Сквозь слезы.)* Тетя Фира, но какой позор! Вся эта свадьба, наряды, фотографии! Ой!

ЭСФИРЬ. Сонечка, что ты говоришь! Ты слушай меня! Все устроится! Тоже мне, безвыходное положение! Да он сам к тебе на коленях приползет! И будет просить прощения за все эти фокусы. Я его знаю! Он всегда так — сначала покажет характер, а потом делает как надо... расскажи мне, как все было вчера вечером. Он тебе ничего такого не говорил?

СОНЕЧКА. Вчера мы вернулись из ресторана, с нами пришли еще двое, из лаборатории, Миша и Толя. Сначала мы все долго сидели у Лёвы в комнате, они пили коньяк, а потом Лёва говорит:

«Иди спать, Соня, а я еще с ребятами посижу». А сам смурной такой. Я думаю, пьяный все же. Я и пошла. А утром я просыпаюсь, никого нет. Потом вижу — записка на столе. Написано: «Соне».

ЭСФИРЬ (*бодро*). Значит так, Сонечка! Во-первых, не обращать внимания! Поверь, на них вообще не стоит особенно обращать внимание. Это я тебя потом научу. И вообще — все будет в порядке! Поверь мне, я буду не я, если он через неделю не вернется домой. В крайнем случае — через две. Поняла?

СОНЕЧКА. Эх, Эсфирь Львовна, разве в этом дело? Он просто раздумал на мне жениться! Тогда бы и не надо! Как будто я его заставляла...

ЭСФИРЬ. Глупости! Просто такой характер! Главное, ты никому об этом не говори. Никаким знакомым.

СОНЕЧКА. Да нет у меня никаких знакомых.

ЭСФИРЬ. И очень хорошо. Это никого не касается. Это наши семейные дела! Потом вы еще будете внукам рассказывать, как дедушка со свадьбы удирал!

Картина седьмая

У Елизаветы Яковлевны.

ЭСФИРЬ. Что он делает, сумасшедший, что он делает? Я нашла ему такую девочку! Золото, а не девочка! Чистый брильянт! Чем она ему нехороша? Да он ногтя ее не стоит! А показать тебе, какое он мне письмо оставил?

ЕЛИЗАВЕТА. Как, и тебе тоже?

222 ЭСФИРЬ. А как ты думаешь? Он же понимает, что мама с ума сойдет, если он вот так уедет без единого слова. Утром рано я приехала от тебя, вижу на кухне на столе эти два письма. Сначала я их спрятала, потом понимаю, что нужно ей отдать. Положила на стол. Побежала звонить из автомата этому чертовому Толе, это его, его интриги, я же этого гада давно знаю. Никто не подходит. Ты думаешь, это он против нее так поступил? Нет, он влюблен в нее без памяти, в этом я уверена! Как это можно в такую девочку мужчине не влюбиться? Я сорок лет проработала в театре и я очень понимаю в этом вопросе. Уж в чем, в чем! Это он все придумал против меня! Вот послушай, что он мне пишет: «Дорогая мама! Видимо, я совершил большую ошибку, что не ушел из дому вовремя. Я не могу терпеть постоянное насилие с твоей стороны». Ты слышишь? Сукин сын, это он от меня терпит, а? Вот, дальше. «Я очень тебя люблю и ценю, но жить с тобой вместе под одной крышей я больше не могу». Крыша моя ему не нравится! Интересно, а чистые рубашки, а обед на столе, а белье, которое я в жизни не относила в прачечную, — это ему нравилось! Ты подумай, Лиза! Он думает, я побегу его догонять! Он не дает мне своего адреса, а то я его не найду в одну минуту! Он думает со мной шуточки шутить! Всю жизнь я на него положила! Ты же помнишь, Лиза, как было трудно. Ни на один день я не отдавала его в садик. Я была заведующей костюмерной мастерской — и я ушла на сдельшину, и сидела с ним, и шила по ночам! И каждое лето я увозила его в этот проклятый Судак и торчала там по три

месяца, он не знал слова «нет»! А когда умер Вениамин, ему было всего четыре года, и с тех пор я не смотрела ни на одного мужчину. И ты не думай, Лиза, за мной очень даже ухаживали. Владимир Антонович, заведующий постановочной частью, и еще один, тоже очень интересный. Всю жизнь я сыну отдала — и вот благодарность! Ты слышишь, Лиза?

ЕЛИЗАВЕТА. Фирочка, успокойся. Мне кажется, ты сейчас не права.

ЭСФИРЬ. В каком смысле? Как это?

ЕЛИЗАВЕТА. Ты не должна была настаивать, чтобы он на Сонечке женился.

ЭСФИРЬ. Я что, заставляла? Я же ни одного слова не сказала! Он сам сделал ей предложение и повел в ЗАГС!

ЕЛИЗАВЕТА. Ну, это не совсем так.

ЭСФИРЬ. Ты хочешь сказать, что я его за руку вела? Ты на него посмотри, Лиза! Это же патологический тип! С чего он начал? В шестнадцать лет он спутался с Лидкой, и десять лет я не могла его отодрать. Ты бы ее видела! Старуха! Ей было двадцать пять лет, и она дважды была замужем. А уродка! Бабушка Роза ее бы в кухарки не взяла! Глаза как блюдца и вот такая голова, и ростом как пожарная лестница, и называется художница. Лёвушка ей понадобился! Бессовестная! Теперь берем дальше — только с ней распутался, я думаю — слава Богу! Нет, не слава Богу! Он же патологический тип! Опять нашел себе старуху! Да если бы не я, он бы на них всех женился, это я тебе точно говорю! И теперь, когда я нашла ему такую невесту, — он убежал! Не знаю, может быть, он хочет царскую дочь, как Иосиф пре-

224 красный. Но пусть тогда имеет в виду: другой невестки, кроме Сони, у меня не будет!

ЕЛИЗАВЕТА. А если он не вернется?

ЭСФИРЬ. Как это не вернется? Такого еще не было. Никогда.

ЕЛИЗАВЕТА. Фира, ты не горячись. Может быть, надо было как-нибудь подипломатичнее?

ЭСФИРЬ. Ты что, принимаешь меня совсем за дуру? Я похожа на дуру? Ты помнишь, как дедушка Натан взял палку и побил Сёму, когда Сёма хотел жениться на Марусе Пузаковой? Первый раз в жизни дедушка кричал — если ты женишься на русской, в мой дом ты больше не войдешь!

ЕЛИЗАВЕТА. Но ведь он женился на Марусе!

ЭСФИРЬ. И что? И через месяц началась война!

ЕЛИЗАВЕТА. Ты хочешь сказать, что, если бы Сёма не женился на Марусе, война бы не началась?

ЭСФИРЬ. Нет, я другое хочу сказать. Сёма погиб, и все наши — и бабушка Роза, и дедушка Натан, и первенец мой Илья погибли еще раньше, и все — в один день. Кагановские погибли, и Тонечка Шапиро с детками, и Винаверы, кроме Симы, и Ехелевичи. И я хочу, чтобы мой сын родил детей с Соней Винавер, а не Бог знает с кем! И чтобы за стол садилась большая семья. Я хочу, чтобы его дочери были похожи на бабушку Розу и на Симу Винавер, а сыновья — на моего покойного мужа Вениамина и на брата Сёму! Я хочу, чтобы кровь моя не умерла на земле! И если он дурак, который в мозгах своих ничего, кроме физики, не имеет, если он не выполнит моей воли, он мне не сын!

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

Действие второе

Картина восьмая

В квартире у Эсфири Львовны. Эсфирь Львовна
и Сонечка шьют.

ЭСФИРЬ. В нашем деле, доченька, главное — душевный покой. Конечно, можно пошить юбку, блузку, даже пальто так, без особого настроения, но эта белошвейная работа — только с настроением! Если нет душевного покоя, лучше занимайся чем-нибудь другим. *(Берет из рук Сони что-то маленькое, беленькое.)* Больше того тебе скажу, бывает, сядешь за работу нервная, злая, без настроения, немного посидишь — и все само собой делается хорошо. Это надо все распороть, доченька. Перетянула.

СОНЕЧКА. Да я уже два раза порола. По-моему, ничего.

ЭСФИРЬ. Тогда возьми в работу что-нибудь другое, а это оставь, я сама сделаю.

СОНЕЧКА. Нет, я сама.

226 ЭСФИРЬ. Я, например, никогда не делала батистовых распашонок. Батист — это для двухлетней девочки можно пошить платье. Но для грудных детей — никогда. Понимаешь, батист плохо впитывает. Только если взять старый, ношенный, тогда он подходящий. *(Смотрит на Соню внимательно.)* Вообще, должна тебе сказать — ты будешь шить, будешь. Есть такие люди, которых вообще научить нельзя. У нас в цеху было двенадцать человек. Так шили трое — Елена Рубеновна, из бывших благородных, я тебе про нее рассказывала, Нина Тягунова и я. Остальные шить не умели. То есть в конце концов с горем пополам они пришивали рукавчик к лифу, но это была не работа, а ерунда.

СОНЕЧКА. Я вчера видела объявление на детском садике — требуется...

ЭСФИРЬ. Ну и что?

СОНЕЧКА. Может, все-таки зайти?

ЭСФИРЬ. Не знаю, не знаю, как хочешь... Зачем тебе это? Чего тебе не хватает, скажи мне?

СОНЕЧКА. Да мне как-то неловко не работать. И скучно даже.

ЭСФИРЬ. Что значит скучно? Все есть — смотри телевизор, играй на пианино, книги читай, кинотеатр рядом... На прошлой неделе ходили в Большой. Забыла сказать, завтра опять пойдем, в Театр Сатиры, как ты хотела. Можно хорошую эстраду посмотреть. Даже можно в консерваторию.

СОНЕЧКА. А может, Елизавету Яковлевну пригласим?

ЭСФИРЬ. Никуда она не пойдет. Она и раньше редко ходила, а после смерти Анастасии Николаев-

ны даже ноги не высовывает на улицу. Ты подумай, десять лет я ей твердила — иди на пенсию. Она одна, пенсию давно выработала, приличную. Нет, и всё! Ты Лизу не знаешь, это она к чужим мягкая. А когда я ей говорю что-нибудь важное, она делается как стена. Я ей десять лет твердила и слышала только одно — нет! Представь, умерла Анастасия Николаевна — Лиза сразу ушла на пенсию. Сколько месяцев, как она умерла?

СОНЕЧКА. Вскоре после свадьбы, я помню.

ЭСФИРЬ. Ну вот! Умерла Анастасия... Между прочим, я бы никогда не подумала на нее, что она на такое способна! Подарила тебе бриллиантовое кольцо! Хотя, с другой стороны, а кому ей было оставлять? Так вот, Лиза ее похоронила и тут же вышла на пенсию. И сидит теперь как проклятая над ее бумажками и разбирает эти каракули. И я не понимаю, что она может в них найти. И никакими силами ее нельзя от них отодрать! Хорошо! Ты позвони и пригласи ее в театр. Ты увидишь, она ни за что не пойдет. А раньше она мне говорила, что она без работы скучает!

СОНЕЧКА. Да и я про то же говорю — я тоже без работы скучаю. Я бы пошла.

ЭСФИРЬ. Ну хорошо, хорошо... Вот придет Лёва, обсудите этот вопрос.

СОНЕЧКА. Когда он придет... Сколько времени прошло, а он все не едет.

ЭСФИРЬ. Времени прошло! Три месяца — это не время! Знаешь, когда мой муж Вениамин был на фронте, от него девять месяцев не было писем. Девять! И ничего! Отвоевал и пришел целый-невредимый, только два ранения имел, и еще

228 Лёву родили! А ты говоришь — время! Это еще не время! Можешь не сомневаться — в свое время придет!

Картина девятая

У Елизаветы Яковлевны. Она сидит за письменным столом. Входит Эсфирь Львовна.

ЭСФИРЬ. Ну, и что я тебе так срочно понадобилась?

ЕЛИЗАВЕТА. А, Фирочка, я тебя жду, жду, уже начала беспокоиться.

ЭСФИРЬ. Чего тебе беспокоиться. Я искала лимонны Сонечке. У нее ангина. Так что у тебя за срочность?

ЕЛИЗАВЕТА. Никакой особенной срочности. Просто я хотела с тобой поговорить. Узнать, что ты решила... Как дальше...

ЭСФИРЬ. А что я должна решать? У Сонечки ангина... Живем — и всё!

ЕЛИЗАВЕТА. Но согласись, Фира, положение странное: три месяца как они поженились, Сонечка здесь, он в Новосибирске и не собирается возвращаться.

ЭСФИРЬ. А почему ты думаешь, что он не собирается? Я уверена, что он на майские приедет. Я звонила Сафонову, он сказал мне, что Лёва скоро вернется.

ЕЛИЗАВЕТА. Сказал, что вернется?

ЭСФИРЬ. Ну, в этом роде.

ЕЛИЗАВЕТА. А если не вернется?

ЭСФИРЬ. Ты думаешь, ты самая умная? Я ночь не

сплю и только об этом думаю. Конечно, я всё решила. Если он не приедет на майские, я полечу в Новосибирск и привезу его сама. Он очень храбрый, когда меня нет. А когда я приеду и скажу: «Всё! Генук! Собирай вещи и едем домой! Тебя ждет жена!» — тут он уже будет не такой храбрый.

ЕЛИЗАВЕТА. А если он не поедет?

ЭСФИРЬ. Поедет как миленький!

ЕЛИЗАВЕТА. Он взрослый человек, Фира, и хочет решать свои проблемы сам, без мамы.

ЭСФИРЬ. Без мамы? Очень он много стоит без мамы! Что бы он был без мамы? Я дала ему образование! Он окончил у меня музыкальную школу! Я столько потратила на его учителей! Помнишь, когда он готовился в институт? Он, конечно, способный мальчик, но какие учителя с ним занимались! Профессора! Сплошь одни профессора! И один старый профессор, забыла, как его зовут, жал мне руку и говорил, какая у него светлая голова! Но что бы он был без меня — это еще вопрос!

ЕЛИЗАВЕТА. Ну, хорошо, хорошо! Ты помогла своему сыну встать на ноги. Но ведь это делают все. Даже кошки! А когда ребенок становится взрослым, он уже все решает сам. Представь на минутку, что Лёва хочет жениться на другой женщине.

ЭСФИРЬ *(смеется)*. Что ты несешь? Лёва женат на Сонечке! Что может быть ему лучше? На какой еще другой женщине? *(Пауза)*. Лиза! Что ты знаешь? Немедленно выкладывай! Ну! Он опять с кем-то спутался? Говори же!

ЕЛИЗАВЕТА. Я ничего не знаю, я только предполагаю.

- 230 ЭСФИРЬ. Не морочь голову! Говори!
ЕЛИЗАВЕТА. Да что мне говорить... *(Наливает капли в рюмочку, пододвигает сестре.)* Вот выпей, пожалуйста!
ЭСФИРЬ *(отодвигает капли)*. Говори!

Елизавета Яковлевна выпивает капли сама.

- Говори! Ну! Я же вижу, что ты что-то знаешь!
ЕЛИЗАВЕТА. Я получила от Лёвы письмо.
ЭСФИРЬ. Давай его сюда!
ЕЛИЗАВЕТА. Нет, лучше я тебе расскажу.
ЭСФИРЬ. Давай письмо! Где письмо, Лиза!
ЕЛИЗАВЕТА *(бросает письмо на стол)*. На, читай!
ЭСФИРЬ *(берет письмо, роется в сумочке, ищет очки, не находит; далеко отнеся от себя руку с письмом, пытается читать. Не видит)*. Ладно, читай ты! Только ни слова не пропускай — я все равно проверю! Ну!
ЕЛИЗАВЕТА *(читает)*. «Дорогая тетя Лиза! Мне очень неловко, что я обращаюсь к тебе за помощью, но я перебрал все варианты и решил, что это все-таки лучший. Я, конечно, целиком и полностью виноват в этой дурацкой истории с женитьбой, и в результате больше всех пострадала Соня, которая здесь вообще ни при чем. Дело в том, что я женился. Жена у меня самая умная, самая талантливая и самая образованная из всех известных мне женщин. И красивая, между прочим. Она заведует лабораторией, где я сейчас работаю. У нее десятилетний сын от первого брака...»
ЭСФИРЬ. Какой лабораторией? Какой сын? Что ты несешь?

ЕЛИЗАВЕТА. «...Мы с ним очень подружились, чудесный парень. Скоро у нас будет второй ребенок. В связи с этим мне надо срочно оформить развод с Соней, мне бы хотелось зарегистрировать брак до рождения ребенка, чтобы потом его не усыновлять. Галя, моя жена, ничего не знает об этой нелепой истории, и я бы не хотел, чтобы она знала. Кроме всего прочего, в институте сейчас сдают жилой дом, и если бы наши документы были в порядке, нам бы дали четырехкомнатную квартиру. Пока мы живем в Галиной двухкомнатной, вместе с ее мамой. Она женщина на редкость славная, необыкновенно деликатная, хотя совсем простая, деревенская. Нам тесновато, но ничего. Просьба моя сводится вот к чему: подготовь маму к новому повороту событий, а то я боюсь, как бы с ней чего не случилось от таких неожиданных известий. Соне я напишу отдельное письмо. Я слышал, что есть такая форма, когда брак признают недействительным, а в данном случае так оно и есть. Тогда и суд не нужен. Если она согласится прислать мне такое заявление, вся проблема будет исчерпана. Если нет, мне придется для этого приехать самому. Напиши мне, пожалуйста, где мне искать Соню — у мамы или в Бобруйске. Если она в Бобруйске, пришли мне, пожалуйста, ее адрес. Спасибо тебе заранее за все, что тебе предстоит из-за меня перетерпеть. Твой Лёва». *(Долгая пауза.)* Вот.

ЭСФИРЬ. Какой негодай! И это мой сын! А она его ждет! Сонечка ему нехороша! Да он ее ногтя не стоит! Он думает, что я приму эту его так называемую жену? Пусть не рассчитывает! Как ты думаешь, сколько ей лет? Если у нее уже взрослый

232 сын и она заведует лабораторией? Опять его какая-то старуха обработала! Что ты молчишь?

ЕЛИЗАВЕТА. Надо выслать ему бумагу, которую он просит.

ЭСФИРЬ. Что? Бумагу ему выслать? Да я сама поеду в Новосибирск и устрою ей такое, что она меня на всю жизнь запомнит! Отхватила себе такого мальчика! Я не для нее его растила. Ты знаешь, чего он мне стоил! Сколько он болел! Туберкулез — это не шутка! А дизентерия? Это шуточки, я тебя спрашиваю? А носоглотка? Какая у него была носоглотка!

ЕЛИЗАВЕТА. Фира, при чем тут носоглотка? У него же будет ребенок.

ЭСФИРЬ. Что ребенок? Что ты вообще в этом понимаешь? Ты — сухая ветка! Что ты мне тычешь этого ребенка? Это вообще не его ребенок! Когда это она успела? Значит, так: я еду в Новосибирск!

ЕЛИЗАВЕТА. Фира! Надо все сказать Сонечке!

ЭСФИРЬ. Да, Сонечка! Это правильно! Я поеду в Новосибирск с Сонечкой! И той я скажу: «Посмотри, вот Лёвина жена! Это что, красиво — отбирать мужа у чужой жены?» Бессовестная! Я ни перед чем не остановлюсь! Я пойду в этот — в профком, в райком, к черту, к дьяволу! Потому что мне важнее всего справедливость.

ЕЛИЗАВЕТА (*встает из-за стола*). Фира! Я молчала всю жизнь. А теперь ты помолчи и послушай, что я тебе скажу: ты — самая большая эгоистка на свете!

ЭСФИРЬ. Я — эгоистка?! Да я всю жизнь...

ЕЛИЗАВЕТА. Помолчи! Ты — самая большая эгоистка, какую я в жизни видела. Ты хочешь, чтобы все было по-твоему, ты ни с кем не считаешься. Ты всех вокруг делаешь несчастными: и

покойного Вениамина, и Лёву, и теперь вот ты Сонечкину жизнь всю перевероришила.

ЭСФИРЬ. Сумасшедшая! Ты всегда была сумасшедшая! Не зря тебя тогда в сумасшедший дом посадили!

ЕЛИЗАВЕТА. Помолчи, Фира. Ты считаешь себя самой умной и всем влезаешь в печенки — и Лёве, и Соне, и мне!

ЭСФИРЬ. Я влезаю в печенки? Да что вы без меня можете? Ты думаешь, Лёва сможет без меня жить?

ЕЛИЗАВЕТА. Прекрасно сможет. И Лёва сможет, и Сонечка, и даже я кое-как смогу.

ЭСФИРЬ. Так что же, я никому не нужна?

ЕЛИЗАВЕТА. Я другое тебе говорю. Я говорю, что ты старая безумная эгоистка.

ЭСФИРЬ (*влезает на подоконник*). Прекрасно! Прекрасно! Вы будете рыдать и плакать и вспоминать меня каждый день! А я посмотрю, как вы будете без меня! И пусть никто не смеет приходить ко мне на могилу! И ты не смей! (*Бросается в окно.*)

ЕЛИЗАВЕТА. Фира!

Колышется занавеска.

Картина десятая

В квартире Эсфири Львовны. Звонок в дверь. В прихожую выходит Сонечка в носках, в халатике поверх ночной рубашки, с обвязанным горлом. Открывает дверь. Входит

Витя.

ВИТЯ. Сонька, привет.

234 СОНЕЧКА. Ой, я думала, мама! Извини, я в таком виде! (*Запахивает халатик.*) Заходи, Витя! Как я рада!

ВИТЯ. Ты что, болеешь?

СОНЕЧКА. Ангина. Ты раздевайся, раздевайся, Витя!

ВИТЯ. Может, я пойду? Ты болеешь...

СОНЕЧКА. Нет, что ты! Я так рада! Сколько раз вспоминала, как ты тогда пришел с цветами на свадьбу-то...

ВИТЯ. Ага. Я тогда, представляешь, письмо от Ленки прямо накануне получил — думаю, дай съезжу, раз с адресом-то... Близко...

СОНЕЧКА. А что же ты потом не приезжал?

ВИТЯ. Служба, такое дело, сама понимаешь. (*Значительно.*) Командировали...

СОНЕЧКА (*в восхищении*). Да-да-да... Понимаю...

ВИТЯ. Да ты ляг. Ты ж больная.

СОНЕЧКА. Я лягу. А то мама придет, ругаться будет, что я встала. Она за лимонами поехала. А лимонов во всей Москве нет. Она говорит: пока не найду, не приду. Такой человек — что ей надо, из-под земли достанет.

ВИТЯ. Да я и сам такой. Если чего захотел — добиваюсь.

СОНЕЧКА. Вить, а ты ведь изменился... Ты что, вырос, что ли?

ВИТЯ. А я расту. До сих пор расту. Представляешь, скоро девятнадцать, а я всё расту! На четыре сантиметра вырос. Метр восемьдесят шесть.

СОНЕЧКА. Ну надо же! (*Ложится в постель.*) Мне бы немного подрасти!

ВИТЯ. А тебе зачем? Ты в аккурат! Я дылд не люблю.

СОНЕЧКА. Вить, а Ленка тебе пишет?

ВИТЯ. Раз написала, я сразу не ответил, она обиделась, такое письмо накатала, да ну ее...

СОНЕЧКА. А я от нее письмо получила, пишет, что Тонька Гордиенко замуж вышла.

ВИТЯ. За кого?

СОНЕЧКА. За Славку Кониная.

ВИТЯ. Я знаю его, нашу школу кончал, в оркестре играл, ударником.

СОНЕЧКА. Точно, точно, ударником был. Он отслужил, пришел, и через два месяца Тонька за него вышла. Она хорошая девчонка, Тонька.

ВИТЯ. Вроде ничего. Ну а ты-то как, Сонь?

СОНЕЧКА. Да хорошо, Вить. Все нормально. Ты расскажи лучше, как твоя служба. А то ты тогда зашел на минутку, мы даже не поговорили.

ВИТЯ. Служба — отлично. Можно сказать — повезло. Во-первых, сержантская школа, сама понимаешь, это уже плюс. Потом попал в хорошее место. Москва рядом. Специальность интересная. Ребята отличные со мной служат. Вообще, армия по мне. Я, может, в армии останусь. Есть кой-какие предложения. Но у меня, знаешь, идея — в Военно-инженерную академию поступить.

СОНЕЧКА. Да что ты, Вить, всю жизнь по казармам, по чужим квартирам. Своего дома не иметь.

ВИТЯ. Ну ты и рассуждаешь! А на что он мне, дом? Вон, мой отец всю жизнь угробляется с этим домом. А военный человек, если хочешь знать, он в привилегированном положении. Это нам наш капитан говорит, это точно. Все его проблемы государство решает. Привилегированное положение, понимаешь? Ну, а ты-то как, Сонь? Работает?

236 СОНЕЧКА. Нет, Витя, дома сижу.

ВИТЯ. А чего же ты дома-то делаешь? Обед, что ли, варишь?

СОНЕЧКА. Нет, обед не варю. Обед свекровь варит.

ВИТЯ. Ну, я смотрю, ты хорошо устроилась. (*Смотрит на фотографию на стене.*) Это муж твой?

СОНЕЧКА (*встает*). Да. Это на свадьбе.

ВИТЯ. Этот, лысый?

СОНЕЧКА. Так, немного лысоват. У него глаза очень красивые, необыкновенные.

ВИТЯ. А как он вообще, ничего?

СОНЕЧКА. Он, Витя, человек очень интересный. Он физик...

ВИТЯ. Слушай, а может, неудобно, что я пришел? Твой физик ревнивый, наверное?

СОНЕЧКА. Да что ты, его и в Москве-то нет!

ВИТЯ. В командировке, что ли?

СОНЕЧКА. Как тебе сказать. Не в командировке. Он в Новосибирске.

ВИТЯ. А ты здесь? Чего же ты с ним не поехала?

СОНЕЧКА. Вить, понимаешь, такая история вышла... ты только никому не говори. Ну, из наших.

ВИТЯ. А кому мне говорить? Я здесь, они — там.

СОНЕЧКА. В общем, история такая получилась. Он на свадьбе выпил.

ВИТЯ. Ну, это понятно.

СОНЕЧКА. Выпил, а потом... как это тебе объяснить...

ВИТЯ. Подрался, что ли?

СОНЕЧКА. Нет, что ты! Он не такой. Гораздо хуже.

ВИТЯ. Что хуже? Больше пятнадцати суток?

СОНЕЧКА. Хуже, Витя.

ВИТЯ. Срок?

СОНЕЧКА. Какой срок?

ВИТЯ. Срок он получил, что ли? Сел?

СОНЕЧКА. Да нет, что ты! Он не такой. Он просто уехал.

ВИТЯ. Как — уехал?

СОНЕЧКА. Сразу после свадьбы уехал. Оставил мне записку, что уезжает. А когда вернется, неизвестно. Только ты никому не говори, Вить, ладно? В Бобруйске никто не знает.

ВИТЯ. А что же ты?

СОНЕЧКА. А что я? Я поревела, поревела, потом собралась домой. Стыдно, ужас. Но свекровь меня не пустила. Говорит: «Я его знаю, он вернется. Все будет хорошо — подожди!»

ВИТЯ. Ну и что?

СОНЕЧКА. Вот я и жду.

ВИТЯ. Чего ждешь?

Сонечка опускает голову, Витя хватается за плечи.

Сонька, да ты что? Ты — самая красивая девочка на всю школу! Чтоб так! Да он просто гад, твой Лёва! Бросил тебя, а ты сидишь, ждешь чего-то! Ты бы еще в монастырь пошла! Сонь! Мы в такое время живем, а ты... Где же твоя гордость?.. Сонька!

Сонечка начинает плакать, закрывает глаза руками, плачет по-детски, с обидой.

СОНЕЧКА. Ну нет, нет у меня гордости. Я про гордость и не думала даже. Хорошо тебе говорить! А что? Что мне было делать?

238 ВИТЯ. Да не плачь ты, слушай... Ну что ты, Сонь.

Ну как — что делать? Ну поехала бы домой, работа, то, се...

СОНЕЧКА. Стыдно, Витя. И свекровь не пустила.

ВИТЯ (*обнимает ее*). Какая же ты маленькая, Соня. Ужас просто, какая же ты маленькая. Ты не плачь. Мы что-нибудь придумаем... ты такая красивая... на тебя аж смотреть больно.

СОНЕЧКА. Витя, не надо... Витя, вода на кухне капает. Надо кран завернуть...

ВИТЯ. Пусть капает... Соня... Сонечка...

СОНЕЧКА. Витя...

Начинает играть музыка, еврейская свадебная музыка, которая уже звучала в начале... Громко, тише, тише... капает вода из крана... а потом раздается звонок в дверь.

Витя! Звонят!

ВИТЯ. погоди открывать...

СОНЕЧКА (*уже у двери*). Кто там?

ЕЛИЗАВЕТА. Сонечка, это я, Елизавета Яковлевна.

Соня открывает.

Ой, бедняжка, ты совсем больная... у тебя жар!

Ты ложись, ложись!

СОНЕЧКА. Да нет, ничего... я уже здорова.

Проводит Елизавету Яковлевну на кухню. Одетый Витя шмыгает к двери, Сонечка возвращается из кухни.

ВИТЯ. Я приеду к тебе. Обязательно. Не плачь только. Все будет нормально, слышишь? (*Уходит.*)

СОНЕЧКА. Тетя Лиза, Эсфирь Львовна за лимонами поехала, а потом к вам собиралась...

ЕЛИЗАВЕТА. Она у меня была, Сонечка. Но сейчас она в больнице. 239

СОНЕЧКА. Как — в больнице?

ЕЛИЗАВЕТА. Сонечка, только ты не волнуйся. Случилось несчастье.

СОНЕЧКА. Ой!

ЕЛИЗАВЕТА. Да! И — ни царапинки! Только синяк на правом боку.

СОНЕЧКА. Какой кошмар!

ЕЛИЗАВЕТА. У меня под окном — тополь. Она упала прямо на ветки, а потом — вниз. А внизу стояла целая гора картонных коробок. У нас же магазин внизу...

СОНЕЧКА. Я поеду в больницу. Где это?

ЕЛИЗАВЕТА. Куда ты поедешь? Ночью? Я только что оттуда. Завтра ей сделают рентген и отправят домой.

СОНЕЧКА *(плачет)*. Как все плохо... плохо... плохо...

ЕЛИЗАВЕТА. Ну что ты, девочка, что ты? Разве это плохо? Это все очень, очень хорошо... Она могла бы убиться насмерть.

Картина одиннадцатая

Открывается дверь в пустую квартиру Эсфири Львовны. Входят Сонечка, Эсфирь Львовна в гипсе. Рука зафиксирована локтем вверх, ладонь на уровне лица.

Следом — Елизавета Яковлевна.

ЭСФИРЬ. Ну, слава Богу, я дома. Сонечка, как ты всё хорошо убрала, умница. И цветы...

ЕЛИЗАВЕТА. И обед приготовила твоя Сонечка.

240 ЭСФИРЬ. Так мойте руки и садимся за стол. (*Пытается раздеться, Сонечка ей помогает.*) Тьфу! Это же ужас, как неудобно... и как я буду шить... Ой, это называется еврейское счастье. Ты подумай, Соня, я так удачно выпала из окна, у меня не было ни одной царапины. И надо же было их слушать и делать этот проклятый рентген! Я ведь сразу сказала — везите меня прямо домой, и все! Нет! И вот результат!

Сонечка достает из холодильника еду, ставит на стол.

Я выхожу из этой дурацкой кабины, из этой рентгеновской клетки, а там — ступенька; зачем там ступенька?! И я падаю и ломаю себе локоть, и как! И это тоже еврейское счастье — чтобы сразу два перелома и повреждение сустава! Чтоб мне так повезло!

СОНЕЧКА. Ой, хлеба нет!

ЕЛИЗАВЕТА. Ну так поедим без хлеба.

ЭСФИРЬ. Как это без хлеба, что за еда без хлеба?

СОНЕЧКА. Я сбегаяю... Это же пять минут!

ЭСФИРЬ. Сбегай, доченька, сбегай!

Сонечка уходит.

Лиза, ты ей ничего не говорила? Точно?

ЕЛИЗАВЕТА. Про то, как ты прыгала в окно?

ЭСФИРЬ. Я об этом вообще не хочу слышать. Про письмо ты ей ничего не говорила?

ЕЛИЗАВЕТА. Нет.

ЭСФИРЬ. И не смей. И еще — Лиза, поклянись мне, что Сонечка про это ничего не узнает.

ЕЛИЗАВЕТА. Про письмо?

ЭСФИРЬ. Про окно. Это с каждым может случиться. Клянись, что Сонечка про это ничего не узнает.

ЕЛИЗАВЕТА. Ой-ей-ей!

ЭСФИРЬ. Так. Она от него ничего не получила?

ЕЛИЗАВЕТА. Я об этом ничего не знаю.

ЭСФИРЬ. Ты посмотри, как она старалась. Весь дом блестит, и обед приготовила. Золото, золото, а не девочка! Покойная Сима порадовалась бы за нее.

ЕЛИЗАВЕТА. Не знаю, чему бы уж так радовалась Сима.

ЭСФИРЬ. А чего бы ей не радоваться? Девочку взяли в такую семью, как наша, и на все готовое, слава Богу...

ЕЛИЗАВЕТА (*хватается за голову*). Нет, теперь уже я выброшусь из окна! Я больше не могу! Неужели ты ничего не понимаешь? Неужели ты думаешь, что Лёва будет ее мужем?

ЭСФИРЬ (*кратко*). Нет. Не думаю. Я стала умнее. Когда я была между небом и землей, Лиза, я кое-что поняла. Бог меня любит, Лиза. Другой на моем месте ломал бы себе голову или хотя бы ноги. А мне — хоть бы что! И не говори мне про тополь или про ящики. Это глупости. Когда Авраам уже чуть-чуть не убил Исаака, Бог послал ангела, и ангел привел Аврааму козла! А мне ангел положил картонные ящики! Спрашивается, зачем? Чтоб я стала умнее! Чтобы я знала, для чего мне жить. И не говори мне про Лёву. У меня больше нет сына. Все! Я не хочу больше слышать его имени. У меня есть дочь. Да, я удочерю Сонечку. Я найму учителей, она поступит в институт. Конечно, не в педагогический, что это за

специальность, возиться с чужими детьми. Пусть она будет инженер. Я найду ей мужа. Хорошего еврейского парня, чтоб была хорошая семья. У меня уже есть на примете одна семья. Очень, очень приличная семья... И чтобы она родила детей. Да, и внука мы назовем Вениамин, в честь моего покойного мужа.

ЕЛИЗАВЕТА. Нельзя удочерить взрослого человека. Сонечке восемнадцать лет.

ЭСФИРЬ. Что, в восемнадцать лет уже не нужна мама? Почему я не могу удочерить Сонечку? Она дитя Симы Винавер. А Винаверы — хорошая еврейская семья, и Бог знает сколько лет мы жили с ними на одной улице. Это родная кровь.

ЕЛИЗАВЕТА. Хватит, Фира, хватит. Это не родная кровь. Знай: Сонечка не родная дочь Симы. Приемная. Сима взяла ее в детском доме, когда Сонечке не было пяти лет.

ЭСФИРЬ. Что? Как это?

ЕЛИЗАВЕТА. Я пятьдесят лет проработала акушеркой, Фира. Это бывает. Раньше — реже, теперь — чаще. Сонечку бросила мать. Отказалась.

ЭСФИРЬ. Ой-ей-ей! Какое несчастье! Какая сука! Какая стерва! Я бы убила ее своими руками! Я бы ее задушила! Это хуже фашистов! Оставить, бросить свое дитя! О, что ты мне сказала! Мое сердце просто разрывается! *(Пауза.)* А откуда ты знаешь?

ЕЛИЗАВЕТА. Мне Сонечка сказала.

ЭСФИРЬ. А почему она мне не сказала?

ЕЛИЗАВЕТА. Разговор не зашел.

ЭСФИРЬ. Деточка моя! Доченька моя! Два раза потерять мать! Сирота, без папы, без мамы! Господи, как ты это безобразие допускаешь? Ой, кро-

виночка моя! (Пауза.) Если ее Сима удочерила, почему я не могу?

ЕЛИЗАВЕТА. Да в Сонечке нет ни капли еврейской крови. А Симу спасла и вырастила тетя Клава, и Симе было все равно, есть в ребенке еврейская кровь или нет... А тебе?

ЭСФИРЬ. Лиза, ты дура! Девочку бросила мать. Это такое несчастье! Это сиротская горькая несчастная кровь! А ты говоришь — нет еврейской крови! Это же самая разьеvрейская кровь!

Входит Соня с хлебом.

Доченька моя! Иди сюда!

СОНЕЧКА. Я хлеб принесла.

ЭСФИРЬ. Почему же ты мне ничего не сказала?

СОНЕЧКА. Чего не сказала?

ЭСФИРЬ. Деточка моя, никогда, никогда я тебя не оставлю, кровиночка моя...

СОНЕЧКА. Я хлеб... Что с вами, Эсфирь Львовна?

Картина двенадцатая

СОНЕЧКА. Вить, а когда ты на меня обратил внимание?

ВИТЯ. Я в пятом классе был в тебя ужасно влюблен, и в шестом. А потом возненавидел. Не знаю, почему. Тыходишь в класс, а меня ну просто всего переворачивает.

СОНЕЧКА. Мне всегда казалось, что ты ко мне очень плохо относишься.

ВИТЯ. Ну, а потом, в десятом, мы с Ленкой стали гулять. Она про тебя часто поминала.

244 СОНЕЧКА. Мне Ленка, конечно, говорила, что с тобой встречается.

ВИТЯ. Да все знали. Все наши. Только, Соня, это было все совсем другое. Никакого сравнения. Ты и не думай, Сонь.

СОНЕЧКА. Все равно нехорошо как-то. Ленка — подруга моя. Да со всех сторон нехорошо. Ой, самое главное тебе не сказала! Я письмо от Левы получила.

ВИТЯ. В Новосибирск зовет?

СОНЕЧКА. Совсем наоборот. Он просит прислать ему заявление, чтобы брак признать недействительным.

ВИТЯ. А ты что?

СОНЕЧКА. Я тут же и послала. Витечка, если бы тебя не было, я бы, наверное, очень переживала. А теперь мне это совершенно все равно. И даже очень легко. Я утром как проснусь, вспомню про тебя и улыбаюсь. Меня свекровь все время спрашивает: «Сонечка, чему это ты улыбаешься?»

ВИТЯ. Мне тоже ребята говорили: «Ты что, как дурак, все время улыбаешься?»

Целуются.

Сонь, ты уедешь теперь?

СОНЕЧКА. Уеду, конечно. А что мне тут делать?

ВИТЯ. Когда?

СОНЕЧКА. Когда у Эсфири Львовны гипс снимут. Я же не могу ее одну оставить, с гипсом-то. Ни умыться, ни еду приготовить.

ВИТЯ. В общем-то, ты права. С какой стати тебе у них жить?

СОНЕЧКА. Ты не думай, Витя. Я ведь на работу устраиваюсь. В детский садик, прямо во дворе. Временно.

ВИТЯ. Плохо, конечно, что ты уедешь. Но в общем-то все правильно, Сонь.

СОНЕЧКА. Дождик начинается. Пошли ко мне.

ВИТЯ. Нет, я больше к тебе ходить не буду. Мне перед старухой стыдно. Она все — покушайте, покушайте. Пошли в кино.

СОНЕЧКА. Пошли.

Картина тринадцатая

В квартире Елизаветы Яковлевны. Она в ворохе бумаг.
Сонечка сидит напротив.

ЕЛИЗАВЕТА (*отодвигает бумаги*). Сонечка, что стряслось, детка?

СОНЕЧКА. Все! Все стряслось!

ЕЛИЗАВЕТА. Ты получила письмо от Левы?

СОНЕЧКА. Получила. Отправила я ему заявление. Да не в этом дело!

ЕЛИЗАВЕТА. Так что случилось у тебя?

СОНЕЧКА. Тетя Лизочка, я устраиваюсь на работу в садик.

ЕЛИЗАВЕТА. И хорошо. Я думаю, что ты совершенно права.

СОНЕЧКА. Меня послали по врачам, анализы сдавать и все такое... к терапевту, и к невропатологу, и к гинекологу... и гинеколог мне сказал, что я беременна. Но этого не может быть.

ЕЛИЗАВЕТА. А какой срок, Сонечка?

СОНЕЧКА. В две недели...

246 ЕЛИЗАВЕТА. Нет, нет, этого не может быть. Ни один гинеколог не ставит двухнедельного срока, это какая-то ошибка, недоразумение.

СОНЕЧКА. Вот и я говорю, что этого не может быть! А она говорит — да! А в садике говорят, чтобы я оформление прошла в две недели...

ЕЛИЗАВЕТА. Подожди, деточка, какие две недели? Я спросила, какой срок беременности тебе определили?

СОНЕЧКА. Десять недель. Но этого не может быть!

ЕЛИЗАВЕТА. Извини, Сонечка, но ответь мне на один вопрос: у тебя был кто-то?

СОНЕЧКА (*твердо*). Нет. (*Поколебавшись*.) То есть ничего такого у меня не было.

ЕЛИЗАВЕТА. Погоди, погоди, но что-то ведь было...

СОНЕЧКА. Было один раз что-то такое, но вы не думайте, это не то...

ЕЛИЗАВЕТА. А ты знаешь, что такое то?

СОНЕЧКА. Нет. Но то, что было, это точно не «то».

ЕЛИЗАВЕТА. Ты вспомни все, что было.

СОНЕЧКА. Да почти ничего и не было. Он спросил меня про Леву, а я вдруг разревелась, как дура, мне так обидно показалось, а он меня обнял и поцеловал, и был такой момент, когда я испугалась. Но это было только одно мгновение, и все... потому что вы тогда в дверь позвонили... когда Эсфирь Львовна упала, это было...

ЕЛИЗАВЕТА. Я? Я позвонила... О Господи, ну конечно же...

СОНЕЧКА. Он мой одноклассник, служит под Москвой. Он тогда просто так зашел. И вот, все началось тогда...

ЕЛИЗАВЕТА. Да, тебе повезло, доченька.

СОНЕЧКА. В каком смысле, тетя Лиза?

ЕЛИЗАВЕТА. Я знала множество женщин, у которых за всю жизнь не получалось того, что у тебя получилось в одно мгновение.

СОНЕЧКА. Вы тоже думаете, что я беременна?

ЕЛИЗАВЕТА. Завтра я отведу тебя в мой роддом, к нашему главврачу, он тебя посмотрит, и это уже будет наверняка...

СОНЕЧКА. Какой ужас! Что же делать?

ЕЛИЗАВЕТА. Как — что делать? Рожать.

СОНЕЧКА. Ой, как все нескладно у меня... А как я скажу Эсфири Львовне?

ЕЛИЗАВЕТА. Да подожди ты об Эсфири. Скажи мне, а этот твой герой, он у тебя с тех пор не появлялся?

СОНЕЧКА. Я его четыре раза видела. Первый раз он домой пришел, а потом мы на вокзале встречались. Но больше ничего такого не было. Мы только в кино ходили. И целовались.

ЕЛИЗАВЕТА. А ты ему сказала?

СОНЕЧКА. Нет. Он приедет, наверное, в следующее воскресенье.

ЕЛИЗАВЕТА. Так вот, когда он приедет в следующий раз, ты скажи ему, что беременна. Ты поняла?

СОНЕЧКА. Нет, не смогу. Ну как это я ему такое скажу! Да он и не поверит! Мне все же кажется, здесь какая-то ошибка.

ЕЛИЗАВЕТА. Ты скажи ему, и мы посмотрим, как он себя поведет.

СОНЕЧКА. А Эсфирь Львовна?

ЕЛИЗАВЕТА. А вот ей пока что ничего не говори. Ах ты, горе мое, и откуда ты такая взялась?

248 Картина четырнадцатая

Сонечка и Витя в подъезде.

ВИТЯ. Это точно?

СОНЕЧКА. Точно.

ВИТЯ. Потрясающе! Мать моя обалдеет!

СОНЕЧКА. Вить!

ВИТЯ. Ну, не ожидал от тебя, Сонька! Не ожидал!

СОНЕЧКА. Ты как вообще к этому относишься?

ВИТЯ. К чему?

СОНЕЧКА. Ну, к ребенку...

ВИТЯ. Я же тебе говорю, я не против!

Он пытается ее поцеловать, она его отстраняет.

А что такого? Мы свадьбу устроим! Я со свадьбы не сбегу, за меня не беспокойся! Позовем твоего профессора, вот смех будет!

СОНЕЧКА. Он не профессор, он кандидат наук.

ВИТЯ. Ну, какая разница. У нас в Бобруйске это без разницы! Да вообще, я представляю, как весь Бобруйск обалдеет: выходила за профессора, а вышла за Витьку Михнича!

СОНЕЧКА. Да я тебя не про то, я тебя про ребенка спрашиваю — как ты относишься?

ВИТЯ. Я же тебе говорю — я не против! Ты же девочка была, я что же, не понимаю... Распишемся. Я знаю, у нас в части один парень вот так расписывался с бабой, она приехала, беременна, и расписали по военному билету. Распишемся — и поедешь к моей матери. Вот она обалдеет! А бабка моя (*хохочет*) — та вообще с ума сойдет! Она ваших ужас как не любит!

СОНЕЧКА. Кого не любит?

ВИТЯ. Да евреев она не любит.

СОНЕЧКА (*с испугом*). Правда?

ВИТЯ. Да что ты так испугалась, плевать на нее.

Мне-то все равно. Я тебя знаю, ты девчонка хорошая, хоть и еврейка.

СОНЕЧКА (*после паузы*). Вообще-то я не совсем еврейка. Меня мама из детдома взяла...

ВИТЯ. Иди ты! Ты никогда не говорила! И в классе никто не знал!

СОНЕЧКА. Так что я совсем даже не еврейка...

ВИТЯ. Сонь, да мне все равно! Я бы на тебе, хоть и на еврейке, женился, ты не думай... Я же не подонок какой... Вообще-то, конечно, ты на еврейку и не похожа. У них носиши такие, и они черные, а ты как русалочка, наоборот, вся светленькая такая... (*Тянется ее поцеловать.*)

СОНЕЧКА. Но мама моя была еврейкой.

ВИТЯ. Да что ты заладила, мне плевать вообще-то, плевать, я тебе говорю!

СОНЕЧКА. Нет, ты объясни мне, почему твоя бабушка евреев не любит?

ВИТЯ. Ну ты даешь, привязалась!

СОНЕЧКА. Но, правда, ты объясни мне, что ты имеешь против евреев?

ВИТЯ. Тьфу ты! Хорошо, могу объяснить! Пожалуйста! Потому что евреи хитрые, ищут, где бы получше устроиться, чтоб поменьше работать и побольше загребать. К примеру эти твои, обрати внимание! Мой папаша всю жизнь вкалывает на заводе, а с апреля на садовом участке потеет, и мать тоже, а твои? Свекруха на машинке строчит! Тоже мне работа! Не на заводе! А Лёва твой в лаборатории, на чистенькой работе трис-

250 та рублей загребают. И вообще, где потяжелее, на черной работе, там их не увидишь. Они сидят, как тараканы, в теплом месте. Поняла теперь?

СОНЕЧКА. Вить, ты говоришь что-то не то про легкую еврейскую работу. Моя мама всю жизнь за сто рублей работала в музыкальной школе. С утра до ночи. И Эсфирь Львовна не на легкой работе... и тетя Лиза... Нет, Вить, нет!

ВИТЯ. Ну хорошо, идем дальше! Чего они уезжают? Ну, в Израиль там, в Америку? Родину бросают и уезжают, чтоб жить хорошо. Другие, может, тоже уехали бы, а выпускают только евреев. Поняла?

СОНЕЧКА. Я про это мало знаю, Витя. Но я думаю, что, если б нас меньше ненавидели, так и не уезжали бы!

ВИТЯ. Да ладно, брось ты! Меня эта тема вообще не интересует, я же тебе сразу сказал, мне все равно.

СОНЕЧКА. Я пошла, Вить.

ВИТЯ. Куда ты?

СОНЕЧКА. Я пошла. Меня тошнит.

ВИТЯ. Сонь, что с тобой? Тебе плохо?

СОНЕЧКА. Да. Плохо. Уходи, Витя.

ВИТЯ. Как — уходи?

СОНЕЧКА. Так — уходи и больше не приходи.

ВИТЯ. Да ты что, обалдела, Сонька?

СОНЕЧКА. Уходи!

ВИТЯ. Смотри, я уйду! Ты пожалеешь! *(Пауза.)* Я ведь могу и уйти! *(Стоит на месте.)* Тебе же хуже будет!

СОНЕЧКА. Уходи! *(Убегает.)*

Картина пятнадцатая 251

Квартира Эсфири Львовны.

У нее сидит Елизавета Яковлевна.

ЭСФИРЬ. Да ты понимаешь, Лиза, что ты говоришь?

ЕЛИЗАВЕТА. Понимаю.

ЭСФИРЬ. Да этого не может быть!

ЕЛИЗАВЕТА. Раз я это говорю, Фира, значит, это именно так. Вот в этом я как раз понимаю.

ЭСФИРЬ. Глупости! Просто девочка у меня поправилась. Она была такая худенькая, просто недокормленная! Конечно, ты же понимаешь, как они жили! Просто в нищете! Она ухаживала за мамой и вся растаяла. Ты думаешь, это просто — потерять маму, да еще в таком возрасте!

ЕЛИЗАВЕТА. Беременность десять недель.

ЭСФИРЬ. Какие десять недель? Не смей меня!

ЕЛИЗАВЕТА. Я водила ее к себе в роддом, к нашему главному врачу, он сказал, что все в полном порядке, срок десять-одиннадцать недель.

ЭСФИРЬ. Господи! Да откуда? У нее же никого не было! Что ты мне сказки рассказываешь? Тоже мне, дева Мария!

ЕЛИЗАВЕТА. Было, не было — это как раз не наше дело.

ЭСФИРЬ. Да кто же это? Кто этот мужик?

ЕЛИЗАВЕТА. Ее одноклассник бывший.

ЭСФИРЬ. Как, этот солдатик?

Елизавета кивает.

Да он же совершенный балбес! Что он может ей дать? Нет, нет, не может этого быть!

252 ЕЛИЗАВЕТА. Сонечка тоже считала, что этого не может быть. Она болела, у нее была температура...

ЭСФИРЬ. А-а! Он ее изнасиловал!

ЕЛИЗАВЕТА (*машет рукой*). Да что ты, что ты! Он не такой большой специалист в этом вопросе. Я думаю, что он в этом деле понимает ненамного больше ее.

ЭСФИРЬ. Слушай, Лиза, он приходил к нам с месяц, что ли, назад, и они игрались в детский конструктор. Я достала Лёвин конструктор с антресолей, хотела отдать соседскому мальчику, и они целый вечер в него игрались... Не может быть! Что же теперь делать?

ЕЛИЗАВЕТА. Я водила ее к главврачу... и договорилась, она будет у нас рожать, и я сама приму роды. Все будет в порядке.

ЭСФИРЬ (*качается на стуле из стороны в сторону, обхватив голову руками*). Но почему, почему она мне сама не сказала?

ЕЛИЗАВЕТА. Скажет. Сегодня скажет. Но пусть она сначала скажет этому... кавалеру...

ЭСФИРЬ. Кавалеру... да... Что я тебе скажу, Лиза? Я думала, что все будет не так. Но хорошо, пусть будет так! У нас родится мальчик, и мы назовем его Вениамином.

ЕЛИЗАВЕТА. А если родится девочка?

ЭСФИРЬ. Глупости! В нашей семье первенцы всегда были мальчики!

Входит Сонечка, заплаканная. Эсфирь Львовна встречает ее долгим взглядом.

Сонечка, доченька, подойди ко мне!

Сонечка подходит.

Сонечка, как же тебе не стыдно? Почему ты так долго молчала? Почему ты ничего не сказала маме? Как же так можно? В твоём положении нужно хорошее питание, доченька! (*Целует ее, плачет, сдерживается, дальше сквозь слезы.*) И творог! И фрукты! И витамины!

Слышен свист из окна.

И мы назовем его Вениамином!

СОНЕЧКА. Я думала, что вы...

ЭСФИРЬ. Мало ли что ты думала! Я столько всего передумала, что моя голова стала как гнилой орех. Ты приведи своего солдата, я хочу с ним получше познакомиться.

СОНЕЧКА (*качает головой*). Нет, в этот дом я его никогда не приведу.

ЭСФИРЬ. А почему? Чем наш дом для него нехорош? Что ты молчишь?

СОНЕЧКА. Я не могу этого сказать. Не хочу этого сказать.

Свист.

Елизавета Яковлевна подходит к окну.

ЭСФИРЬ. Очень интересно. Наш дом ему не подходит. Наш еврейский дом ему не подходит. Правильно я поняла?

СОНЕЧКА. Нет, он другое говорил.

ЭСФИРЬ. Я же вижу, Лиза, он полный балбес! Что, Сонечка, он не хочет на тебе жениться?

СОНЕЧКА. Я не хочу. Я совсем не хочу выходить за него замуж.

ЭСФИРЬ (*очень мягко*). Сонечка! Не хочешь, и не

254 надо! И даже лучше! Мы сами вырастим нашего
 мальчика!

Снова с улицы слышен свист.

ЕЛИЗАВЕТА. Соня, там на улице твой солдат тебя
 свистит.

СОНЕЧКА. Я слышу. Я не пойду.

Пауза.

ЭСФИРЬ. Ой, я не знаю. С другой стороны, мальчи-
ку нужен папа. Ой, как нужен. Ты пойд и при-
веди его. Поживет, и увидим. И потом: он ужас-
но шмыгает носом. Ему нужно купить носовые
платки. Недавно я видела в Марьинском Мос-
торге очень хорошие. Индийские. Соня, почему
ты молчишь? Лиза, почему ты молчишь?

ЗАНАВЕС

Содержание

Семеро святых из деревни Брюхо. <i>Пьеса</i>	5
Русское варенье. <i>Пьеса в трех действиях</i> <i>без антрактов</i>	75
Мой внук Вениамин. <i>Пьеса в двух действиях</i> . . .	191

Литературно-художественное издание

Людмила Улицкая

РУССКОЕ ВАРЕНЬЕ И ДРУГОЕ

Ответственный редактор *Н. Холодова*
Редактор *А. Грызунова*
Художественный редактор *М. Суворова*
Компьютерная верстка *К. Москалев*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо», 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в ООО «Дип покет»**
E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

**International Sales: international wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd.
for their orders. foreignseller@eksmo-sale.ru**

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформ-
лении, обращаться в ООО «Форум»: тел. 411-73-58 доб. 2598. E-mail: vipzakaz@eksmo.ru**

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

- В Санкт-Петербурге:** ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 268-83-59/60.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литер «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 501-91-19.
Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать 30.11.2007.
Формат 84×108 1/32. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 13,44.
Тираж 150 000 (1-й завод 50 100) экз. Заказ № 2539.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

